ДОКЛАДЫ КОМИССИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

о второй части ее семнадцатой сессии
3–28 января 1966 года
и о ее восемнадцатой сессии
4 мая – 19 июля 1966 года

Том I

ГЕНЕРАЛЬНАЯ АССАМБЛЕЯ
ОФИЦИАЛЬНЫЕ ОТЧЕТЫ • ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ СЕССИЯ
ДОПОЛНЕНИЕ №9 (A/6309/Rev. 1)

ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

ДОКЛАДЫ КОМИССИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

о второй части ее семнадцатой сессии
3–28 января 1966 года
и о ее восемнадцатой сессии
4 мая – 19 июля 1966 года

Том I

ГЕНЕРАЛЬНАЯ АССАМБЛЕЯ
ОФИЦИАЛЬНЫЕ ОТЧЕТЫ • ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ СЕССИЯ
ДОПОЛНЕНИЕ №9 (A/6309/Rev. 1)

ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

Нью-Йорк • 1966

ПРИМЕЧАНИЕ

Условные обозначения документов Организации Объединенных Наций состоят из прописных букв и цифр. Когда такое обозначение встречается в тексте, оно служит указанием на соответствующий документ Организации.

Часть I

ДОКЛАД КОМИССИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА О РАБОТЕ ВТОРОЙ ЧАСТИ ЕЕ СЕМНАДЦАТОЙ СЕССИИ

Монако, 3-28 января 1966 года

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел		Пункты	Стр.
A.	ВВЕДЕНИЕ.....	1-3	5
B.	ЧЛЕНЫ КОМИССИИ И ИХ УЧАСТИЕ В РАБОТЕ ...	4-5	6
C.	ДОЛЖНОСТНЫЕ ЛИЦА	6-8	7
D.	ПОВЕСТКА ДНЯ И ЗАСЕДАНИЯ	9-10	8
E.	ПРАВО ДОГОВОРОВ	11-12	8
F.	РЕЗОЛЮЦИЯ О ВЫРАЖЕНИИ БЛАГОДАРНОСТИ ПРАВИТЕЛЬСТВУ МОНАКО	13	9
G.	ОРГАНИЗАЦИЯ И ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ВОСЕМНАДЦАТОЙ СЕССИИ	14-15	9
H.	СОТРУДНИЧЕСТВО С ДРУГИМИ ОРГАНАМИ	16-18	10
I.	СЕМИНАР ПО МЕЖДУНАРОДНОМУ ПРАВУ	19-20	11

A. ВВЕДЕНИЕ

1. Комиссия международного права, созданная во исполнение резолюции 174 (II) Генеральной Ассамблеи от 21 ноября 1947 года и в соответствии с ее Положением, приложенным к этой резолюции (с последующими изменениями), провела вторую часть своей семнадцатой сессии с 3 по 28 января 1966 года во Дворце съездов в княжестве Монако.

2. На шестнадцатой сессии, состоявшейся в 1964 году, и на первой части семнадцатой сессии в 1965 году Комиссия указала, что в начале 1966 года необходимо провести четырехнедельные заседания с тем, чтобы в течение этого года завершить работу по проектам статей о праве договоров и о специальных миссиях до того, как закончится срок полномочий членов Комиссии настоящего состава[1/]. Резолюцией 2045 (XX) от 8 декабря 1965 года Генеральная Ассамблея одобрила предложение Комиссии о проведении заседаний с 3 по 28 января 1966 года.

3. Правительство княжества Монако предложило Комиссии провести свои заседания в январе 1966 года в Монако и взяло на себя покрытие дополнительных расходов в соответствии с резолюцией 1202 (XII) Генеральной Ассамблеи от 13 декабря 1957 года. Комиссия, исходя из статьи 12 своего Положения и проконсультировавшись с Генеральным секретарем, решила принять это приглашение. В результате вторая часть семнадцатой сессии Комиссии проходила в Монако.

1/ Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, девятнадцатая сессия, Дополнение № 9 (A/5809), глава IV, пункты 36-38; там же, двадцатая сессия, Дополнение № 9 (A/6009), глава IV, пункты 52-56, и глава V, пункт 65.

B. ЧЛЕНЫ КОМИССИИ И ИХ УЧАСТИЕ В РАБОТЕ

4. В Комиссию входят следующие лица:

Имя	Гражданство
Г-н Роберто АГО	Италия
Г-н Жильберто АМАДО	Бразилия
Г-н Милан БАРТОШ	Югославия
Г-н Мохаммед БЕДЖАУИ	Алжир
Г-н Герберт У. БРИГГС	Соединенные Штаты Америки
Г-н Марсель КАДЬЕ	Канада
Г-н Эрик КАСТРЕН	Финляндия
Г-н Абдулла ЭЛЬ-ЭРИАН	Объединенная Арабская Республика
Г-н Таслим О. ЭЛИАС	Нигерия
Г-н Эдуардо ХИМЕНЕС де АРЕЧАГА	Уругвай
Г-н Манфред ЛАКС	Польша
Г-н ЛЮ Цзе	Китай
Г-н Антонио де ЛУНА	Испания
Г-н Радхабинод ПАЛ	Индия
Г-н Анхел М. ПАРЕДЕС	Эквадор
Г-н Обед ПЕССУ	Сенегал
Г-н Поль РЕЙТЕР	Франция
Г-н Шабтай РОЗЕН	Израиль
Г-н Хосе Мария РУДА	Аргентина
Г-н Абдул Хаким ТАБИБИ	Афганистан
Г-н Сенджин ЦУРУОКА	Япония
Г-н Г.И. ТУНКИН	Союз Советских Социалистических Республик
Г-н Альфред ФЕРДРОСС	Австрия
Сэр Хемфри УОЛДОК	Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии
Г-н Мустафа Камиль ЯССИН	Ирак

5. Присутствовали все члены, за исключением г-на Абдуллы Эль-Эриана, г-на Лю Цзе, г-на Радхабинода Пала, г-на Анхела М. Паредеса и г-на Абдуллы Хакима Табиби, которые не смогли принять участие в работе второй части семнадцатой сессии Комиссии.

C. ДОЛЖНОСТНЫЕ ЛИЦА

6. Должностные лица, избранные 3 мая 1965 года на 775-м заседании на первой части сессии, продолжали выполнять свои функции на второй части сессии. Функции должностных лиц были распределены следующим образом:

Председатель:	Г-н Милан Бартош
Первый заместитель председателя:	Г-н Эдуардо Хименес де Аречага
Второй заместитель председателя:	Г-н Поль Рейтер
Докладчик:	Г-н Таслим О. Элиас

7. Редакционный комитет, назначенный на первой части сессии, также продолжал выполнять свои функции. В состав Редакционного комитета входили:

Председатель: Г-н Эдуардо Хименес де Аречага

Члены: Г-н Роберто Аго, г-н Герберт Бриггс, г-н Таслим О. Элиас, г-н Манфред Лакс, г-н Поль Рейтер, г-н Шабтай Розен, г-н Хосе Мария Руда, г-н Г.И. Тункин, сэр Хемфри Уолдок и г-н Мустафа Камиль Яссин. Кроме того, по просьбе Комиссии временно в качестве членов Комиссии работали г-н Марсель Кадье и г-н Антонио де Луна.

8. Директор Отдела кодификации Управления по правовым вопросам г-н К.А. Багинян представлял Генерального секретаря и был секретарем Комиссии.

D. ПОВЕСТКА ДНЯ И ЗАСЕДАНИЯ

9. Повестка дня семнадцатой сессии была принята 3 мая 1965 года на 775-м заседании первой части сессии. В соответствии с постановлением Комиссии, принятым в 1965 году[2/], вторая часть сессии была посвящена главным образом праву договоров. Также были рассмотрены вопросы о проведении и продолжительности восемнадцатой сессии в 1966 году, о сотрудничестве с другими органами и ряд других дел.

10. В течение второй части семнадцатой сессии Комиссии состоялось двадцать два открытых заседания[3/]. Кроме того, восемь заседаний провел Редакционный комитет.

E. ПРАВО ДОГОВОРОВ

11. На заседаниях в Монако Комиссия, занимаясь правом договоров, рассматривала не обсуждавшуюся ранее часть четвертого доклада (A/CN.4/177/Add.2) специального докладчика сэра Хемфри Уолдока, пятый доклад Специального докладчика (A/CN.4/183 и Adds.1-4); часть II проекта статей о праве договоров, принятую Комиссией на пятнадцатой сессии в 1963 году[4/], и замечания правительств к этому проекту статей (A/CN.4/175 и Adds.1-4).

12. В свете замечаний правительств Комиссия пересмотрела статьи 30-50 проекта статей. Она решила отложить вынесение решения по статье 40 до восемнадцатой сессии, и на этой сессии Редакционный комитет представит доклад по статьям 49 и 50, которые ему не удалось полностью рассмотреть в Монако. В целом Комиссия приняла пересмотренный текст девятнадцати статей. Как разъясняется в ее последнем докладе[5/], эти тексты по-прежнему должны рассматриваться как предмет для обсуждения на восемнадцатой сессии Комиссии, когда будет завершена ее

2/ Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, двадцатая сессия, Дополнение № 9 (A/6009), глава IV, пункт 55.

3/ Заседания 822-843.

4/ Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, восемнадцатая сессия, Дополнение № 9 (A/5509), глава II.

5/ Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, двадцатая сессия, Дополнение № 9 (A/6009), глава II, пункты 27-28.

работа по проекту статей о праве договоров. В этом докладе также разъясняется, что Комиссия предпочла отложить обсуждение всех замечаний до восемнадцатой сессии, когда в ее распоряжении будет находиться окончательный текст всех статей, которые должны быть включены в проект. Тексты статей 30-50 в окончательном виде будут вместе с относящимися к ним комментариями опубликованы как часть полного проекта о праве договоров в докладе Комиссии о работе ее восемнадцатой сессии.

F. РЕЗОЛЮЦИЯ О ВЫРАЖЕНИИ БЛАГОДАРНОСТИ ПРАВИТЕЛЬСТВУ МОНАКО

13. 27 января 1966 г. на 843-м заседании Комиссия единогласно приняла следующую резолюцию:

"Комиссия международного права,

собравшись с 3 по 28 января 1966 г. для продолжения работы своей семнадцатой сессии,

выражает свою глубокую благодарность правительству Его Высочества принца Рэне III и Княжеству Монако за предоставленную возможность провести вторую часть семнадцатой сессии Комиссии в Монако, за их великодушное гостеприимство и за их вклад в завершение работы".

G. ОРГАНИЗАЦИЯ И ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ВОСЕМНАДЦАТОЙ СЕССИИ

14. 28 января 1966 г. на 843-м заседании Комиссия постановила, что ее восемнадцатая сессия будет в основном посвящена праву договоров и специальным миссиям и что в начале сессии будет обсуждаться право договоров. Комиссия хотела бы также обсудить на этой сессии вопрос об организации дальнейшей работы по другим пунктам повестки дня.

15. На заседаниях в 1965 году[6/] Комиссия пожелала зарезервировать возможность двухнедельного продления своей восемнадцатой сессии летом 1966 года. Вопрос о продлении должен быть решен в январе

6/ Там же, глава IV, пункт 54, и глава V, пункт 66.

1966 года в свете проделанной к этому времени работы. В резолюции 2045 (XX) от 8 декабря 1965 г. Генеральная Ассамблея с одобрением приняла к сведению это предложение. 20 января 1966 г. на 835-м заседании Комиссия единодушно в принципе высказалась за двухнедельное продление, при условии возможно ранней отсрочки, если это позволит ход работы. Исходя из этого, предполагается, что восемнадцатая сессия будет проходить с 4 мая по 22 июля 1966 года. Она состоится в Женевском отделении Организации Объединенных Наций.

H. СОТРУДНИЧЕСТВО С ДРУГИМИ ОРГАНАМИ

Европейский комитет по юридическому сотрудничеству

16. 10 января 1966 г. на 827-м заседании Комиссия рассмотрела письмо Генерального секретаря Европейского совета от 16 декабря 1965 г. на имя Генерального секретаря Организации Объединенных Наций, который передал это письмо в Комиссию. В письме говорилось, что в 1963 году Европейский совет учредил специальный орган - Европейский комитет по юридическому сотрудничеству - для развития сотрудничества его государств-членов в юридической области. Комитет, состоящий из делегаций 18 государств и трех делегатов Консультативной ассамблеи Европейского совета, рассматривает различные вопросы (в том числе иммунитет государств, консульские полномочия и оговорки к международным договорам), которые, судя по всему, относятся к области работы Комиссии международного права. Было предложено установить отношения сотрудничества между Комиссией и Европейским комитетом наподобие тех, которые существуют с юридическими органами Организации американских государств и с Азиатско-африканским юридическим консультативным комитетом. На 827-м заседании Комиссия решила оформить связи с Европейским комитетом по юридическому сотрудничеству на основании статьи 26 своего Положения.

17. На заседаниях Комиссии Европейский комитет был представлен директором управления по юридическим делам Европейского совета г-ном Голсонгом, который на 830-м заседании рассказал Комиссии о работе Комитета.

Межамериканский совет юристов

18. Межамериканский юридический комитет - постоянный орган Межамериканского совета юристов - был представлен г-ном Хосе Хоакином Кайседо Кастилья, который 13 января 1966 г. на 830-м заседании Комиссии рассказал о работе Организации американских государств в юридической области. В частности, он остановился на заседаниях Межамериканского совета юристов, проходивших в Сан-Сальвадоре[7] на заседаниях Межамериканского юридического комитета, проходивших в Рио-де-Жанейро в июле, августе и сентябре 1965 года, и на чрезвычайной Межамериканской конференции, состоявшейся в ноябре 1965 года в Рио-де-Жанейро. Юридический комитет завершил работу по проектам, касающимся ширины территориального моря, международной ответственности государства, промышленного и сельскохозяйственного использования международных рек и озер и различий между интервенцией и коллективными действиями. Чрезвычайная конференция рассмотрела среди прочих вопросов мнение Юридического комитета в отношении последнего вопроса.

I. СЕМИНАР ПО МЕЖДУНАРОДНОМУ ПРАВУ

19. 14 января 1966 г. на 831-м заседании Комиссия приняла к сведению заключительные пункты преамбулы и пункт 4 постановляющей части резолюции 2045 (XX) Генеральной Ассамблеи от 8 декабря 1965 г., в которой Генеральная Ассамблея с удовлетворением приняла к сведению тот факт, что в ходе первой части семнадцатой сессии Комиссии Европейское отделение Организации Объединенных Наций в Женеве провело семинар по международному праву, и выразила пожелание, чтобы в ходе последующих сессий проводились другие семинары с участием разумного числа представителей развивающихся стран. На этом заседании г-н Пьер Ратон, уполномоченный за организацию семинара, дал от имени Европейского отделения Организации Объединенных Наций в Женеве разъяснения

7/ Об этом сообщается в докладе (A/CN.4/176) г-на Эдуардо Хименеса де Аречага, представленном Комиссии на первой части семнадцатой сессии.

относительно семинара, который должен состояться в период работы восемнадцатой сессии Комиссии. Он отметил, что, по практическим причинам, семинар необходимо начинать не позднее второй или третьей недели сессии. Второй семинар будет несколько более продолжительным, чем первый, с тем чтобы дать возможность участникам семинара заняться исследовательской работой в библиотеке Дворца Наций. Число участников будет увеличено до максимальной цифры в 20 или 21 человек в целях обеспечения лучшего географического распределения, однако дальнейшее увеличение грозит ухудшить возможности участников играть активную роль и устанавливать личные контакты с членами Комиссии. Была выражена надежда, что другие правительства последуют примеру правительств Израиля и Швеции, которые великодушно согласились обеспечить по одной стипендии, с тем чтобы дать возможность гражданам развивающихся стран посетить семинар.

20. В ходе обсуждения некоторые члены Комиссии сделали в отношении семинара свои замечания. Один из членов предложил, чтобы были приложены дальнейшие усилия для изучения возможности получения стипендий от правительств и из частных источников. Другой член Комиссии считал, что было бы желательным, чтобы помимо лектора лекции посещали и другие члены Комиссии, в результате чего прения будут расширены, что максимальное число участников может быть увеличено до 30 и что лучшим способом отбора наиболее достойных кандидатов на получение стипендий был бы отбор кандидатов, проводимый университетами в странах, направляющих участников семинара. Комиссия постановила предложить эти замечания вниманию Европейского отделения Организации Объединенных Наций в Женеве для изучения.

Часть II

ДОКЛАД КОМИССИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА О РАБОТЕ ЕЕ ВОСЕМНАДЦАТОЙ СЕССИИ

Женева, 4 мая - 19 июля 1966 года

СОДЕРЖАНИЕ

Глава		Пункты	Стр.
I.	ОРГАНИЗАЦИЯ СЕССИИ	1-8	15
	A. Члены Комиссии и их участие в работе сессии	2-3	16
	B. Должностные лица	4-6	17
	C. Повестка дня	7-8	18
II.	ПРАВО ДОГОВОРОВ	9-38	19
	I. Введение	9-35	19
	A. Краткие сведения о работе Комиссии	9-22	19
	B. Форма проекта статей	23-27	25
	C. Пределы применения проекта статей..	28-35	28
	II. Рекомендация Комиссии по созыву международной конференции по праву договоров ..	36-37	30
	III. Резолюция, принятая Комиссией	38	31
	ПРОЕКТ СТАТЕЙ О ПРАВЕ ДОГОВОРОВ	-	32
	ПРОЕКТ СТАТЕЙ О ПРАВЕ ДОГОВОРОВ И КОММЕНТАРИИ	-	68
	Часть		
	I. Введение	-	68
	II. Заключение и вступление договоров в силу	-	83
	Раздел		
	1. Заключения договоров	-	83
	Правоспособность государств заключать договоры	-	83
	2. Оговорки к многосторонним договорам	-	122
	3. Вступление договора в силу	-	146

СОДЕРЖАНИЕ (продолжение)

Глава		Пункты	Стр.
	Часть		
	Ш. Соблюдение, применение и толкование договоров	-	151
	Раздел		
	1. Соблюдение договоров	-	151
	2. Применение договоров	-	154
	3. Толкование договоров	-	176
	4. Договоры и третьи государства	-	203
	IV. Поправки к договорам и изменения договоров	-	223
	V. Недействительность, прекращение и приостановление действия договоров	-	242
	Раздел		
	1. Общие положения	-	242
	2. Недействительность договоров..	-	253
	3. Прекращение и приостановление действия договора	-	285
	4. Процедура	-	331
	5. Последствия недействительности, прекращения или приостановления действия договора	-	341
	VI. Прочие постановления	-	351
	VII. Депозитарии, уведомления, поправки и регистрация	-	356
III.	СПЕЦИАЛЬНЫЕ МИССИИ	39-71	374
	I. Историческая справка	39-56	374
	II. Краткий отчет о дискуссии в Комиссии на ее восемнадцатой сессии	57-70	380
	III. Другие постановления Комиссии.....	71	385
IV.	ДРУГИЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ И ЗАКЛЮЧЕНИЯ КОМИССИИ ..	72-84	386
	A. Организация будущей работы	72-74	386
	B. Время и место проведения девятнадцатой сессии	75	387
	C. Сотрудничество с другими органами	76-79	387
	D. Представительство на двадцать первой сессии Генеральной Ассамблеи	80	388
	E. Семинар по международному праву	81-84	388

ГЛАВА I

ОРГАНИЗАЦИЯ СЕССИИ

1. Восемнадцатая сессия Комиссии международного права, образованной во исполнение резолюции 174 (П) Генеральной Ассамблеи от 21 ноября 1947 г. и в соответствии с Положением о названной Комиссии, приложенным к этой резолюции, с внесенными в него впоследствии изменениями, проходила в Европейском отделении Организации Объединенных Наций в Женеве с 4 мая по 19 июля 1966 года. Таким образом, Комиссия воспользовалась возможностью продления сессии, которая была предоставлена ей Генеральной Ассамблеей на двадцатой сессии, с тем чтобы позволить Комиссии завершить возможно большую часть работы в течение срока полномочий нынешних членов Комиссии. В настоящем докладе дается описание хода работы Комиссии на этой сессии. В главе П доклада, где говорится о праве договороа, приводится описание работы Комиссии по данному вопросу, а также семьдесят пять проектов статей и комментарии к ним, окончательно одобренные Комиссией. В главе Ш, касающейся специальных миссий, содержится описание работы Комиссии по данному вопросу. В главе IV изложены программа работы и организация будущих сессий Комиссии, а также некоторые административные и другие вопросы.

A. ЧЛЕНЫ КОМИССИИ И ИХ УЧАСТИЕ В РАБОТЕ СЕССИИ

2. Комиссия состоит из следующих членов:

Г-н Роберто АГО	Италия
Г-н Жильберто АМАДО	Бразилия
Г-н Милан БАРТОШ	Югославия
Г-н Мохаммед БЕДЖАУИ	Алжир
Г-н Герберт У. БРИГГС	Соединенные Штаты Америки
Г-н Марсель КАДЬЕ	Канада
Г-н Эрик КАСТРЕН	Финляндия
Г-н Абдулла ЭЛЬ-ЭРИАН	Объединенная Арабская Республика
Г-н Таслим О. ЭЛИАС	Нигерия
Г-н Эдуардо ХИМЕНЕС ДЕ АРЕЧАГА	Уругвай
Г-н Манфред ЛАКС	Польша
Г-н ЛЮ цзе	Китай
Г-н Антонио ДЕ ЛУНА	Испания
Г-н Радхабинод ПАЛ	Индия
Г-н Анхел ПАРЕДЕС	Эквадор
Г-н Обед ПЕССУ	Того
Г-н Поль РЕЙТЕР	Франция
Г-н Шабтай РОЗЕН	Израиль
Г-н Хосе Мариа РУДА	Аргентина
Г-н Абдул Хаким ТАБИБИ	Афганистан
Г-н Сенджин ЦУРУОКА	Япония
Г-н Г.И. ТУНКИН	Союз Советских Социалистических Республик
Г-н Альфред ФЕРДРОСС	Австрия
Сэр Хэмфри УОЛДОК	Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии
Г-н Мустафа Камиль ЯССИН	Ирак

3. За исключением г-на Мохаммеда БЕДЖАУИ, г-на Марселя КАДЬЕ, г-на Таслима О. ЭЛИАС, г-на Лю цзе и г-на Радхабинод ПАЛ, которые не имели возможности присутствовать на восемнадцатой сессии, все другие члены Комиссии присутствовали.

B. ДОЛЖНОСТНЫЕ ЛИЦА

4. На 844-м заседании 4 мая 1966 г. Комиссия избрала следующих должностных лиц:

Председатель:	Г-н Мустафа Камиль Яссин
Первый заместитель Председателя:	Г-н Герберт У. Бриггс
Второй заместитель Председателя:	Г-н Манфред Лакс
Докладчик:	Г-н Антонио де Луна

5. На 845-м заседании 5 мая 1966 г. Комиссия назначила Редакционный комитет в следующем составе:

Председатель: Г-н Герберт У. Бриггс

Члены: Г-н Роберто Аго; г-н Эрик Кастрен; г-н Абдулла Эль-Эриан; г-н Эдуардо Хименес де Аречага; г-н Манфред Лакс; г-н Антонио де Луна; г-н Поль Рейтер; г-н Шабтай Розен; г-н Г.И. Тункин; сэр Хэмфри Уолдок.

6. Г-н Константин А. Ставропулос, юрисконсульт, присутствовавший на 878-м, 879-м и 880-м заседаниях, состоявшихся 27, 28 и 29 июня 1966 г., представлял Генерального секретаря на этих заседаниях. Директор Отдела кодификации Управления по правовым вопросам г-н К.А.Багинян представлял Генерального секретаря на других заседаниях сессии и был секретарем Комиссии.

C. ПОВЕСТКА ДНЯ

7. Комиссия приняла повестку дня восемнадцатой сессии, состоявшую из следующих пунктов:

1. Право договоров
2. Специальные миссии
3. Организация будущей работы
4. Время и место девятнадцатой сессии
5. Сотрудничество с другими органами
6. Другие вопросы

8. В ходе сессии Комиссия провела пятьдесят открытых заседаний. Кроме этого, Редакционный комитет провел двадцать три заседания. Комиссия рассмотрела все пункты повестки дня. По предложению Юрисконсульта Организации Объединенных Наций и в соответствии с предложениями, сделанными Шестым комитетом на двадцатой сессии Генеральной Ассамблеи, Комиссия обсудила процедурные и организационные проблемы, связанные с возможной дипломатической конференцией по праву договоров, а также вопрос об ответственности органов Организации Объединенных Наций за содействие сотрудничеству в развитии международного торгового права и в поощрении его прогрессивной унификации и гармонизации.

ГЛАВА II

ПРАВО ДОГОВОРОВ

I. Введение

A. Краткие сведения о работе Комиссии

9. На первой сессии, которая состоялась в 1949 г., Комиссия международного права на шестом и седьмом заседаниях включила вопрос "Право договоров" в перечень предметов для кодификации, данный ею в докладе[1/] за указанный год, и на 33-м заседании назначила специальным докладчиком по этому вопросу г-на Дж.Л. Брайерли.

10. На второй сессии в 1950 г. Комиссия посвятила свои 49-е - 53-е и 78-е заседания предварительному обсуждению первого доклада г-на Брайерли[2/], в котором, как и в других докладах, предусматривалось, что работа Комиссии над правом договоров выльется в форму проекта конвенции. Кроме того, Комиссия имела в своем распоряжении ответы правительств на вопросник, разосланный им на основании пункта 2 статьи 19 Положения о Комиссии[3/].

11. На состоявшейся в 1951 г. третьей сессии Комиссия имела в своем распоряжении два доклада г-на Брайерли[4/], один из которых касался продолжения общей работы Комиссии над правом договоров, а другой - оговорок к многосторонним конвенциям, - вопроса, переданного Комиссии Генеральной Ассамблеей в соответствии с резолюцией 478 (V) от 16 ноября 1950 г., на основании которой Ассамблея также обратилась к Международному Суду с просьбой о консультативном заключении по конкретному вопросу об оговорках к Конвенции о геноциде[5/]. Комиссия

1/ Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, четвертая сессия, Дополнение № 10 (A/925), пункт 16.

2/ Yearbook of the International Law Commission, 1950, том II, стр. 223.

3/ Там же, стр. 196.

4/ Yearbook of the International Law Commission, 1951, том II, стр. 1 и 70.

5/ I.C.J. Reports 1951, p. 15.

рассмотрела первый доклад на 84-м - 88-м, 98-м - 100-м и 134-м заседаниях и второй доклад - на 100-м - 106-м, 125-м - 129-м и 133-м заседаниях. Заключения Комиссии относительно оговорок к многосторонним конвенциям изложены в главе II ее доклада[6/].

12. На состоявшейся в 1952 г. четвертой сессии Комиссия имела в своем распоряжении подготовленный г-ном Брайерли третий доклад о праве договоров[7/], но ввиду того что г-н Брайерли вышел из состава Комиссии, Комиссия сочла нецелесообразным обсуждать доклад в отсутствие его автора, и после обсуждения на 178-м и 179-м заседаниях назначила специальным докладчиком г-на(позднее сэра Херша)Лаутерпахта. В 1952 году Секретариат выпустил том Юридической серии Организации Объединенных Наций[8/], озаглавленный "Законы и практика относительно заключения соглашений".

13. На пятой сессии, состоявшейся в 1953 году, и на шестой сессии, состоявшейся в 1954 году, Комиссия получила два доклада[9/] сэра Херша Лаутерпахта, но не имела возможности обсудить их. Поскольку тем временем сэр Херш Лаутерпахт вышел из состава Комиссии ввиду его избрания судьей Международного Суда, Комиссия на седьмой сессии в 1955 году (296-е заседание) назначила вместо него специальным докладчиком сэра Джеральда Фицмориса.

14. На следующих пяти сессиях Комиссии с 1956 г. по 1960 г. сэр Джеральд Фицморис представил пять[10/] очередных докладов,

---

6/ Yearbook of the International Law Commission, 1951, Vol. II, pp. 125-131.

7/ Yearbook of the International Law Commission, 1952, vol. II, p. 50

8/ ST/LEG/SER.B/3 (United Nations publication, Sales No. 1952 V 4).

9/ Yearbook of the International Law Commission, 1953, vol. II, p. 90, and 1954, vol. II, p. 123.

10/ Yearbook of the International Law Commission, 1956, vol. II, p. 104; 1957, vol.II,p.16; 1958, vol. II,p. 20; 1959, vol.II,p. 37;and 1960,vol.II, p. 69. В 1957 г. Секретариат опубликовал "Handbook of Final Clauses" (ST/LEG/6). Кроме этого, на одиннадцатой сессии в 1959 году Секретариат представил записку о применяемой им практике в отношении ряда вопросов; Yearbook of the International Law Commission, 1959,vol.II,p.82. В том же году Секретариат опубликовал "Summary of the Practice of the Secretary-General as Depositary of Multilateral Agreements" (ST/LEG/7).

посвященных: a) составлению,заключению и вступлению в силу договоров, b) прекращению договоров, c) необходимой и реальной действительности договоров, d) последствиям договоров для сторон (применение, осуществление и выполнение) и e) договорам и третьим государствам. Полностью учитывая доклады своих предшественников, сэр Джеральд Фицморис, тем не менее, составил свои проекты заново и придал этим проектам форму скорее пояснительного кодекса, чем конвенции. В течение этого периода Комиссия главным образом занималась другими вопросами и, если не считать краткого обсуждения некоторых относящихся к праву договоров общих вопросов на 368-м - 370-м заседаниях восьмой сессии, состоявшейся в 1956 году, Комиссия смогла сконцентрировать свое внимание на праве договоров только на одиннадцатой сессии в 1959 году. На этой сессии на двадцати шести заседаниях (480-е - 496-е, 500-е - 504-е и 519-е - 522-е заседания) Комиссия обсудила первый доклад сэра Джеральда Фицмориса и предварительно приняла тексты четырнадцати статей, вместе с соответствующими комментариями. Однако времени, имевшегося в распоряжении Комиссии, было недостаточно для окончания ею всей серии проектов статей по этому разделу права договоров. В своем докладе за 1959 г.[11/] Комиссия, в дополнение к изложенным текстам этих статей,объяснила причины, почему, не предрешая никакого последующего своего постановления, она придавала своему труду по праву договоров не форму одной или нескольких международных конвенций, а скорее форму "кодекса, имеющего общий характер". Данный вопрос обсуждается в нижеследующем разделе.

15. Состоявшаяся в 1960 году двенадцатая сессия была полностью посвящена проектам по другим вопросам, и, таким образом, в области права договоров на этой сессии работа вперед не продвинулась. Позднее сэр Джеральд Фицморис,после избрания его в члены Международного Суда, вышел из состава Комиссии, и на тринадцатой сессии, в 1961 г., Комиссия назначила его преемником в качестве специального докладчика

11/ Yearbook of the International Law Commission, 1959, p.88.

по праву договоров сэра Хэмфри Уолдока. На той же сессии Комиссия постановила[12], после обсуждения на 620-м и 621-м заседаниях, что ее целью будет разработка проектов статей права договоров, которые могли бы служить основой для конвенции (см. следующий раздел). Генеральная Ассамблея в резолюции 1686 (XVI) от 18 декабря 1961 г., приняв к сведению решение Комиссии, рекомендовала, чтобы Комиссия продолжила свою работу по праву договоров.

16. На четырнадцатой сессии в 1962 г. Комиссия на 637-м - 670-м и 672-м заседаниях рассмотрела первый доклад сэра Хэмфри Уолдока[13], одобрила предварительный проект двадцати девяти статей о заключении, вступлении в силу и регистрации договоров[14] и постановила препроводить свой проект через Генерального секретаря на отзыв правительствам. Генеральная Ассамблея в резолюции 1765 (XVII) от 20 ноября 1962 г. рекомендовала Комиссии продолжить работу по кодификации и прогрессивному развитию права договоров, с учетом выраженных на Ассамблее мнений и замечаний, представленных правительствами.

17. На пятнадцатой сессии в 1963 г. Комиссия на 673-м - 685-м, 687-м - 711-м, 714-м, 716-м - 721-м заседаниях рассмотрела второй доклад сэра Хэмфри Уолдока[15], одобрила предварительный проект двадцати четырех последующих статей о недействительности, прекращении и приостановлении действия договоров[16] и постановила также препроводить

12/ Yearbook of the International Law Commission, 1961, vol. II, p. 128, para.39.

13/ Yearbook of the International Law Commission, 1962, vol. II, p. 27.

14/ Ibid., p. 161.

15/ Yearbook of the International Law Commission, 1963, vol. II, p. 36. На этой сессии Секретариат представил меморандум (A/CN.4/154) по резолюциям Женевской Ассамблеи относительно права договоров.

16/ Ibid., p. 189.

их для замечаний правительствам. На той же сессии Комиссия изучила вопрос о расширении участия в генеральных многосторонних договорах, заключенных под эгидой Лиги Наций, на который указывала Генеральная Ассамблея в своей резолюции 1766 (XVII) от 20 ноября 1962 года. По этому вопросу Комиссия на 712-м и 713-м заседаниях рассмотрела специальный доклад[17] сэра Хэмфри Уолдока и представила выводы в своем докладе Генеральной Ассамблее[18]. Генеральная Ассамблея в резолюции 1902 (XVIII) от 18 ноября 1963 г. сделала рекомендацию относительно работы Комитета по праву договоров, аналогичную рекомендации содержавшейся в резолюции 1765 (XVII) и упоминаемой в предыдущем пункте.

18. На шестнадцатой сессии в 1964 г. Комиссия на 726-м - 755-м, 759-м - 760-м, 764-м - 767-м, 769-м и 770-м - 774-м заседаниях рассмотрела третий доклад сэра Хэмфри Уолдока[19] и одобрила предварительный проект девятнадцати последующих статей по вопросу о применении, действии, пересмотре и толковании договоров, завершив таким образом предварительный проект по данному вопросу. Третья часть проекта статей была также препровождена для замечаний правительствам.

19. Замечания правительств по предварительному проекту были опубликованы для использования Комиссией в документах A/CN.4/175 и Adds.1-5 и A/CN.4/182 и Corrs.1 и 2 и Adds.1,2/Rev.1 и 3. Часть II каждого из этих трех документов воспроизводит постатейные выдержки из кратких отчетов Шестого комитета, содержащие точки зрения, выраженные по статьям в этом Комитете. Замечания, представленные правительствами в письменном виде, которые были опубликованы в части I этих документов, также публикуются в приложении к настоящему докладу.

20. На первой части семнадцатой сессии с мая по июль 1965 г. Комиссия на 776-м - 803-м, 810-м - 816-м, 819-м и 820-м заседаниях начала пересмотр проекта статей в свете замечаний правительств. На

17/ A/CN.4/162.

18/ Yearbook of the International Law Commission, 1963, vol. II, p. 217.

19/ Yearbook of the International Law Commission, 1964, vol. II, p. 5.

ее рассмотрении находился четвертый доклад сэра Хэмфри Уолдока[20], в котором суммировались письменные замечания правительств, а также замечания, сделанные в устной форме делегациями на Генеральной Ассамблее, и содержались предложения по пересмотру данных статей. На рассмотрении Комиссии находился также доклад (A/5687) о "практике депозитариев, относящейся к оговоркам", представленный Генеральным секретарем Генеральной Ассамблее в соответствии с резолюцией 1452 B (XIV), и другая информация о практике депозитариев и оговорках, представленная Генеральным секретарем по просьбе Комиссии[21]. В 1965 г. Комиссия пересмотрела первые двадцать девять статей проекта, но так как проекты статей по-прежнему рассматривались как предмет для обсуждения, Комиссия не сочла целесообразным одобрить комментарии по данным статьям. Генеральная Ассамблея в резолюции 2045 (XX) от 8 декабря 1965 г. вновь сделала рекомендацию относительно работы Комиссии по праву договоров, аналогичную рекомендациям, содержащимся в резолюциях 1765 (XVII) и 1902 (XVIII) и упоминаемым выше.

21. С целью окончания проекта статей до истечения срока полномочий ее настоящих членов Комиссия предложила провести вторую часть семнадцатой сессии в течение четырех недель в январе 1966 г., и Генеральная Ассамблея в резолюции 2045 (XX) одобрила данное предложение. Эти заседания, с 822-го по 843-е, состоялись в течение четырех недель в Монако по приглашению правительства княжества, и вопрос о праве договоров обсуждался на всех заседаниях. Комиссия рассмотрела пятый доклад сэра Хемфри Уолдока[22] и пересмотрела 21 следующую статью, однако вновь не одобрила комментариев по данным статьям.

22. На восемнадцатой сессии на рассмотрении Комиссии находился шестой доклад сэра Хэмфри Уолдока[23], а также меморандум Секретариата,

---

20/ Yearbook of the International Law Commission, 1965, vol. II, p. (A/CN.4/177 and Add.1-2).

21/ Ibid., vol. I, 1791-е заседание, пункт 61, и 801-е заседание, пункты 17-20.

22/ A/CN.4/183 и Add.1-4.

23/ A/CN.4/186 и Add.1-7.

озаглавленный "Подготовка многосторонних договоров" (A/CN.4/187). На 845-м - 876-м, 879-м - 880-м и 883-м - 894-м заседаниях Комиссия пересмотрела оставшиеся статьи проекта, пересмотрела ряд прежних статей, приняла решение о расположении всех статей, рассмотрела некоторые общие вопросы терминологии, одобрила комментарии по всем статьям, а также, в соответствии с предложениями, сделанными представителями в Шестом комитете на двадцатой сессии Генеральной Ассамблеи, рассмотрела процедурные и организационные проблемы, связанные с возможной конференцией по вопросу о праве договоров. Комиссия приняла окончательный текст проекта статей по праву договоров на английском, французском и испанском языках и, в соответствии с Положением о Комиссии, представляет их Генеральной Ассамблее вместе с рекомендациями, содержащимися ниже в пунктах 36 и 37.

B. Форма проекта статей

23. Первые два специальных докладчика Комиссии по праву договоров исходили из того, что работа Комиссии по данному вопросу выльется в форму проекта конвенции. Однако третий специальный докладчик, сэр Джеральд Фицморис, составил свои доклады в форме интерпретированного кодекса. На тринадцатой сессии в 1961 году Комиссия, при назначении сэра Хэмфри Уолдока своим четвертым специальным докладчиком по данной проблеме, постановила, "что ее целью будет разработка такого проекта статей о праве договоров, который мог бы служить основой для конвенции"[24/]. Таким образом, Комиссия изменила схему своей работы, имея в виду вместо простого интерпретированного документа о праве договоров составить проект статей, который служил бы в качестве основы для документа, обязательного в юридическом отношении.

24. Это решение было объяснено Комиссией в ее докладе на четырнадцатой сессии в 1962 году[25/]:

24/ Yearbook of the International Law Commission, 1961, vol. II, p. 128, para.39.

25/ Yearbook of the International Law Commission, 1962, vol. II, p. 160,para. 17.

"Во-первых, интерпретированный кодекс, как бы хорошо он изложен ни был, не может, по природе вещей, быть так же эффективен для инкорпорации правовых норм, как конвенция, а инкорпорация правовых норм, регулирующих международные договоры, имеет особенное значение в настоящее время, когда существует так много новых государств, совсем недавно вступивших в число участников международного общения. Во-вторых, кодификация регулирующих международные договоры правовых норм при помощи многосторонней конвенции откроет для всех новых государств возможность принять, если они того пожелают, непосредственное участие в формулировании этих норм, а Комиссия полагает, что их участие в кодификационной работе крайне желательно для подведения под относящееся к международным договорам объективное право самого широкого и прочного фундамента".

25. На первой части семнадцатой сессии в 1965 году Комиссия пересмотрела этот вопрос в свете замечаний ряда правительств по вопросу о форме, которая должна быть окончательно придана проекту статей, с учетом точек зрения двух правительств о том, что проект должен иметь форму кодекса, а не конвенции. Комиссия придерживалась точки зрения, которую она выразила в 1961 и 1962 гг. в пользу конвенции, и представила объяснения, подобные тем, которые приводились в предыдущем пункте[26/]. Комиссия также

"... напомнила, что на семнадцатой сессии Генеральной Ассамблеи Шестой комитет заявил в своем докладе, что огромное большинство представителей одобрило решение Комиссии о том, чтобы придать кодификации права договоров форму конвенции. Более того, Комиссия сочла своим долгом стремиться к достижению максимальных результатов в ходе своей продолжительной работы по кодификации права договоров. В соответствии с этим она вновь подтвердила свое решение 1961 года о подготовке проекта статей, цель которых - служить основой для конвенции".

26. Представляя окончательный текст проекта статей права договоров в настоящем докладе, Комиссия придерживается точки зрения, которую она имела в начале своей работы по данному вопросу и которую она выражала в своих докладах начиная с 1961 года. Соответствующая рекомендация приводится ниже в пункте 36.

26/ Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, двадцатая сессия, Дополнение № 9 (A/6009), глава II, проект 16.

27. Комиссия также придерживается точки зрения о том, что проект статей должен вылиться в форму единого проекта конвенции, а не в серию смежных конвенций. В ее докладе за 1965 год говорилось[27]:

> "... Комиссия пришла к выводу, что правовые нормы, изложенные в различных частях, являются настолько тесно связанными, что желательно было бы кодифицировать их в единую конвенцию. Комиссия сочла, что, хотя некоторые вопросы права договоров могли бы разбираться отдельно, правильной координации правил, относящихся к различным темам, можно достичь только путем сведения их в единый тесно связанный сборник статей. В соответствии с этим она приняла решение о том, что, в ходе пересмотра проекта статей, эти статьи должны быть составлены в виде единой конвенции".

27/ Ibid., пункт 18.

C. Пределы применения проекта статей

28. В ходе подготовки проекта статей по праву договоров Комиссия часто имела возможность рассматривать вопрос о пределах применения этих статей. Комиссия решила ограничить эти пределы соглашениями, заключенными между государствами, исключив договоры между государствами и другими субъектами международного права и соглашения между другими подобными субъектами международного права, а также приняла решение не рассматривать международных соглашений, не имеющих письменной формы. Эти решения объяснены в комментариях к статьям 1, 2 и 3. Однако, кроме этих вопросов, имеется ряд других, которые в данном разделе требуют пояснений.

29. На пятнадцатой сессии в 1963 году Комиссия пришла к выводу, что проект статей не должен содержать каких-либо положений относительно влияния враждебных действий на договоры, несмотря на то что данный вопрос может породить проблемы прекращения и приостановления действия соглашений. Это было объяснено в докладе Комиссии за 1963 год[28/], где говорилось, что:

> "Комиссия полагала, что изучение этой проблемы неизбежно повлечет рассмотрение вопроса о том, как отражаются постановления Устава об угрозе применения и применении силы на правомерности открытия тех или иных военных действий, но не считала, что этим вопросом целесообразно заниматься в рамках ее теперешней работы над международными договорами".

30. Равным образом, проекты статей не содержат положений относительно правопреемства государств в отношении договоров, которые, по мнению Комиссии, могли бы более соответственным образом рассматриваться в связи с пунктом повестки дня относительно правопреемства государств и правительств или относительно влияния прекращения международной правосубъектности государства по прекращении действия договоров. В отношении последнего вопроса, что далее

28/ Yearbook of the International Law Commission, 1963, vol. II, p. 189, para. 14.

объясняется в пункте 6 комментария к статье 58 и в докладе за 1963 год[29], Комиссия

> "... не видела возможности выработать какие-либо полезные постановления по этому вопросу без учета проблемы правопреемства государств в правах и обязательствах по международным договорам".

31. Проект статей не содержит положений по вопросу о международной ответственности государства в отношении невыполнения им обязательства по договору. Данный вопрос, отмечала Комиссия в своем докладе за 1964 год[30], затрагивает не только общие принципы, определяющие необходимость возмещения в результате нарушения договора, но также основания, которые могут быть приведены в оправдание невыполнения договора. Все эти вопросы представляют часть общего вопроса о международной ответственности государств, что является предметом отдельного изучения Комиссией, которая постановила исключить их из ее кодификации международных договоров и приступить к ним в связи с ее собственным изучением вопроса о международной ответственности государств.

32. Далее Комиссия объясняла в своем докладе за 1964 год[31], что она не сочла целесообразным рассматривать так называемые "оговорки о наиболее благоприятствуемой нации" в настоящей кодификации общего права договоров, хотя она и считает, что подобные оговорки могут быть изучены в будущем и могут стать в соответствующее время предметом специального изучения. В то же время Комиссия, признавая важность беспрепятственного применения оговорок о наиболее благоприятствуемой нации, считала, что эти оговорки никоим образом не затрагиваются статьями 30-33 настоящего проекта, и не сочла необходимым делать в этих статьях в отношении этих оговорок какие-либо особые исключения.

29/ Ibid.

30/ Yearbook of the International Law Commission, 1964, vol. II, p. 175-6, para. 18.

31/ Yearbook of the International Law Commission, 1964, vol. II, p. 176, para. 21.

33. Далее, в проект не было включено положение относительно применения договоров, касающееся обязательств или прав, которые должны предоставляться отдельным лицам или ими исполняться. В докладе 1964 года было заявлено[32], что

> "Некоторые члены Комиссии высказались за включение положения по этому вопросу в настоящий проект группы статей, однако, по мнению других членов, такое положение выходило бы в настоящее время за рамки права договоров, и, учитывая расхождение во взглядах, специальный докладчик снял это предложение".

34. Комиссия не считала, что она должна охватывать весь вопрос о взаимосвязи между правом договоров и обычным правом, хотя некоторые аспекты данного вопроса затрагиваются в ряде статей. Комиссия считает, что данный вопрос будет весьма отдаленным от сферы права договоров, и было бы более целесообразно, чтобы этот вопрос стал предметом самостоятельного изучения.

35. Работа Комиссии по праву договоров предусматривает как кодификацию, так и прогрессивное развитие международного права в духе, в котором эти концепции определены в статье 15 Положения о Комиссии, и,как это было в случае с несколькими предыдущими проектами[33], представляется непрактичным определять, в какую категорию входит каждое положение. Некоторые комментарии, однако, указывают, что ряд новых правил предлагается на рассмотрение Генеральной Ассамблеи и правительств.

П. Рекомендация Комиссии по созыву международной конференции по праву договоров

36. На 892-м заседании 18 июля 1966 г. Комиссия постановила, в соответствии с пунктом 1d статьи 23 Положения о Комиссии, рекомендовать, чтобы Генеральная Ассамблея созвала международную

32/ Ibid., para. 22.

33/ См., например, Yearbook of the International Law Commission, 1956, vol. II, pp. 255-256, paras. 25-26 and 1961, vol. II, p. 91. para. 32.

конференцию полномочных представителей с целью изучения проекта статей Комиссии по праву договоров и заключения конвенции по данному вопросу.

37. Комиссия желает сослаться на заглавия, данные частям, разделам и статьям ее проекта, которые, по ее мнению, помогут в понимании структуры проекта и будут содействовать облегчению ссылок. Комиссия выражает надежду, как это она сделала и в отношении проекта статей по консульским отношениям[34/], что эти заголовки, являясь предметом соответствующих изменений, будут включены в любую конвенцию, которая может быть заключена в будущем на основании проекта статей Комиссии.

III. Резолюция, принятая Комиссией

38. Комиссия на 893-м заседании 18 июля 1966 года после принятия текста статей права договоров единодушно приняла следующую резолюцию:

> "Комиссия международного права,
>
> одобрив проект статей права договоров,
>
> желает выразить специальному докладчику сэру Хэмфри Уолдоку свою глубокую признательность за неоценимый вклад, который он внес в подготовку проекта в течение последних лет своей неустанной работой, что дало Комиссии возможность успешно выполнить эту важную задачу".

34/ Yearbook of the International Law Commission, 1961, vol. II, p. 92, para. 35.

ПРОЕКТ СТАТЕЙ О ПРАВЕ ДОГОВОРОВ

ЧАСТЬ I

ВВЕДЕНИЕ

Статья 1

Сфера действия настоящих статей

Настоящие статьи относятся к договорам, заключенным между государствами.

Статья 2

Употребление терминов

1. В настоящих статьях:

a) "Договор" означает международное соглашение, заключенное между государствами в письменной форме и регулируемое международным правом, независимо от того, состоит ли оно из одного, двух или более связанных между собой документов и каково бы ни было его наименование.

b) "Ратификация", "принятие", "одобрение" и "присоединение" означают в каждом отдельном случае соответствующий международный акт, посредством которого государство выражает в международном плане свое согласие быть связанным тем или иным договором.

c) "Полномочия" означают документ, исходящие от компетентного органа государства, назначающего какое-либо лицо представлять это государство в целях ведения переговоров, принятия или установления подлинности текста договора, выражения согласия этого государства быть связанным договором или в целях совершения любого другого акта, относящегося к договору.

d) "Оговорка" означает одностороннее заявление, независимо от того, как оно сформулировано или названо, сделанное каким-либо государством при подписании, ратификации, одобрении договора или

присоединении к нему или принятии его, посредством которого оно предполагает исключить или изменить юридическое действие определенных положений договора в их применении к данному государству.

e) "Ведущее переговоры государство" означает государство, которое приняло участие в составлении и принятии текста договора.

f) "Договаривающееся государство" означает государство, которое согласилось быть связанным договором, независимо от того, вступил ли этот договор в силу или нет.

g) "Сторона" означает государство, которое согласилось быть связанным договором и для которого договор находится в силе.

h) "Третье государство" означает государство, не являющееся участником договора.

i) "Международная организация" означает межправительственную организацию.

2. Положения пункта 1, касающиеся употребления терминов в настоящих статьях, не затрагивают употребления тех терминов или значений, которые могут быть приданы им, во внутреннем праве любого государства.

Статья 3

Международные соглашения, не подпадающие под действие настоящих статей

Тот факт, что настоящие статьи не относятся:

a) к международным соглашениям, заключенным между государствами и другими субъектами международного права или между такими другими субъектами международного права; или

b) к международным соглашениям не в письменной форме,

не затрагивает юридической силы таких соглашений или применение к ним любых из правил, изложенных в настоящих статьях, под действие которых они будут подпадать независимо от этих статей.

Статья 4

Договоры, являющиеся учредительными документами международных организаций или принятые в рамках международных организаций

Применение настоящих статей к договорам, являющимся учредительными документами какой-либо международной организации или принятым в рамках какой-либо международной организации, подпадают под любые соответствующие правила этой организации.

ЧАСТЬ II

ЗАКЛЮЧЕНИЕ И ВСТУПЛЕНИЕ ДОГОВОРОВ В СИЛУ

Раздел 1 - Заключение договоров

Статья 5

Правоспособность государств заключать договоры

1. Каждое государство обладает правоспособностью заключать договоры.

2. Государства-члены федерального союза могут обладать правоспособностью заключать договоры, если такая правоспособность признается федеральной конституцией и не выходит за установленные ею пределы.

Статья 6

Полномочия представлять государство при заключении договоров

1. За исключением случаев, предусмотренных в пункте 2, лицо считается представляющим государство в целях принятия или удостоверения подлинности текста договора либо в целях выражения согласия государства быть связанным договором только в том случае, если:

а) оно предъявит соответствующие полномочия; или

b) из обстоятельств явствует, что соответствующие государства были намерены обойтись без полномочий.

2. Следующие лица, в силу их функций и без необходимости предъявления полномочий, считаются представляющими свое государство:

a) главы государств, главы правительств и министры иностранных дел в целях совершения всех актов, относящихся к заключению какого-либо договора;

b) главы дипломатических представительств в целях принятия текста договора между аккредитующим государством и государством, при котором они аккредитованы;

c) представители, аккредитованные государствами на международную конференцию или в какой-либо орган международной организации, в целях принятия текста договора на такой конференции или в таком органе.

Статья 7

Последующее подтверждение акта, совершенного без полномочий

Акт, относящийся к заключению договора, совершенный лицом, которое, согласно статье 6, не может считаться представляющим свое государство с этой целью, не имеет юридической силы, если он впоследствии не подтвержден компетентным органом государства.

Статья 8

Принятие текста

1. Принятие текста договора происходит по единодушному согласию государств, участвующих в его составлении, за исключением случаев, предусмотренных в пункте 2.

2. Принятие текста договора на международной конференции происходит в результате голосования за него двух третей государств,

участвующих в такой конференции, если тем же большинством голосов они не решили применить иное правило.

Статья 9

Удостоверение подлинности текста

Текст договора устанавливается как подлинный и окончательный:

a) такой процедурой, какая может быть предусмотрена в тексте или согласована между государствами, участвующими в его составлении; или

b) при отсутствии такой процедуры - подписанием, подписанием ad referendum или парафированием представителями этих государств текста договора или заключительного акта конференции, содержащего этот текст.

Статья 10

Согласие быть связанным договором, выражаемое посредством подписания

1. Согласие государства быть связанным договором выражается посредством подписания его представителем, если

a) договор предусматривает, что подписание будет иметь такую силу;

b) иным образом установлено, что ведущие переговоры государства согласны с тем, что подписание должно иметь такую силу;

c) намерение соответствующего государства придать подписанию такую силу вытекает из полномочий его представителя или было выражено во время переговоров.

2. В пункте 1:

a) парафирование текста означает подписание договора, если установлено, что ведущие переговоры государства условились об этом;

b) подписание ad referendum договора представителем, если оно подтверждается его государством, означает полное подписание договора.

Статья 11

Согласие быть связанным договором, выраженное ратификацией, принятием или одобрением

1. Согласие государства быть связанным договором выражается посредством ратификации, если:

a) договор предусматривает, что такое согласие должно быть выражено посредством ратификации;

b) иным путем установлено, что ведущие переговоры государства согласны с тем, что должна требоваться ратификация;

c) представитель соответствующего государства подписал договор под условием ратификации; или

d) намерение соответствующего государства подписать договор под условием ратификации вытекает из полномочий его представителя или было выражено во время переговоров.

2. Согласие государства быть связанным договором выражается принятием или одобрением на условиях, подобных тем, которые применяются к ратификации.

Статья 12

Согласие быть связанным договором, выраженное присоединением

Согласие государства быть связанным договором выражается присоединением, когда:

a) договор или поправка к этому договору предусматривают, что такое согласие может быть выражено этим государством посредством присоединения;

b) иным путем установлено, что ведущие переговоры государства согласны с тем, что такое согласие может быть выражено этим государством посредством присоединения; или

c) все участники впоследствии согласились, что такое согласие может быть выражено этим государством посредством присоединения.

Статья 13

Обмен ратификационными грамотами, документами об акцептовании, одобрении или присоединении и сдача таких грамонт и документов на хранение

Если в договоре не предусматривается иное, ратификационные грамоты, документы об акцептовании, одобрении или присоединении означают согласие государства быть связанным договором после:

a) обмена ими между договаривающимися государствами;

b) сдачи их на хранение депозитарию; или

c) уведомления о них договаривающихся государств или депозитария, если существует такая договоренность.

Статья 14

Согласие, относящееся к части договора, и выбор альтернативных положений

1. Без ущерба для положений статей 16-20 согласие государства быть связанным частью договора имеет силу лишь в том случае, если это допускается договором или если так условились другие договаривающиеся государства.

2. Согласие государства быть связанным договором, который допускает выбор между альтернативными положениями, имеет силу лишь в том случае, если поясняется, к какому из положений относится это согласие.

Статья 15

Обязательство государства не уничтожать объекта договора до вступления договора в силу

Государство обязано воздерживаться от актов, которые могли бы уничтожить объект намечаемого договора, если:

a) оно согласилось вступить в переговоры с целью заключения договора, когда такие переговоры уже ведутся;

b) оно подписало договор при условии ратификации, принятия или одобрения, пока оно ясно не выразит свое намерение не становиться участником договора;

c) оно выразило согласие быть связанным договором до вступления договора в силу и при условии, что такое вступление в силу не будет чрезмерно задерживаться.

Раздел 2 - Оговорки к многосторонним договорам

Статья 16

Формулирование оговорок

Государство может при подписании, ратификации, принятии, одобрении договора или присоединении к договору формулировать оговорку, за исключением тех случаев, когда:

a) оговорка запрещается договором;

b) договор допускает специальные оговорки, в число которых не входит данная оговорка; или

c) договор содержит положения, касающиеся оговорок, но эта оговорка несовместима с объектом и целью договора.

Статья 17

Принятие оговорок и возражения против них

1. Оговорка, определенно выраженная или подразумеваемая в договоре, не требует какого-либо последующего согласия со стороны других договаривающихся государств, если только это не предусмотрено в договоре.

2. Если из ограниченного числа ведущих переговоры государств и из объекта и целей договора явствует, что применение договора в целом

между всеми его участниками является существенным условием для согласия каждого участника быть связанным договором, то оговорка требует принятия ее всеми участниками.

3. Если договор является учредительным актом какой-либо международной организации, то оговорка требует принятия ее компетентным органом этой организации, если в договоре не предусматривается иное.

4. В случаях, не подпадающих под действие предыдущих пунктов настоящей статьи:

a) принятие оговорки другим договаривающимся государством делает государство, сделавшее оговорку, участником этого договора по отношению к этому государству, если и когда договор находится в силе;

b) возражение другого договаривающегося государства против какой-либо оговорки препятствует вступлению договора в силу между государством, возражающим против оговорки, и государством, сделавшим оговорку, если возражающее против оговорки государство не выразит иного намерения;

c) акт, выражающий согласие государства быть связанным договором и содержащий оговорку, вступает в силу как только по крайней мере одно из договаривающихся государств согласится с такой оговоркой.

5. В пунктах 2 и 4 оговорка считается принятой государством, если оно не выскажет возражений против нее к концу двенадцатимесячного периода после того, как оно было уведомлено о такой оговорке, или ко дню, когда оно выразило свое согласие быть связанным договором, в зависимости от того, какая дата является более поздней.

Статья 18

Процедура, касающаяся оговорок

1. Оговорка, определенно выраженное согласие с оговоркой и возражение против оговорки должны быть сделаны в письменной форме

и доведены до сведения других государств, имеющих право стать участниками договора.

2. Если оговорка сделана в связи с принятием текста или после подписания договора, подлежащего ратификации, принятию или одобрению, оговорка должны быть официально подтверждена сделавшим оговорку государством при выражении им своего согласия быть связанным этим договором. В этом случае оговорка считается сделанной в день ее подтверждения.

3. Возражение против оговорки, высказаннле до ее подтверждения, само по себе не требует подтверждения.

Статья 19

Юридическое действие оговорок

1. Оговорка, сделанная в отношении другого участника в соответствии со статьями 16, 17 и 18:

a) изменяет для сделавшего оговорку государства постановления договора, к которым относится оговорка, в пределах сферы действия оговорки; и

b) изменяет в той же мере указанные положения для такого другого участника в его отношениях со сделавшим оговорку государством.

2. Оговорка не изменяет постановлений договора для других участников договора в отношениях между ними.

3. Если государство, возражающее против оговорки, согласится считать договор действующим между собой и сделавшим оговорку государством, то положения, к которым относится оговорка, не применяются между этими двумя государствами в пределах сферы действия такой оговорки.

Статья 20

Отмена оговорок

1. Если в договоре не предусматривается иное, оговорка может быть отменена в любое время и для ее отмены не требуется согласия государства, принявшего оговорку.
2. Если в договоре не предусматривается или не обусловлено иное, отмена оговорки вступает в силу только после получения другими договаривающимися государствами уведомления о ней.

Раздел 3 - Вступление договора в силу

Статья 21

Вступление в силу

1. Договор вступает в силу в порядке и в день, предусмотренные в самом договоре или согласованные между участвующими в переговорах государствами.
2. При отсутствии такого постановления или договоренности договор вступает в силу, как только все участвующие в переговорах государства подтвердят свое согласие быть связанными договором.
3. Если согласие государства быть связанным договором выражается после вступления договора в силу, то договор вступает в силу для этого государства в день выражения им своего согласия, если в договоре не предусматривается иное.

Статья 22

Временное вступление в силу

1. Договор может вступить в силу временно, если:

а) в самом договоре предусматривается, что он вступает в силу временно впредь до его ратификации, принятия, одобрения или присоединения к нему договаривающихся государств; или

/...

b) участвующие в переговорах государства условились о каком-либо другом порядке.

2. Это же правило относится к временному вступлению в силу части договора.

ЧАСТЬ III

СОБЛЮДЕНИЕ, ПРИМЕНЕНИЕ И ТОЛКОВАНИЕ ДОГОВОРОВ

Раздел 1 - Соблюдение договоров

Статья 23

Pacta sunt servanda

Любой действующий договор связывает стороны и должен ими добросовестно соблюдаться.

Раздел 2 - Применение договоров

Статья 24

Договоры не имеют обратной силы

Если из договора не явствует об ином намерении или в нем не обусловлено иное, то его постановления не обязательны для участника договора в отношении любого действия или факта, которые имели место, или в отношении любой ситуации, которая перестала существовать до даты вступления договора в силу для указанного участника.

Статья 25

Применение договоров к территории

Если из договора не явствует об ином намерении или в нем не обусловлено иное, то применение договора распространяется на всю территорию каждого участника.

Статья 26

Применение последующих договоров, относящихся к одному и тому же вопросу

1. При соблюдении статьи 103 Устава Организации Объединенных Наций права и обязанности государств-участников последующих договоров, относящихся к одному и тому же вопросу, определяются на основании следующих пунктов.

2. Если в договоре устанавливается, что он ограничен предыдущим или последующим договором или что его не следует считать несовместимым с предыдущим или последующим договором, преимущественную силу имеют постановления этого другого договора.

3. Если все участники предыдущего договора являются также участниками последующего договора, но действие предыдущего договора не прекращено или не приостановлено в соответствии со статьей 56, предыдущий договор применяется только в той мере, в какой его постановления совместимы с постановлениями последующего договора.

4. Если не все участники последующего договора являются участниками предыдущего договора:

a) между государствами-участниками обоих договоров применяется то же правило, что и в пункте 3;

b) между государством участником обоих договоров и государством-участником только предыдущего договора предыдущий договор регулирует их взаимные права и обязанности;

c) между государством участником обоих договоров и государством-участником только последующего договора последующий договор регулирует их права и обязанности.

5. Пункт 4 не затрагивает статьи 37 или какого-либо вопроса о прекращении или приостановлении действия договора в соответствии со статьей 57 или какого-либо вопроса об ответственности, которая может возникнуть для государства в результате заключения или применения договора, постановления которого несовместимы с его обязательствами в отношении другого государства по другому договору.

Раздел 3 - Толкование договоров

Статья 27

Общее правило толкования

1. Договор должен толковаться добросовестно на основании обычного значения, придаваемого терминам договора в контексте, а также в свете задач и целей договора.

2. Контекст с точки зрения толкования договора включает, кроме текста, преамбулу и приложения:

a) любое соглашение, касающееся договора, которое было достигнуто между всеми участниками в связи с заключением договора;

b) любой документ, составленный одним или несколькими участниками в связи с заключением договора и принятый другими участниками в качестве документа, относящегося к договору.

3. Наряду с контекстом учитывается:

a) всякое последующее соглашение между участниками относительно толкования договора;

b) всякая последующая практика применения договора, которая устанавливает согласие участников относительно его толкования;

c) всякие относящиеся к договору нормы международного права, применяемые в отношениях между участниками.

4. Особое значение придается термину в том случае, если установлено, что участники так решили.

Статья 28

Дополнительные средства толкования

Возможно обращение к дополнительному средству толкования, в том числе к подготовительным материалам для договора и к обстоятельствам его заключения, чтобы подтвердить значение, вытекающее из

применения статьи 27, или определить значение, когда толкование ва соответствии со статьей 27:

a) оставляет значение двусмысленным или неясным; или

b) приводит к результатам, которые являются явно абсурдными или неразумными.

Статья 29

Толкование договоров, заключенных на двух или более языках

1. Если договор аутентичен на двух или более языках, его текст имеет одинаковую силу на каждом языке, если в договоре не предусматривается или стороны не согласились, что в случае расхождения во мнениях преимущественную силу будет иметь один из указанных текстов.

2. Вариант договора на языке, отличающемся от тех, на которых текст аутентичен, считается аутентичным текстом только в том случае, если так обусловлено в договоре или если так решили участники.

3. Предполагается, что термины договора имеют одинаковое значение в каждом аутентичном тексте. За исключением случаев, упомянутых в пункте 1, когда сравнение текстов обнаруживает расхождение значений, которое не устраняется применением статей 27 и 28, принимается значение, которое, насколько это возможно, сближает тексты.

Раздел 4. Договоры и третьи государства

Статья 30

Общее правило, касающееся третьих государств

Договор не создает прав или обязательств для третьего государства без его на то согласия.

Статья 31

Договоры, предусматривающие обязательства для третьих государств

Обязательство для какого-либо государства возникает из постановления договора, участником которого оно не является, если участники решили, что это постановление будет средством создания обязательства, и если третье государство определенно приняло на себя такое обязательство.

Статья 32

Договоры, предусматривающие права для третьих государств

1. Право для какого-либо государства возникает из постановления договора, участником которого оно не является, если участники решили, что это постановление будет давать такое право либо упомянутому государству, либо группе государств, к которой оно принадлежит, либо всем государствам, и если упомянутое государство согласилось с этим. Его согласие предполагается, если не последует возражения.

2. Государство, пользующееся правом на основании пункта 1, выполняет условия пользования этим правом, предусмотренные в договоре или установленные в соответствии с договором.

Статья 33

Отмена или изменение обязательств или прав третьих государств

1. Если для третьего государства возникает обязательство на основании статьи 31, то это обязательство может быть отменено или изменено только с взаимного согласия участников договора и третьего государства, если не установлено, что они условились об ином.

2. Если для третьего государства возникает право на основании статьи 32, то это право не может быть отменено или изменено участниками, если установлено, что это право не подлежит отмене или изменению без согласия этого третьего государства.

Статья 34

Постановления в договоре, которые становятся обязательными через международный обычай

Статьи 30-33 никоим образом не мешают какому-либо постановлению, записанному в договоре, стать обязательным для третьего государства как норма международного права, основанная на обычае.

ЧАСТЬ IV

ПОПРАВКИ К ДОГОВОРАМ И ИЗМЕНЕНИЕ ДОГОВОРОВ

Статья 35

Общее правило, касающееся поправок к договорам

Договор может быть изменен по соглашению между сторонами. Нормы, изложенные в части II, применяются и в отношении такого соглашения, если договор не предусматривает иного.

Статья 36

Поправки к многосторонним договорам

1. Если договор не предусматривает иного, при изменении многосторонних договоров следует руководствоваться нижеследующими пунктами.
2. Каждый участник должен уведомляться о любом предложении, касающемся изменения многостороннего договора между всеми сторонами, причем каждая сторона имеет право участвовать в:

a) решении о предпринимаемых действиях в отношении такого предложения;

b) в переговорах и заключении любого соглашения об изменении договора.

3. Каждое государство, имеющее право быть участником договора, также имеет право быть участником измененного договора.

4. Соглашение об изменении не налагает никаких обязательств на государство, уже являющееся участником договора, но не становящееся участником соглашения об изменении; в отношении такого государства применяется пункт 4b статьи 26.

5. Любое государство, которое становится участником договора после вступления в силу соглашения об изменении, в случае отсутствия заявления об ином намерении со стороны этого государства:

a) считается участником измененного договора; и

b) считается участником неизмененного договора в отношении любой стороны в договоре, не связанной соглашением об изменении.

Статья 37

Соглашения об изменении многосторонних договоров только в отношении между определенными участниками

1. Два или более участника многостороннего договора могут заключить соглашение об изменении договора только в отношениях между собой, если:

a) возможность такого изменения предусматривается самим договором; или

b) такое изменение:

i) не влияет на пользование другими участниками их правами по договору или на выполнение ими своих обязательств;

ii) не относится к постановлению, отступление от которого является несовместимым с эффективным осуществлением задач и целей договора в целом; и

iii) не запрещается договором.

2. Если в случае, подпадающем под действие пункта 1a, договор не предусматривает иного, то указанные участники уведомляют других участников о своем намерении заключить соглашение и о тех изменениях договора, которые в нем предусматриваются.

Статья 38

Изменение договоров в силу последующей практики

Договор может быть изменен в силу последующей практики применения договора, устанавливающей согласие участников в отношении изменения его постановлений.

ЧАСТЬ V: НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ, ПРЕКРАЩЕНИЕ И ПРИОСТАНОВЛЕНИЕ ДЕЙСТВИЯ ДОГОВОРОВ

Раздел 1 - Общие положения

Статья 39

Действительность и сохранение договоров в силе

1. Действительность договора может оспариваться только на основе применения настоящих статей. Договор, недействительность которого устанавливается на основании настоящих статей, является ничтожным.

2. Договор может быть прекращен или денонсирован участником или участник может выйти из него только в результате применения постановлений самого договора или настоящих статей. Это же правило применяется к приостановлению действия договора.

Статья 40

Обязательства, вытекающие из других норм международного права

Недействительность, прекращение или денонсация договора, приостановление его действия или выход из него одного из участников на основе применения настоящих статей или постановлений самого договора ни в коей мере не уменьшает обязанности любого государства выполнять любое записанное в договоре обязательство, которое накладывается на него в соответствии с какой-либо другой нормой международного права.

Статья 41

Разделение договорных положений

1. Предусмотренное в договоре право участника денонсировать договор, выйти из него или приостановить его действие может быть использовано только в отношении всего договора, если договор не предусматривает иного или если его участники не условились об ином.

2. На признаваемое в настоящих статьях основание для недействительности, прекращения, выхода из договора или приостановления его действия можно ссылаться только в отношении всего договора, кроме случаев, предусмотренных в нижеследующих пунктах или в статье 57.

3. Если такое основание касается только отдельных постановлений, то на него можно ссылаться только в отношении этих постановлений, где:

a) названные постановления отделимы от остальной части договора в отношении их применения; и

b) принятие этих постановлений не составляет существенного основания для согласия другого или других участников договора в целом.

4. При условии соблюдения положений пункта 3, в случаях, подпадающих под действие статей 46 и 47, государство, имеющее право ссылаться на обман или коррупцию, вправе делать это либо в отношении всего договора, либо лишь в отношении его отдельных постановлений:

5. В случаях, подпадающих под действие статей 48, 49 и 50, разделение положений договора не допускается.

Статья 42

Утрата права ссылаться на основание для недействительности, прекращения, выхода из договора или приостановления его действия

Государство не вправе больше ссылаться на основание для недействительности, прекращения, выхода из договора или приостановления его действия на основе статей 43-47 включительно или статей 57-59 включительно, если после того, как ему стало известно о фактах:

a) оно определенно согласилось, что договор в каждом отдельном случае действителен или сохраняет силу, или остается в действии; либо

b) оно должно в силу его поведения считаться молчаливо согласившимся с тем, что договор в каждом отдельном случае действителен или сохраняет силу, или остается в действии.

/...

Раздел 2 - Недействительность договоров

Статья 43

Положения внутреннего права, касающиеся компетенции заключать договор

Государство не вправе ссылаться на то, что его согласие быть связанным договором было выражено в нарушение того или иного положения его внутреннего права, касающегося компетенции заключать договора, как на основание недействительности его согласия, если данное нарушение его внутреннего права не является очевидным.

Статья 44

Специальные ограничения полномочий на выражение согласия государства

Если полномочия какого-либо представителя на выражение согласия своего государства быть связанным тем или иным конкретным договором подлежат специальному ограничению, то на несоблюдение им этого ограничения нельзя ссылаться как на основание недействительности выраженного им согласия, если об этом ограничении не было доведено до сведения других ведущих переговоры государств до выражения им такого согласия.

Статья 45

Заблуждение

1. Государство вправе ссылаться на заблуждение в договоре как на основание недействительности его согласия быть связанным этим договором, если заблуждение касается факта или ситуации, которые, по предположению этого государства, существовали при заключении договора и представляли собой существенную основу для его согласия быть связанным данным договором.

2. Пункт 1 не применяется, если названное государство своим поведением способствовало возникновению этого заблуждения или обстоятельства были таковы, что поставили это государство в известность о возможном заблуждении.

3. Ошибка, относящаяся только к формулировке текста договора, не влияет на его действительность; в этом случае применяется статья 74.

Статья 46

Обман

Государство, которое заставили заключить договор в результате обманных действий другого ведущего переговоры государства, вправе ссылаться на обман как на основание недействительности своего согласия быть связанным таким договором.

Статья 47

Подкуп представителя государства

Если выражения согласия государства быть связанным договором было получено в результате прямого или косвенного подкупа его представителя другим ведущим переговоры государством, то первое государство вправе ссылаться на такой подкуп как на основание недействительности своего согласия быть связанным таким договором.

Статья 48

Принуждение представителя государства

Выражение согласия государства быть связанным договором, которое было получено в результате принуждения его представителя действиями или угрозами, направленными против него лично, не имеет никакой юридической силы.

Статья 49

Принуждение государства посредством угрозы силой или ее применения

Договор является ничтожным, если его заключение явилось результатом угрозы силой или ее применения в нарушение принципов Устава Организации Объединенных Наций.

Статья 50

Договоры, противоречащие императивной норме общего международного права (jus cogens)

Договор является ничтожным, если он противоречит императивной норме общего международного права, отклонение от которой недопустимо и которая может быть изменена только последующей нормой общего международного права, носящей такой же характер.

Раздел 3 - Прекращение и приостановление действия договоров

Статья 51

Прекращение договора или выход из него с согласия участников

Договор может быть прекращен или участник может выйти из него:

a) в соответствии с постановлением самого договора, допускающим такое прекращение или выход; или

b) в любое время с согласия всех участников.

Статья 52

Сокращение числа участников многостороннего договора ниже числа, необходимого для вступления договора в силу

Если в договоре не предусматривается иное, многосторонний договор не прекращается по причине только того, что число его участников стало меньше числа, предусмотренного в договоре в качестве необходимого условия вступления его в силу.

/...

Статья 53

Денонсация договора, не содержащего никаких постановлений о его прекращении

1. Договор, который не содержит никаких постановлений о его прекращении и который не предусматривает денонсации или выхода из него, не подлежит денонсации и исключает выход из него, если не установлено, что участники намеревались допустить возможность денонсации или выхода.

2. Участник уведомляет не позднее чем за двенадцать месяцев о своем намерении денонсировать договор или выйти из него в соответствии с пунктом 1 настоящей статьи.

Статья 54

Приостановление действия договора с согласия участников

Приостановление действия договора в отношении всех участников или в отношении какого-либо отдельного участника возможно:

a) в соответствии с положением договора, допускающим такое приостановление;

b) в любое время с согласия всех участников.

Статья 55

Временное приостановление действия многостороннего договора путем заключения соглашения только между некоторыми участниками

Если многосторонний договор не содержит никакого положения о приостановлении его действия, два участника или большее число их вправе заключить соглашение о временном приостановлении действия договора только в отношениях между собой, если такое приостановление:

a) не влияет на пользование другими участниками своими правами, вытекающими из договора, или на выполнение ими своих обязанностей; и

b) не препятствует эффективному осуществлению в отношениях между всеми участниками задач и целей договора.

Статья 56

Прекращение или приостановление действия договора, вытекающие из заключения последующего договора

1. Договор считается прекращенным, если все его участники заключат новый договор по тому же вопросу, и:

a) из договора следует или иным путем установлено, что участники желали, чтобы этот вопрос в дальнейшем регулировался последующим договором; или

b) постановления последующего договора настолько несовместимы с постановлениями предыдущего договора, что оба договора невозможно применять одновременно.

2. Действие предыдущего договора считается лишь приостановленным, если из договора следует или иным путем установлено, что таково было желание участников при заключении последующего договора.

Статья 57

Прекращение или приостановление действия договора вследствие его нарушения

1. Существенное нарушение многостороннего договора одним из его участников дает право другим участникам ссылаться на это нарушение как на основание для прекращения или приостановления действия договора в целом или в части.

2. Существенное нарушение многостороннего договора одним из его участников дает право:

a) другим участникам по единодушному согласию между ними приостановить или прекратить действие договора либо:

i) в отношениях между собой и государством, нарушившим договор, либо

ii) в отношениях между всеми участниками;

b) участнику, особо пострадавшему в результате нарушения, ссылаться на это нарушение как на основание для прекращения действия договора в целом или частично в отношениях между ним и государством, нарушившим договор; /...

c) любому другому участнику приостановить действие договора в отношении самого себя, если договор носит такой характер, что существенное нарушение его положений одним участником радикально меняет положение каждого участника в отношении дальнейшего выполнения им своих обязанностей, вытекающих из договора.

3. Существенное нарушение договора по смыслу настоящей статьи состоит:

a) в таком расторжении договора, которое не предусмотрено настоящими статьями; или

b) в нарушении положения, имеющего существенное значение для выполнения задач и целей договора.

4. Предыдущие пункты не затрагивают никаких положений в договоре, которые применяются в случае нарушения.

Статья 58

Последующая невозможность выполнения

Участник вправе ссылаться на невозможность выполнять договор как на основание его прекращения, если эта невозможность вытекает из постоянного исчезновения или уничтожения объекта, необходимого для выполнения договора. Если такая невозможность является временной, на нее можно ссылаться лишь как на основание для приостановления действия договора.

Статья 59

Коренное изменение обстоятельств

1. На коренное изменение обстоятельств, которое произошло в отношении обстоятельств, существовавших при заключении договора, и которое не предвиделось участниками, нельзя ссылаться как на основание для прекращения договора или выхода из него, если:

a) наличие таких обстоятельств не играло важную роль в согласии участников быть связанными договором; и

b) последствия изменений не могут радикально изменить сферу действия обязательств, все еще подлежащих выполнению по договору.

2. На коренное изменение обстоятельств нельзя ссылаться:

a) как на основание для прекращения или выхода из договора, устанавливающего границу;

b) если такое коренное изменение является результатом нарушения со стороны участника, действовавшего во исполнение договора или какого-либо другого международного обязательства, которые он должен был выполнить в отношении других участников договора.

Статья 60

Разрыв дипломатических отношений

Разрыв дипломатических отношений между участниками договора сам по себе не влияет на правовые отношения, установленные между ними договором.

Статья 61

Возникновение новой императивной нормы общего международного права

Если устанавливается новая императивная норма общего международного права такого типа, о котором говорится в статье 50, то любой действующий договор, который оказывается в противоречии с этой нормой, утрачивает силу и прекращается.

Раздел 4 - Процедура

Статья 62

Процедура, которой следует придерживаться в случае недействительности, прекращения, приостановления действия договора или выхода из него

1. Участник, который заявляет о недействительности договора или который ссылается на основание для прекращения, приостановления

действия договора или выхода из него в соответствии с положениями настоящих статей, должен уведомить других участников о своей претензии. В уведомлении должны быть указаны меры, которые предполагается предпринять в отношении договора, а также основания для этого.

2. Если по истечении определенного периода, который, за исключением случаев особой неотложности, не должен быть меньше трех месяцев с момента получения уведомления, ни один участник не выскажет возражения, то направивший уведомление участник имеет право в порядке, предусмотренном в статье 63, осуществить предложенные им меры.

3. Если, однако, последует возражение со стороны любого другого участника, то участники должны добиваться решения с помощью средств, предусмотренных в статье 33 Устава Организации Объединенных Наций.

4. Ничто в предыдущих пунктах не затрагивает прав или обязанностей участников по любым действующим постановлениям, являющимся обязательными для участников в деле урегулирования споров.

5. Без ущерба для статьи 42, то обстоятельство, что государство заранее не направило уведомление, предписанное в пункте 1, не мешает ему направить такое уведомление в ответ другой стороне, требующей выполнения договора или заявляющей о его нарушении.

Статья 63

Документы об объявлении недействительности, о прекращении и приостановлении действия договора или о выходе из него

1. Любой акт об объявлении недействительности, прекращения и приостановления действия договора или о выходе из него в соответствии с постановлениями договора или положениями пунктов 2 или 3 статьи 62 осуществляется через посредство документа, препровождаемого другим участникам.

2. Если такой документ не подписан главой государства, главой правительства или министром иностранных дел, представителю государства, передающему этот документ, может быть предложено представить полномочия.

Статья 64

Аннулирование уведомлений и документов, предусмотренных в статьях 62 и 63

Уведомление или документ, предусмотренные в статьях 62 и 63, могут быть аннулированы в любое время до вступления их в силу.

Раздел 5 - Последствия недействительности, прекращения или приостановления действия договора

Статья 65

Последствия недействительности договора

1. Постановления недействительного договора не имеют никакой юридической силы.

2. Если же были совершены действия со ссылкой на такой договор:

a) каждый участник вправе потребовать от другого участника восстановить, насколько это возможно, в их взаимных отношениях то положение, которое существовало бы, если бы не были совершены указанные действия;

b) действия, совершенные добросовестно до ссылки на недействительность, не считаются незаконными лишь по причине недействительности договора.

3. В случаях, подпадающих под действие статей 46, 47, 48 или 49, пункт 2 не применяется к участнику, которому приписывается совершение обмана, принуждения или подкупа.

4. В случае недействительности согласия какого-либо государства быть связанным многосторонним договором вышеуказанные правила применяются в отношениях между этим государством и участниками договора.

Статья 66

Последствия прекращения действия договора

1. Если в договоре не предусматривается иное или если стороны не согласились об ином, прекращение договора, в соответствии с его постановлениями или в соответствии с настоящими статьями:

a) освобождает участников договора от всякого обязательства выполнять договор в дальнейшем;

b) не влияет на права, обязанности и правовое положение участников, возникшие в результате выполнения договора до его прекращения.

2. Если государство денонсирует многосторонний договор или выходит из него, пункт 1 применяется в отношениях между этим государством и каждым из остальных участников договора со дня такой денонсации или выхода из договора.

Статья 67

Последствия недействительности или прекращения договора, противоречащего императивной норме общего международного права

1. В случае недействительности договора в соответствии со статьей 50 участники:

a) устраняют, насколько это возможно, последствия любого действия, предпринятого со ссылкой на какое-либо постановление, которое противоречит императивной норме общего международного права; и

b) приводят свои взаимные отношения в соответствие с императивной нормой общего международного права.

2. В случае недействительности или прекращения договора в соответствии со статьей 61 прекращение договора:

a) освобождает участников от всякого обязательства выполнять договор в дальнейшем;

b) не влияет на права, обязанности и правовое положение участников, возникшие в результате выполнения договора до его прекращения при условии, что такие права, обязанности или положения могут в дальнейшем сохраняться только в той мере, в какой их сохранение само по себе не противоречит новой императивной норме общего международного права

Статья 68

Последствия приостановления действия договора

1. Если в договоре не предусматривается иное или если участники не согласились об ином, приостановление действия договора в соответствии с его постановлениями или в соответствии с настоящими статьями:

a) освобождает участников, между которыми приостанавливается действие договора, от обязательства выполнять договор в своих взаимных отношениях в период приостановления;

b) не влияет на правовые отношения между участниками, установленные договором.

2. В период приостановления договора участники воздерживаются от действий, которые могли бы сделать возобновление действия договора невозможным.

ЧАСТЬ VI. ПРОЧИЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ

Статья 69

Случаи правопреемства государства и ответственности государства

Положения настоящих статей не затрагивают ни одного из вопросов, которые могут возникнуть в отношении договора из правопреемства государств или из международной ответственности государства.

Статья 70

Случай государства-агрессора

Настоящие статьи не затрагивают никаких обязательств в отношении договора, которые могут возникнуть для государства-агрессора в результате мер, предпринятых в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций в отношении такого государства-агрессора.

ЧАСТЬ VII: ДЕПОЗИТАРИИ, УВЕДОМЛЕНИЯ, ПОПРАВКИ И РЕГИСТРАЦИЯ

Статья 71

Депозитарии договоров

1. Депозитарий договора, который может быть государством либо международной организацией, назначается участвующими в переговорах государствами в самом договоре или каким-либо иным порядком.
2. Функции депозитария договора являются международными по своему характеру, и при исполнении этих функций депозитарий обязан действовать беспристрастно.

Статья 72

Функции депозитариев

1. Функции депозитария, если в договоре не предусматривается иное, состоят, в частности:

a) в хранении оригинала договора, если это ему поручено;

b) в подготовке завершенных копий с оригинала и с любого иного текста на таких других языках, которые могут быть предусмотрены договором, а также в препровождении их государствам, имеющим право стать участниками договора;

c) в получении любых подписей договора и любых документов и уведомлений, относящихся к договору;

d) в изучении вопроса о том, соответствует ли подпись, документ или оговорка положениям договора или настоящих статей, и, в случае необходимости, в доведении этого вопроса до сведения соответствующего государства;

e) в информировании государств, имеющих право становиться участниками договора, об актах, письмах и уведомлениях, относящихся к договору;

f) в информировании государств, имеющих право становиться участниками договора, о том, какое число подписей, ратифицированных грамот или документов о присоединении, акцептовании или утверждении, необходимое для вступления договора в силу, получено или депонировано;

g) в выполнении функций, предусмотренных в других положениях настоящих статей.

2. В случае возникновения расхождений между каким-либо государством и депозитарием относительно выполнения функций последнего депозитарий доводит этот вопрос до сведения других государств, имеющих право стать участниками договора, либо, по мере надобности, до сведения компетентного органа соответствующей организации.

Статья 73

Уведомления и сообщения

Если в договоре или в настоящих статьях не предусматривается иное, любое уведомление или сообщение, сделанное любым государством в соответствии с настоящими статьями:

a) препровождается, если нет депозитария, непосредственно государствам, которым оно предназначено; либо, если есть депозитарий - последнему;

b) считается сделанным соответствующим государством только по получении его тем государством, которому оно предназначено, или же по получении его депозитарием;

c) если оно препровождается депозитарию, то оно считается полученным государством, для которого оно предназначено, после того как последнее было уведомлено об этом депозитарием в соответствии с пунктом 1e статьи 72.

Статья 74

Исправление ошибок в текстах или в заверенных копиях договоров

1. Если после удостоверения текста договора договаривающиеся государства признали, что в нем содержится ошибка, то она, если они не условились об ином, исправляется путем:

a) внесения соответствующей поправки в текст или предъявления требования, чтобы поправка была сделана надлежащим образом уполномоченными представителями;

b) оформления отдельного документа или документов (или обмен ими) с изложением поправки, которую решено было внести; или

c) оформлением исправленного текста всего договора в том же порядке, как в случае оформления подлинного текста.

2. Если есть депозитарий договора, то он:

a) уведомляет договаривающиеся государства об ошибке или предложении исправить ее, если не последует возражений в течение определенного периода времени;

b) если по истечении этого периода не последовало возражений, вносит или требует внести исправление в текст, оформляет протокол об исправлении текста и препровождает копию договаривающимся государствам;

c) если против предложенной поправки высказано возражение, доводит это возражение до сведения других договаривающихся государств.

3. Правила, содержащиеся в пунктах 1 и 2, применяются также в тех случаях, когда аутентичность текста удостоверена на двух или более

языках и когда представляется, что между договаривающимися государствами отсутствует согласие относительно внесения поправки.

4. a) Исправленный текст заменяет собой текст, содержащий ошибку ab initio, если договаривающиеся государства не установили иное;

b) исправление текста зарегистрированного договора доводится до сведения Секретариата Организации Объединенных Наций.

5. Если ошибка обнаруживается в заверенной копии договора, депозитарий составляет протокол, указывая на исправление, и направляет копию договаривающимся государствам.

Статья 75

Регистрация и опубликование договоров

Договоры, заключенные участниками, подписавшими настоящие статьи, как можно скорее регистрируются в Секретариате Организации Объединенных Наций. Их регистрация и опубликование регулируются постановлениями, принимаемыми Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций.

ПРОЕКТ СТАТЕЙ О ПРАВЕ ДОГОВОРОВ И КОММЕНТАРИИ

ЧАСТЬ I: ВВЕДЕНИЕ

Статья 1[35/]

Сфера действия настоящих статей

Настоящие статьи относятся к договорам, заключенным между государствами

Комментарий

1) Это положение, определяющее сферу действия настоящих статей как относящихся к "договорам, заключенным между государствами", должно рассматриваться в тесной связи не только со статьей 2а, в которой излагается значение термина "договор", используемого в статьях, но также со статьей 3, содержащей общую оговорку, касающуюся некоторых других категорий международных соглашений. Единственной, но важной целью этого положения является подчеркнуть с самого начала тот факт, что все последующие статьи были сформулированы так, что они специально касаются договоров, заключенных между государствами, и составлены так, чтобы применяться только к таким договорам.

2) Статья 1 является воплощением и логическим следствием решения Комиссии на ее четырнадцатой сессии о том, чтобы не включать каких-либо особых положений, касающихся договоров международных организаций, и ограничить проекты статей договорами, заключенными между государствами. Договорам, заключенным между организациями, присущи многие специальные характерные черты; Комиссия считала, что если она попытается включить в настоящие статьи удовлетворительные положения о договорах международных организаций, то это излишне усложнило и задержало бы их составление. Следует признать, что в предварительно

35/ Проект 1965 года, статья 0.

принятом в 1962 году проекте статья 1 определяла термин договор "в настоящих статьях" как охватывающий договоры, "заключенные двумя или несколькими государствами или другими субъектами международного права". Следует признать также и то, что статья 3 этого проекта содержала самую общую ссылку на правоспособность "других субъектов международного права" заключать договоры и самое общее правило, касающееся правоспособности международных организаций в особенности. Однако никакая другая статья того проекта или проектов, принятых в предварительном порядке в 1963 и 1964 гг., не содержала никаких конкретных ссылок на договоры международных организаций или любого другого "субъекта международного права".

3) Поскольку проект статей подготавливался как основа для возможной конвенции, Комиссия считала необходимым, во-первых, изъять из бывших статей 1 и 3 (статьи 2 и 5 настоящего проекта) положение, касающееся договоров, не являющихся непосредственно предметом настоящих статей, и, во-вторых, ясно указать на ограничение нынешних статей договорами, заключенными между государствами. В соответствии с этим Комиссия приняла решение сделать соответствующее изменение в статьях 1 и 5 и включить статью 1, ограничивающую сферу действия проектов статей договорами, заключенными между государствами. Комиссия рассмотрела вопрос о том, не легче ли было бы достичь цели путем простого изменения определения договора в статье 2. Однако, исходя из соображений, касающихся эмфатической стороны, а также ради удобства составления, она пришла к выводу о том, что определение сферы действия проектов статей желательно дать в первой статье.

4) Комиссия считала не менее важным не допустить каких-либо неправильных толкований, могущих возникнуть в связи со строгим ограничением проекта статей договорами, заключенными между государствами, или в связи с изъятием упоминания о договорах "других субъектов международного права" и "международных организаций". Поэтому она решила подчеркнуть в настоящем комментарии, что снятие этих ссылок не следует понимать как означающее какие-либо изменения в мнении

Комиссии относительно правового характера этих форм международных соглашений. Кроме того, она решила добавить в статью 3 (бывшая статья 2) специальную оговорку в отношении их юридической силы и правил, применимых к ним.

Статья 2[36/]

Употребление терминов

1. В настоящих статьях:

a) "Договор" означает международное соглашение, заключенное между государствами в письменной форме и регулируемое международным правом, независимо от того, состоит ли оно из одного, двух или более связанных между собой документов и каково бы ни было его наименование.

b) "Ратификация", "принятие", "одобрение" и "присоединение" означают в каждом отдельном случае соответствующий международный акт, посредством которого государство выражает в международном плане свое согласие быть связанным тем или иным договором.

c) "Полномочия" означают документ, исходящий от компетентного органа государства, назначающего какое-либо лицо представлять это государство в целях ведения переговоров, принятия или установления подлинности текста договора, выражения согласия этого государства быть связанным договором или в целях совершения любого другого акта, относящегося к договору.

d) "Оговорка" означает одностороннее заявление, независимо от того, как оно сформулировано или названо, сделанное каким-либо государством при подписании, ратификации, одобрении договора или присоединении к нему или принятии его, посредством которого оно предполагает исключить или изменить юридическое действие определенных положений договора в их применении к данному государству.

e) "Ведущее переговоры государство" означает государство, которое принимало участие в составлении и принятии текста договора.

f) "Договаривающееся государство" означает государство, которое согласилось быть связанным договором, независимо от того, вступил ли этот договор в силу или нет.

36/ Проекты 1962 и 1965 гг., статья 1.

g) "Сторона" означает государство, которое согласилось быть связанным договором и для которого договор находится в силе.

h) "Третье государство" означает государство, не являющееся участником договора.

i) "Международная организация" означает межправительственную организацию.

2. Положения пункта 1, касающиеся употребления терминов в настоящих статьях, не затрагивают употребления тех терминов или значений, которые могут быть приданы им, во внутреннем праве любого государства.

Комментарий

1) Настоящая статья, как об этом говорит ее название и вступительное слово в пункте 1, имеет своей целью лишь установить значения, в которых употребляются термины в проекте статей.

2) "Договор". Выражение "договор" используется во всех статьях проекта, как родовой термин, охватывающий все формы международных соглашений в письменной форме, заключенных между государствами. Хотя термин "договор" в одном смысле означает только единичный официальный документ, существуют также международные соглашения, как, например, обмен нотами, которые не являются единичным официальным документом, но тем не менее представляют собой, несомненно, соглашения, к которым применимо право договоров. На практике очень многие единичные документы, такие как "согласованный протокол" или "меморандум о согласованных пунктах", нельзя правильно называть официальными документами, однако они, несомненно, являются международными соглашениями, которые регулируются правом договоров. Общая конвенция о праве договоров должна охватывать все такие соглашения, и вопрос о том, следует ли в целях определения их использовать выражение "договоры", а не "международные соглашения", является вопросом терминологии, а не существа. По мнению Комиссии, целый ряд соображений решительно говорит в пользу употребления в этих целях термина "договор".

3) Во-первых, договор в упрощенной форме является вовсе не исключительным, а часто встречающимся случаем, и его употребление неуклонно растет[37]. Во-вторых, правовая разница, если она вообще существует, между официальными договорами и договорами в упрощенной форме состоит почти исключительно в методе заключения и вступления в силу. Нормы права, касающиеся таких вопросов, как действительность, действие и значение, осуществление и выполнение, толкование и прекращение действия, относятся ко всем классам международных соглашений. Следует признать, что в отношении этих вопросов имеются некоторые важные различия правового характера между определенными классами или категориями международных соглашений[38]. Однако эти различия не вытекают из формы, названия или каких-либо других внешних характеристик документа, в котором они воплощены; они вытекают исключительно из содержания соглашения, независимо от его формы. Поэтому нельзя исключать некоторые формы международных соглашений из общей сферы действия конвенции о праве договоров только потому, что могут быть некоторые различия между такими соглашениями и официальными соглашениями в том, что касается метода их заключения и вступления в силу. В-третьих, даже в случае единичных официальных соглашений получили свое развитие чрезвычайно различные наименования, что приводит к усложнению вопроса о классификации международных соглашений. Таким образом, кроме "договора", "конвенции" и "протокола", редко можно обнаружить такие названия, как "декларация", "устав", "пакт" (covenant), "пакт", "акт", "статут", "соглашение", "конкордат"; вместе с тем такие названия, как "декларация", "соглашение" и "modus vivendi", могут даваться как официальным, так и менее официальным типам соглашений. Что касается последних,

---

37/ См. первый доклад сэра Х. Лаутерпахта, Yearbook of the International Law Commission 1953, vol. II, pp. 101-6.

38/ См. по этому вопросу комментарии ко второму докладу сэра Джеральда Фицмориса (Yearbook of the International Law Commission 1957, vol. II, p. 16, paras. 115, 120, 125-128 and 165-168); и его третий доклад (Yearbook of the International Law Commission 1958, vol. II, p. 20, paras. 90-93).

то их наименования почти неограниченны, даже если некоторые наименования, такие как "соглашение", "обмен нотами", "обмен письмами", "меморандум о соглашении" или "согласованные протоколы могут быть употребимы чаще, чем другие[39/]. Следует признать, что некоторые типы документов используются в некоторых целях чаще, чем другие; также следует признать и то, что некоторыми терминами некоторые типы соглашений называются чаще, чем другие. Однако для какого-либо определенного типа актов не имеется исключительного или систематического применения наименований. В-четвертых, употребление термина "договор" как родового термина, включающего все виды международных соглашений в письменной форме, принято большинством юристов.

4) Еще важнее то обстоятельство, что исходное употребление термина "договор" подкрепляется двумя постановлениями Статута Международного Суда. В пункте 2 статьи 36 среди вопросов, в отношении которых государства-участники Статута могут признать юрисдикцию Суда для себя обязательной, указано "a. толкование договора". Ясно, однако, что этим не имелось в виду сказать, будто государства не могут признавать обязательную юрисдикцию Суда с целью толкования международных соглашений, в действительности не называемых договорами или излагаемых в документах, имеющих иное наименование. Далее в пункте 1 статьи 38 указано, что при вынесении решений Суд применяет "a. международные конвенции". Ясно, что этим совершенно не имелось в виду сказать, будто Суд не вправе применять других актов, в которых содержатся международные соглашения, но которые не называются "конвенциями". Напротив, Суд должен применять их и применяет. То обстоятельство, что в одном из этих двух постановлений, относящихся

39/ См. список, приводимый в первом докладе сэра Х. Лаутерпахта (Yearbook of the International Law Commission 1953, vol. II, p. 101), пункт 1 комментария к его статье 2. Статья 1 правила Генеральной Ассамблеи в отношении регистрации говорит о "всех договорах и международных соглашениях, независимо от их формы и наименования".

ко всему кругу международных соглашений, употреблен термин "договор", а в другом - еще более официальный термин "конвенция", подтверждает, что употребление в настоящих статьях термина "договор" в родовом смысле для того, чтобы охватить все международные соглашения, совершенно законно. Далее, единственной реальной альтернативой было бы употребление в качестве родового термина фразы "международные соглашения", а это не только обременило бы текст, но и звучало бы очень странно в наши дни, когда для обозначения этой отрасли международного права почти неизменно употребляется выражение "право договоров".

5) Выражение "договор", употребляемое в проекте статей, охватывает только международные соглашения, заключаемые между "двумя и более государствами". Тот факт, что этот термин определяется здесь таким образом и таким образом употребляется во всех статьях, вовсе не означает (как уже подчеркивалось в комментарии к предыдущей статье) отрицания того, что другие субъекты международного права, такие как международные организации и восставшие группы, могут заключать договоры. Напротив, оговорка, содержащаяся в статье 3 относительно юридической силы их договоров и применения к ним юридических принципов, была включена Комиссией специально для того, чтобы отклонить любое подобное толкование ее решения ограничить проекты статей договорами, заключаемыми между государствами.

6) Слова "регулируемое международным правом" имеют целью установление различия между международными соглашениями, регулируемыми международным публичным правом, и такими соглашениями, которые, хотя и заключаются между двумя государствами, регулируются национальным правом одной из сторон (или на основании какой-либо избранной сторонами другой системы национального права). Комиссия рассмотрела вопрос о том, следует ли включить в это определение элемент "намерения создать обязательства по международному праву". Некоторые члены считали это нежелательным, поскольку это могло бы означать, что государства всегда имеют возможность выбора между международным

и внутригосударственным правом в качестве права, регулирующего данный договор, в то время как они зачастую не имеют такого выбора. Другие члены Комиссии считали, что сам характер договаривающихся сторон неизбежно ставит межгосударственное соглашение в зависимость от международного права, по крайней мере в первый момент. Комиссия пришла к выводу о том, что в той степени, в какой это необходимо, элемент намерения охватывается фразой "регулируемое международным правом"; Комиссия решила не делать в определении какого-либо упоминания об элементе намерения.

7) Ограничение употребления термина "договор" в проекте статей международными соглашениями, выраженными в письменной форме, не преследует цель отрицания юридической силы устных соглашений согласно международному праву или то обстоятельство, что некоторые из принципов, содержащихся в последующих частях составляемого Комиссией проекта статей о праве договоров, могут не иметь отношения и к устным соглашениям. Однако выражением "договор" обычно пользуются для обозначения соглашения, облеченного в письменную форму, и, во всяком случае, Комиссия считала, что в интересах ясности и простоты ее проект статей о праве договоров должен ограничиваться соглашениями, облеченными в письменную форму. С другой стороны, хотя классической формой договора является единичный официальный документ, в современной практике международные соглашения часто заключаются не только при помощи менее официальных документов, но также и при помощи двух или несколько связанных между собой документов. Выражение "независимо от того, состоит ли оно из одного, двух или более связанных между собой документов" подводит все эти формы международных соглашений под термин "договор".

8) Принятый в предварительном порядке в 1962 году текст также содержал определения двух отдельных категорий договора: a) "международный договор упрощенной формы" и b) "генеральный международный договор". Первый термин использовался в статьях 4 и 12 проекта 1962 года в связи с правилами, регулирующими соответственно

"полномочия" и "ратификацию". Это определение, которому Комиссии было нелегко придать достаточную точность, употреблялось в этих статьях как критерий применения некоторых правил. При повторном рассмотрении этих дву статей на семнадцатой сессии Комиссия серьезно пересмотрела формулировку этих предложений и в процессе работы сочла возможным устранить содержащиеся в них (и обусловившие необходимость определения этого термина) различия между "договорами в упрощенной форме" и другими договорами. Поэтому его больше нет в настоящей статье. Второй термин - "генеральный многосторонний договор" использовался в статье 8 проекта 1962 года в качестве критерия применения правил, включенных тогда в проект, касающийся "участия в договорах". По причинам, указанным в разделе об обсуждении вопроса об участии в договорах, приложенном к комментарию к статье 12, эта статья была опущена из проекта статей, которые не содержат теперь каких-либо правил, специально касающихся участия в договорах. Поэтому это определение также перестало быть необходимым в проекте статей и больше не приводится в числе терминов, определенных в настоящй статье.

9) "Ратификация", "принятие", "одобрение" и "присоединение". Целью этого определения является подчеркнуть, что эти термины, в том виде, как они используются в проекте статей, относятся исключительно к международному акту, при помощи которого устанавливается в международном плане согласие государства на обязательность для него договора. Конституции многих государств содержат специальные требования внутреннего права в отношении представления договоров на "ратификацию" или "одобрение" конкретного органа или органов государства. Эти процедуры "ратификации" и "одобрения" существуют во внутреннем праве как требования, которые должны выполняться, прежде чем компетентные органы государства могут приступить к принятию международного акта, который установит согласие государства на обязательность для него договора. Международным актом, устанавливающим это согласие, является обмен, депонирование или международное

уведомление об этом документе, определенные в договоре как способ, при помощи которого государства могут стать участниками договора. Не существует также никакого точного или необходимого соответствия между использованием терминов во внутреннем праве и международном праве или между одной системой внутреннего права и другой. Поскольку ясно, что существует какая-то тенденция смешения международной и внутренней процедур, и поскольку только международные процедуры имеют отношение к международному праву договоров, Комиссия считала желательным сделать в определении особый упор на тот факт, что термины "ратификация", "принятие", "одобрение" и "присоединение" касаются в настоящих статьях чисто международного акта.

10) "Полномочия". Определение этого термина, по-видимому, не требует каких-либо особых замечаний, кроме указания на важность последней фразы: "или в целях совершения любого другого акта, относящегося к договору". Хотя "полномочия" обычно рассматриваются в связи с заключением договоров (см. статьи 6, 10, 11), возможно, что вопрос о них может встать в связи с другими актами, такими как прекращение или денонсация договоров (см. пункт 2 статьи 63).

11) "Оговорка". Необходимость этого определения вытекает из того факта, что государства при подписании, ратификации, одобрении договора, присоединении к нему или принятии его нередко выступают с заявлениями по поводу того, как они понимают какой-либо вопрос или как они толкуют какое-либо конкретное положение. Такие заявления могут быть простыми пояснениями позиции государства или могут сводиться к оговорке, в зависимости от того, изменяет или исключает она применение принятых положений договора.

12) "Ведущее переговоры государство", "договаривающееся государство", "сторона". При формулировании статей Комиссия сочла необходимым провести различия между четырьмя различными категориями государств в зависимости от того, как это требуется конкретным контекстом. Она также сочла необходимым обозначить их четко путем применения единой терминологии. Одна категория - "государства, имеющие право

становиться участниками договора", как это кажется, не требует определения. Другими тремя категориями являются те, которые определены в подпунктах 1e, 1f и 1g. Выражение "ведущие переговоры государства" требует того, чтобы его отличали как от понятия "договаривающиеся государства", так и от понятия "стороны" в некоторых контекстах, особенно в тех случаях, когда какая-либо статья говорит о намерении, содержащемся в договоре. Выражение "государства, имеющие право становиться участниками" является подходящим термином в некоторых пунктах статьи 72. Понятие "договаривающиеся государства" требует, чтобы его отличали от понятий "ведущие переговоры государства" и "стороны" в некоторых контекстах, где говорится о выражении государством согласия на обязательность для него договора, независимо от того, вступил ли он уже в силу. Что касается термина "сторона", то Комиссия решила в принципе, что этот термин должен ограничиваться государствами, в отношении которых договор находится в силе. В то же время Комиссия считала оправданным использовать термин "сторона" в некоторых статьях, в которых разбираются случаи, когда, как в статье 65, договор уже должен был вступить в силу, а его действительность оспаривается, или когда прекращает свое действие договор, который был в силе.

13) "Третье государство". Этот термин часто применяется для обозначения государства, которое не является стороной в договоре; в целях улучшения редакции Комиссия считала удобным использовать этот термин в этом смысле в разделе 4 части Ш.

14) "Международные организации". Хотя проект статей не касается договоров международных организаций, их применение к некоторым классам договоров, заключенных между государствами, может быть затронуто правилами какой-либо международной организации (см. статью 4). Термин "международная организация" определяется здесь как межправительственная организация для того, чтобы сделать ясным, что исключаются правила неправительственных организаций.

15) Пункт 2 имеет своей целью укрепить позицию государств по отношению к их внутреннему праву и обычаям, особенно в связи с ратификацией договора. Во многих странах конституция требует, чтобы международные соглашения, считающиеся, согласно внутреннему праву или обычаю государства, "договором", должны утверждаться законодательным органом или же их ратификация должна утверждаться этим органом, возможно, даже каким-либо конкретным большинством голосов; в то же время другие формы международного соглашения не подпадают под это требование. Поэтому важно, чтобы определение, данное термину "договор" в настоящих статьях, никоим образом не нарушало или затрагивало существующие внутренние правила или обычаи, регулирующие классификацию международных соглашений по национальному праву.

Статья 3[40/]

Международные соглашения, не подпадающие под действие настоящих статей

Тот факт, что настоящие статьи не относятся:

a) к международным соглашениям, заключенным между государствами и другими субъектами международного права или между такими другими субъектами международного права; или

b) к международным соглашениям не в письменной форме, не затрагивает юридической силы таких соглашений или применение к ним любых из правил, изложенных в настоящих статьях, под действие которых они будут подпадать независимо от этих статей.

Комментарий

1) Текст настоящей статьи, в том виде, в каком он был предварительно принят в 1962 году, содержал только оговорку в пункте b в отношении силы международных соглашений не в письменной форме.

2) Первая оговорка в подпункте a, касающаяся договоров, заключенных между государствами и другими субъектами международного права или между такими другими субъектами международного права, была добавлена на семнадцатой сессии в результате решения Комиссии строго ограничить проект статей договорами, заключенными между государствами, и в результате последующего ограничения определения термина "договор" в статье 2 "международным соглашением, заключенным между государствами". Это узкое определение "договора", хотя и ясно ограниченное целями настоящих статей, могло само по себе создать впечатление, что международные соглашения между государством и международной организацией или другим субъектом международного права, или между двумя международными организациями, или между любыми другими субъектами международного права не-государствами выходят за рамки права договоров.

40/ Проекты 1962 и 1965 гг., статья 2.

Поскольку такие международные соглашения сейчас встречаются часто, - особенно между государствами и международными организациями и между двумя организациями, - Комиссия считала желательным сделать особую оговорку в настоящей статье в отношении их юридической силы и возможного касательства к ним некоторых правил, выраженных в настоящих статьях.

3) Необходимость второй оговорки в подпункте b вытекает из определения "договора" в статье 2 как международного соглашения, заключенного "в письменной форме", которое само по себе может также создать впечатление о том, что устные или молчаливо выраженные соглашения не должны считаться имеющими какую-либо юридическую силу или регулируемыми любыми из норм, образующих право договоров. В то время, как Комиссия считала, что в интересах ясности и простоты настоящие статьи по общему праву договоров должны ограничиваться соглашениями в письменной форме, она признала, что устные международные соглашения могут обладать юридической силой и что некоторые из существенных правил, изложенных в проекте статей, могут касаться также и таких соглашений.

4) Эта статья поэтому определяет, что тот факт, что настоящие статьи не относятся ни к одной из этих категорий международных соглашений, не должен затрагивать их юридической силы или "применения к ним любых из правил, изложенных в настоящих статьях, под действие которых они будут подпадать независимо от этих статей".

Статья 4[41]

Договоры, являющиеся учредительными документами международных организаций или принятые в рамках международных организаций

Применение настоящих статей к договорам, являющимся учредительными документами какой-либо международной организации или принятым в рамках какой-либо международной организации, подпадают под любые соответствующие правила этой организации.

41/ Проект 1963 г., статья 48; проект 1965 г., статья 3 (bis).

Комментарий

1) Проект статей, в том виде, в котором он был принят в предварительном порядке на четырнадцатой, пятнадцатой и шестнадцатой сессиях, содержал ряд специальных оговорок в отношении применения существующих правил международной организации. Кроме того, в тот раздел, который представлял собой часть II проекта статей и в котором говорилось о недействительности и прекращении срока действия договоров, Комиссия включила статью (статья 48 этого проекта), в которой содержалась широкая оговорка, имеющая тот же самый смысл в отношении всех статей о прекращении действия договоров. В самом начале своего повторного рассмотрения проекта статей на семнадцатой сессии Комиссия пришла к выводу о том, что данная статья должна быть поставлена на ее нынешнее место во введении и должна быть вновь сформулирована как общая оговорка, охватывающая весь проект статей. Комиссия считала, что это позволит ей упростить составление статей, содержащих специальные оговорки. Она также считала, что такая общая оговорка желательна в том случае, если будет случайно упущено возможное значение правил международных организаций в каком-либо конкретном контексте права договоров.

2) В то же время Комиссия решила, что следует сузить категории договоров, которые следует считать подпадающими под действие правил какой-либо международной организации и в этом объеме не подпадающими под применение того или иного положения права договоров. Некоторые оговорки, касающиеся правил международных организаций, включенные в статьи проекта 1962 года о заключении договоров, охватывали не только учредительные документы и договоры, составленные в рамках какой-либо организации, но и договоры, составленные "под покровительством этой организации". При повторном рассмотрении вопроса в 1963 году в контексте о прекращении действия и приостановлении действия договоров Комиссия решила, что должны считаться охватывающимися этой оговоркой только учредительные документы и договоры, действительно составленные в рамках какой-либо организации. Общая оговорка,

касающаяся правил международных организаций, включенная в текст нынешней статьи на семнадцатой сессии, была поэтому сформулирована таким образом.

3) Некоторые правительства в своих замечаниях по тому разделу, который являлся тогда частью III проекта статей (применение, действие, изменение и толкование договоров), выразили мнение о том, что необходимо тщательно избегать того, чтобы правила международных организаций могли ограничить свободу ведущих переговоры государств, если только заключение договора не является частью работы организации, но не в том случае, когда составление договора происходит в рамках этой организации только в связи с удобством использования службы конференций этой организации. Принимая к сведению эти замечания, Комиссия на нынешней сессии пересмотрела редакцию этой оговорки с тем, чтобы она охватывала только "учредительные документы" и договоры, "принятые в рамках какой-либо международной организации". Эта фраза преследует цель исключить договоры, составленные лишь под эгидой какой-либо организации, или же договоры, при составлении которых использовалась служба конференций, и ограничить оговорку договорами, текст которых составляется и принимается в рамках какого-либо органа такой организации.

ЧАСТЬ II. ЗАКЛЮЧЕНИЕ И ВСТУПЛЕНИЕ ДОГОВОРОВ В СИЛУ

Раздел 1 - Заключение договоров

Статья 5[42]

Правоспособность государств заключать договоры

1. Каждое государство обладает правоспособностью заключать договоры.

2. Государства-члены федерального союза могут обладать правоспособностью заключать договоры, если такая правоспособность признается федеральной конституцией и не выходит за установленные ею пределы.

42/ В проектах 1962 и 1965 годов, статья 3.

Комментарий

1) Некоторые члены Комиссии считали, что нет необходимости включать статью о правоспособности в международном праве заключать договоры. Они отмечали, что правоспособность вступать в дипломатические сношения не содержалась в Венской конвенции, и заявляли, что если эта правоспособность будет включена в право договоров, то Комиссия может оказаться кодифицирующей все право, касающееся "субъектов" международного права. Другие члены считали, что вопрос о правоспособности целесообразнее затрагивать в рамках права договоров, чем в рамках права дипломатических сношений и иммунитета, и что проект статей должен содержать, по крайней мере, некоторые общие положения, касающиеся правоспособности заключать договоры.

2) В 1962 году Комиссия, придерживаясь мнения о нецелесообразности подробно заниматься всеми проблемами правоспособности, которые могут возникнуть, решила включить в настоящую статью три широких положения о правоспособности заключать договоры i) государств и других субъектов международного права, ii) государств-членов федерального союза и iii) международных организаций. Третье из этих положений - правоспособность международных организаций заключать договоры - является отражением того периода, когда Комиссия разбирала вопрос о включении отдельной части, касающейся договоров международных организаций. Хотя на своей сессии в 1962 году Комиссия решила ограничить проекты статей договорами, заключенными между государствами, она сохранила это положение в настоящей статье, касающейся правоспособности заключать договоры. Однако при повторном изучении этой статьи на семнадцатой сессии Комиссия пришла к выводу, что логика ее решения о том, что проект статей должен касаться только договоров, заключенных между государствами, вызывает необходимость изъятия из первого пункта ссылки на правоспособность "других субъектов международного права", а также требует изъятия всего третьего пункта, касающегося специально правоспособности международных организаций заключать договоры.

3) Некоторые члены Комиссии считали, что оставшиеся два положения не оправдывают сохранения всей статьи. Они считали, что объявление того факта, что государства обладают правоспособностью заключать договоры, будет излишним, поскольку это положение уже подразумевается в определении сферы действия проекта статей в статье 1. Они также выражали сомнение в отношении целесообразности и необходимости внесения в пункт 2 положения о правоспособности государств-членов федерального союза; они, в частности, считали, что в этот пункт должна быть включена роль международного права в данном вопросе. Комиссия решила сохранить эти два положения с учетом незначительных редакционных изменений. Она считала желательным подчеркнуть правоспособность заключать договоры, которой обладает каждое государство; а что касается примеров, наблюдающихся в практике договоров, заключаемых государствами-членами некоторых федеральных союзов с иностранными государствами в силу полномочий, предоставляемых им конституцией их федерального союза, то следует включить общее положение, охватывающее такие случаи.

4) Пункт 1 провозглашает общий принцип о том, что каждое государство обладает правоспособностью заключать договоры. Термин "государство" употребляется в данном пункте в том же значении, что и в Уставе Организации Объединенных Наций, в Статуте Международного Суда, в Женевской конвенции по морскому праву и в Венской конвенции о дипломатических сношениях, т.е здесь имеется в виду государство в международно-правовом смысле.

5) Пункт 2, как уже об этом упоминалось, касается федеральных государств, чьи конституции в некоторых случаях дают составляющим их государствам-членам какую-то степень правоспособности заключения договоров. Он не охватывает договоры, заключаемые между двумя союзами одной федерации. Соглашения между двумя государствами-членами федерального государства имеют некоторую схожесть с международными договорами, и в некоторых случаях определенные принципы договорного права применялись к ним во внутреннем праве по аналогии. Однако эти соглашения действуют в рамках правового режима конституции федерального государства,

/...

и включение их в рамки настоящих статей означало бы переступление границы между международным и внутренним правом. Поэтому пункт 2 касается только договоров, заключенных какой-либо единицей федерации с внешним государством. Правоспособность заключать договоры чаще предоставляется исключительно федеральному правительству, однако не существует какой-либо нормы международного права, которая препятствовала бы составным государствам получать право заключать договоры с третьими государствами. В некоторых случаях могут возникать вопросы относительно того, заключает ли составное государство договор в качестве органа федерального государства или же от своего собственного имени. Однако решение и этого вопроса нужно искать в положениях федеральной конституции.

Статья 6[43]

Полномочия представлять государство при заключении договоров

1. За исключением случаев, предусмотренных в пункте 2, лицо считается представляющим государство в целях принятия или удостоверения подлинности текста договора либо в целях выражения согласия государства быть связанным договором только в том случае, если:

a) оно предъявит соответствующие полномочия; или

b) из обстоятельств явствует, что соответствующие государства были намерены обойтись без полномочий.

2. Следующие лица, в силу их функций и без необходимости предъявления полномочий, считаются представляющими свое государство:

a) главы государств, главы правительств и министры иностранных дел в целях совершения всех актов, относящихся к заключению какого-либо договора;

b) главы дипломатических представительств в целях принятия текста договора между аккредитующим государством и государством, при котором они аккредитованы;

43/ Проекты 1962 и 1965 гг., статья 4.

c) представители, аккредитованные государствами на международную конференцию или в какой-либо орган международной организации, в целях принятия текста договора на такой конференции или в таком органе.

Комментарий

1) Положения, содержащиеся в тексте этой статьи, принятой в предварительном порядке в 1962 году, были переставлены и сокращены. В то же время в свете замечаний правительств упор в изложении этих правил был изменен. В тексте 1962 года излагаются правовые нормы с точки зрения права различных категорий представителей выполнять различные акты, касающиеся заключения договора. В окончательно принятом Комиссией тексте делается подход к этому вопросу скорее с точки зрения изложения случаев, при которых другое ведущее переговоры государство может потребовать предъявления полномочий, и случаев, при которых оно может без ущерба обойтись без этого. Вследствие этого мотивом формулировки этих правил является изложение условий, при которых лицо считается в международном праве представляющим свое государство в целях совершения актов, касающихся заключения договора.

2) Эту статью обязательно нужно рассматривать в свете определения "полномочий" в статье 2c, где они определяются как "документ, исходящий от компетентного органа государства, назначающего какое-либо лицо представлять это государство в целях ведения переговоров, принятия или удостоверения подлинности текста договора, выражения согласия этого государства быть связанным договором или в целях совершения любого другого акта, относящегося к договору". Текст настоящей статьи 1962 года касается некоторых особых аспектов "полномочий", таких как использования письма или телеграммы в качестве предварительного доказательства предоставления полномочий. При повторном изучении этого вопроса Комиссия пришла к выводу о том, что лучше решать вопрос о таких деталях в рабочем порядке и в зависимости от решения заинтересованных сторон, а не пытаться включать их в какое-либо общее правило. Поэтому эти положения текста 1962 года были изъяты из настоящей статьи.

3) Пункт 1 излагает общее правило для всех случаев, кроме тех, которые специально перечислены во втором пункте. Он предусматривает, что лицо считается представляющим свое государство в целях принятия или удостоверения подлинности текста договора, или в целях выражения согласия государства быть связанным только в том случае, если оно (лицо) представляет соответствующий документ с полномочиями или из обстоятельств явствует, что соответствующие государства намеревались обойтись без них. Это положение поясняет, что предъявление полномочий является основной гарантией, обеспечивающей то, что представители соответствующих государств убеждаются в полномочиях друг друга представлять свои государства в целях выполнения данного конкретного акта; именно государства должны решать вопрос о том, могут ли они без ущерба обойтись без предъявления полномочий. Раньше предъявление полномочий требовалось почти во всех случаях; это часто встречается и до сих пор при заключении более официальных типов договоров. Однако значительная часть современных договоров заключается в упрощенной форме, когда предъявления полномочий часто не требуются.

4) Пункт 2 излагает три категории случаев, при которых лицо считается в международном праве представляющим свое государство, не будучи обязанным предъявлять документ с полномочиями. В этих случаях поэтому другие представители имеют право полагаться на квалификацию соответствующего лица, позволяющую ему представлять свое государство, без необходимости требовать от него доказательств этого. Первая такая категория охватывает глав государств, глав правительств и министров иностранных дел, которые считаются представляющими свое государство в целях осуществления всех актов, касающихся заключения договоров. Что касается министров иностранных дел, то их особая позиция как представителей своих государств в целях заключения международных соглашений специально признана Постоянной палатой международного правосудия в деле Legal Status of Eastern Greenland case[44/] в связи с "декларацией Илена".

44/ P.C.I.J. (1933) Series A/B No.53, at page 71.

5) Вторая специальная категория случаев касается глав дипломатических представительств, которые считаются представляющими свое государство в целях принятия текста договоров между аккредитующим государством и государством, при котором они аккредитованы. Статья 3, пункт 1c, Венской конвенции о дипломатических сношениях предусматривает, что "функции дипломатического представительства состоят, в частности, в ... ведении переговоров с правительством государства пребывания". Однако квалификация глав дипломатических представительств для представления своих государств не считается на практике распространяющейся (без представления полномочий) на выражение согласия своего государства быть связанным договором. Поэтому подпункт b ограничивает их дипломатическую квалификацию представлением своих государств до момента "принятия" текста.

6) В третью специальную категорию входят представители государств, аккредитованных на международную конференцию или в орган международной конференции, в отношении которых действует то же правило, что и для главы дипломатической миссии, а именно - автоматическая квалификация представлять свои государства в целях принятия текста договора, но не более. Эта категория заменяет пункт 2b текста 1962 года, в котором главы постоянных представительств при международных организациях рассматривались на одинаковой основе с главами дипломатических представительств и поэтому они автоматически считались бы представляющими свои государства в отношении договоров, составленных под эгидой этой организации, а также в отношении договоров между своим государством и этой организацией. В свете замечаний правительств и при дальнейшем изучении практики Комиссия пришла к выводу, что было бы неоправдано, если бы она давала главам постоянных представительств такую общую квалификацию представлять государства при заключении договоров. В то же время она пришла к выводу о том, что правило 1962 года является слишком узким, поскольку в нем говорится только о главах постоянных представительств, в то время как другие лица могут аккредитоваться при какой-либо международной организации, в связи с составлением текста договора, или при международной конференции.

/...

Статья 7[45/]

Последующее подтверждение акта, совершенного без полномочий

Акт, относящийся к заключению договора, совершенный лицом, которое, согласно статье 6, не может считаться представляющим свое государство с этой целью, не имеет юридической силы, если он впоследствии не подтвержден компетентным органом государства.

Комментарий

1) Настоящая статья содержит основной смысл того, что было включено в предварительно принятый в 1963 году проект пункта 1 статьи 32, где говорится об отсутствии полномочий на то, чтобы связать государство обязательством, как основание для недействительности. Тогда эта статья содержала два пункта, касавшиеся соответственно актов, целью которых является выразить согласие государств быть связанными обязательствами и которые i) совершаются лицом, не имеющим каких-либо полномочий от государства представлять его в этих целях, и ii) совершаются лицом, которое имеет полномочия на это при условии некоторых ограничений, но которое не соблюдало этих ограничений. При повторном изучении статьи 32 на второй части семнадцатой сессии Комиссия, однако, пришла к выводу о том, что только второй из этих случаев может по праву считаться как представляющий недействительность согласия. Комиссия считала, что в первом случае, если лицо, не имеющее каких-либо полномочий представлять государство в этой связи, намеревается выразить его согласие быть связанным договором, то с точки зрения права его акт нельзя приписывать государству, и поэтому не встает вопрос о том, что было выражено какое-то согласие. Вследствие этого Комиссия решила, что первого случая нужно было коснуться в настоящей части в контексте представительства государства при заключении договоров и что излагаемое в этой статье правило должно гласить,

---

45/ Проект 1963 года, статья 32, пункт 1.

что совершенный без полномочий акт представителя не имеет юридической силы, если только впоследствии он не подтвержден государством. 2) Статья 6 касается вопроса о полномочиях представлять государство при заключении договоров. Настоящая статья поэтому предусматривает, что "Акт, относящийся к заключению договора, совершенный лицом, которое, согласно статье 6, не может считаться представляющим свое государство с этой целью, не имеет юридической силы, если он впоследствии не подтвержден компетентным органом государства". Такие случаи вряд ли, конечно, могут случаться часто, однако практика знает подобные примеры. В 1908 году, например, посланник Соединенных Штатов в Румынии подписал две конвенции, не имея на то полномочий[46/]. Что касается одной из этих конвенций, то его правительство не давало ему никаких полномочий, в то время как он получил полномочия на вторую конвенцию, дав своему правительству понять, что он должен подписать совершенно иной договор. Далее, конвенция о наименовании сыров, заключенная в Штрезе, была подписана в 1951 году делегатом от имени как Норвегии, так и Швеции, в то время как оказалось, что он имеет полномочия на это только от первой страны. В обоих этих случаях договор должен был ратифицироваться, и он действительно был ратифицирован. Другим случаем, в котором может возникнуть тот же вопрос и который чаще встречается на практике, является случай, когда какой-либо агент имеет полномочия вступить в какой-либо конкретный договор, однако выходит за рамки своих полномочий, соглашаясь с расширением его пределов или его изменением, не имея на то полномочий. Примером этого была попытка Персии в ходе переговоров в Совете Лиги Наций дезавуировать Эрзерумский договор 1847 года на том основании, что персидский представитель вышел за рамки своих полномочий, приняв одну объяснительную записку при обмене ратификационными грамотами.

46/ Hackworth's Digest of International Law, vol. IV, p. 467.

3) В тех случаях, когда не имеется полномочий на вступление в договор, в принципе кажется очевидным, что государство должно иметь право дезавуировать акт своего представителя; это и предусматривается в настоящей статье. С другой стороны, кажется также очевидным и то, что, несмотря на отсутствие вначале у представителя полномочий, государство может впоследствии утвердить его акт и тем самым установить свое согласие быть связанным договором. Оно будет также считаться сделавшим это косвенно, если оно прибегает к положениям договора или действует каким-либо иным образом, считая этот акт своего представителя действительным.

Статья 8[47/]

Принятие текста

1. Принятие текста договора происходит по единодушному согласию государств, участвующих в его составлении, за исключением случаев, предусмотренных в пункте 2.

2. Принятие текста договора на международной конференции происходит в результате голосования за него двух третей государств, участвующих в такой конференции, если тем же большинством голосов они не решили применить иное правило.

Комментарий

1) Эта статья относится к правилу о голосовании, согласно которому "принимается" текст договора, т.е. к правилу о голосовании, при помощи которого устанавливается форма и содержание намечаемого договора. Ведущие переговоры государства занимаются только составлением текста договора как документа, излагающего положения намечаемого договора, и их голоса, даже если они подаются по окончании переговоров за утверждение текста в целом, относятся только к этому процессу. Поэтому голос, поданный на этом этапе, ни в каком смысле не является изъявлением согласия государства быть связанным положениями

47/ Проекты 1962 и 1965 гг., статья 6.

текста, которые могут быть обязательными для него только в результате нового изъявления соответствующего согласия (подписание, ратификация, присоединение или принятие).

2) В прошлые времена принятие текста договора почти всегда происходило по соглашению между всеми участвующими в переговорах государствами, и можно сказать, что общим принципом был принцип единогласия. Развитие практики составления договоров на больших международных конференциях или в рамках международных организаций привело, однако, к тому, что применение принципа большинства стало таким нормальным явлением, что, по мнению Комиссии, было бы нереалистично считать единогласие общим принципом для принятия текстов договоров, составленных на конференциях или в рамках организации. Единогласие остается общим принципом для двусторонних договоров и договоров, в составлении которых участвует небольшое число государств. Однако для других многосторонних договоров должен быть определен иной принцип, хотя, разумеется, заинтересованные государства всегда будут иметь возможность применять, по своему решению, принцип единогласия в каждом конкретном случае.

3) Пункт 1 излагает классический принцип единогласия как применимое к данному делу правило принятия текста, за исключением случаев текста, принятого на международной конференции. Это правило, как указано, в первую очередь применимо к двусторонним договорам и договорам, составленным небольшим числом государств. Конечно, согласно пункту 2 государства, участвующие в конференции, могут решить принять принцип единогласия заранее или на конференции. Однако при отсутствии такого решения принцип единогласия применим, согласно настоящей статье, к принятию таких текстов договоров, которые не составляются на международной конференции.

4) Пункт 2 касается договоров, текст которых принимается на международной конференции, и Комиссия рассматривала вопрос о том, следует ли провести различие между конференциями, проводимыми соответствующим государством, и конференциями, проводимыми международной организацией.

Вопрос заключался в том, должно ли автоматически применяться правило о голосовании в последнем случае. Когда Генеральная Ассамблея созывает какую-либо конференцию, обычно Секретариат Организации Объединенных Наций должен после консультации с теми государствами, которых это главным образом касается, составить для этой конференции временные правила процедуры или проект правил процедуры, которые включают рекомендуемое правило о голосовании и подлежат утверждению самой конференцией. Однако самой конференции предоставляется решить принять рекомендуемое правило или заменить его другим. Комиссия пришла поэтому к заключению, что как на конференциях, созываемых самими государствами, так и конференциях, созываемых организациями, правило о голосовании устанавливается самими участвующими в конференции государствами.

5) Общее правило, предложенное в пункте 2, касается того, что для принятия текста договора на любой международной конференции необходимо большинство в две трети голосов, если участвующие в конференции государства таким же большинством голосов не постановят применять какое-либо иное правило о голосовании. Хотя участвующие в конференции государства должны сохранять за собой право окончательного решения о правиле о голосовании, при помощи которого они будут принимать текст договора, Комиссии представлялось желательным определить в настоящих статьях процедуру принятия конференцией решения относительно правила о голосовании. В противном случае будет некоторый риск затяжки работы конференции продолжительными процедурными прениями относительно основного правила голосования для принятия текста договора. Некоторые члены Комиссии считали, что при процедурном голосовании должен применяться принцип простого большинства. Другие считали, что такое правило не обеспечивает достаточной защиты групп меньшинства на конференции, поскольку другие государства могут в каждом случае простым большинством выносить решения о принятии текста договора и таким образом обойти мнения тех, кто составляет, возможно, довольно значительную группу меньшинства на конференции. В правиле пункта 2

учитываются интересы меньшинства, поскольку требуется большинство по крайней мере в две трети голосов за решение простым большинством. Таким образом, окончательное решение остается за конференцией, и вместе с тем устанавливается основа для быстрого и справедливого решения процедурных вопросов. Комиссия считала, что у нее имеются все основания предлагать это правило, учитывая в особенности то обстоятельство, что принцип большинства в две трети голосов при принятии текстов многосторонних договоров применяется теперь очень часто.

6) Комиссия рассмотрела также вопрос о договорах, подобных Конвенции о геноциде и Конвенции о политических правах женщин, которые в действительности составлены в рамках международной организации. Здесь правилом о голосовании для принятия текста договора определенно должно считаться то правило о голосовании, которое применяется в том конкретном органе, в котором принимается этот текст. Этот случай, однако, подпадает под общее положение в статье 4 относительно применения правил международной организации, и нет необходимости упоминать о нем в настоящей статье.

Статья 9[48/]

Удостоверение подлинности текста

Текст договора устанавливается как подлинный и окончательный:

a) такой процедурой, какая может быть предусмотрена в тексте или согласована между государствами, участвующими в его составлении; или

b) при отсутствии такой процедуры - подписанием, подписанием ad referendum или парафированием представителями этих государств текста договора или заключительного акта конференции, содержащего этот текст.

48/ Проекты 1962 и 1965 гг., статья 7.

Комментарий

1) Установление подлинности текста договора необходимо для того, чтобы ведущим переговоры государствам, прежде чем им придется решить вопрос, - стать ли им участниками договора, - стало бы окончательно и определенно известно содержание договора, в который они вступают. Поэтому должен наступить какой-то момент, когда согласованный сторонами проект будет закреплен как текст намечаемого договора, который не может быть подвержен изменениям. Установление подлинности является процессом, в результате которого устанавливается этот окончательный текст; этот процесс состоит из какого-то акта или процедуры, который удостоверяет текст как правильный и подлинный.

2) Ранее юристы обычно не говорили об установлении подлинности как отдельной отличительной части процесса заключения договора. Причина этого, очевидно, в том, что до сравнительно недавнего времени подписание представляло собой обычный способ удостоверения подлинности текста, а подписание имеет также другую функцию - как первый шаг на пути к ратификации, акцептованию или одобрению договора или к выражению согласия государств на то, чтобы быть связанными договором. Функция подписания как установление подлинности сливается таким образом с другой функцией[49/]. За последние годы, однако, были выработаны новые методы установления подлинности текстов договоров от имени всех или большинства ведущих переговоры государств. Примерами могут служить включение неподписанных текстов проектируемых договоров в заключительные акты дипломатических конференций, процедура международных организаций, согласно которой подписание президентом или другим компетентным представителем организации устанавливает подлинность текстов конвенций, и договоры, тексты которых устанавливаются подлинными путем включения их в резолюции международной организации. Именно эти примеры из практики заключения договоров

49/ См. Yearbook of the International Law Commission 1950, vol. II, pp.233-234.

подчеркивают необходимость того, чтобы вопрос об установлении подлинности ставился отдельно и как об отдельном процедурном шаге в заключении договора. Другое соображение заключается в том, что текст договора может быть "принят" на одном языке, но его "аутентичность" установлена на двух или более языках.

3) Процедура установления подлинности часто определяется или в самом тексте или путем соглашения между ведущими переговоры государствами. При отсутствии любой такой заранее определенной или согласованной процедуры и за исключением случаев, охватываемых в следующем пункте, установление подлинности происходит путем подписания, подписания ad referendum или парафирования текста ведущими переговоры государствами или путем совершения этих актов в отношении заключительного акта конференции, содержащего этот текст.

4) Как уже указывалось, установление подлинности в настоящее время нередко принимает форму резолюции какого-либо органа международной организации или же акта об установлении подлинности, совершенного компетентным органом организации. Однако эти акты являются такими случаями, при которых текст договора принят в рамках международной организации и которые поэтому охватываются общим положением статьи 4 об установленных правилах международных организаций. Поэтому здесь они не требуют особого упоминания.

5) Поэтому настоящая статья лишь предусматривает процедуры, упомянутые выше в пункте 3, и оставляет процедуры, применимые в рамках международных организаций, подпадающими под действие статьи 4.

Статья 10[50/]

Согласие быть связанным договором, выражаемое посредством подписания

1. Согласие государства быть связанным договором выражается посредством подписания его представителем, если

a) договор предусматривает, что подписание будет иметь такую силу;

b) иным образом установлено, что ведущие переговоры государства согласны с тем, что подписание должно иметь такую силу;

c) намерение соответствующего государства придать подписанию такую силу вытекает из полномочий его представителя или было выражено во время переговоров.

2. В пункте 1:

a) парафирование текста означает подписание договора, если установлено, что ведущие переговоры государства условились об этом;

b) подписание ad referendum договора представителем, если оно подтверждается его государством, означает полное подписание договора.

Комментарий

1) Принятый в предварительном порядке проект 1962 года касается различных аспектов "подписания" в трех отдельных статьях: статья 7, охватывающая установление подлинности путем подписания, парафирования и подписания ad referendum; статья 10, касающаяся некоторых процедурных аспектов этих трех форм подписания; и статья 11, которая охватывает их юридическую силу. Такая постановка вопроса влечет за собой некоторое повторение определенных пунктов и может несколько усложнить эти правила. В то же время некоторые положения являются по своему характеру пояснительными, а не сформулированы как

50/ Проекты 1962 года, статьи 10 и 11; проект 1965 года, статья 11.

юридические нормы. В соответствии с этим, при повторном рассмотрении статей 10 и 11 на семнадцатой сессии Комиссия решила касаться установления подлинности при подписании только в настоящей статье 9, опустить статью 10 из предварительного проекта, включить те ее остающиеся элементы, которые требуют сохранения, в нынешнюю статью и ограничить статью оперативными правовыми нормами.

2) Настоящая статья, как указывает ее название, касается института подписания только как средства, при помощи которого выражается окончательное согласие государства быть связанным договором. Она не касается подписания при условии "ратификации" или при условии "принятия" или "одобрения", как это было изложено в пункте 2 текста статьи 11 проекта 1962 года. Комиссия отметила, что один из моментов, охватываемых в этом пункте, является вполне очевидным, а другой является не чем иным, как двойной ссылкой на бывшую статью 17 (сейчас статья 15). Она также отметила, что другое принципиальное значение подписания при условии ратификации и т.д. - установление подлинности - уже охватывается в нынешней статье 9. Кроме того, она отметила, что этот институт заново упоминается в статье 11. В соответствии с этим, никоим образом не преуменьшая значения или полезности этого института подписания при условии ратификации, принятия или одобрения, Комиссия пришла к выводу о том, что нет необходимости специально касаться его в особой статье или в особом положении.

3) Пункт 1 статьи признает подписание договора представителем как выражение согласия его государства быть связанным договором в трех случаях. Первый случай - когда сам договор предусматривает, что таково должно быть значение подписания, - это является общим элементом для многих типов двусторонних соглашений. Второй случай - когда иным способом устанавливается, что ведущие переговоры государства согласны с тем, что подписание должно иметь такое значение. В этом случае вопрос заключается лишь в нахождении такого намерения в доказательстве. Третий случай, который Комиссия включила в свете замечаний правительств, - когда намерение отдельного государства придать своему подписанию такое значение вытекает из полномочий, данных его

/...

представителю, или было выражено в ходе переговоров. На практике часто случается, что, даже когда ратификация считается некоторыми государствами необходимой с точки зрения их собственных требований, другое государство готово выразить свое согласие быть связанным договором окончательным образом путем подписания. В таком случае, когда становится ясным намерение быть связанным путем подписания, излишне настаивать на ратификации; согласно пункту 1с подписание будет иметь такое значение для такого конкретного государства.

4) Пункт 2 охватывает два небольших, но немаловажных производных момента. Пункт 2а касается вопроса о том, может ли парафирование текста означать подписание, выражающее согласие государства быть связанным договором. В проекте 1962 года[51/] правило, касающееся парафирования текста, было весьма строгим, причем парафирование рассматривалось как имеющее только значение установления подлинности, и во всех случаях за ним должен был следовать дальнейший акт подписания. Короче говоря, оно было поставлено на ту же основу, что и подписание ad referendum. Некоторые правительства, однако, отмечали, что на практике парафирование, особенно если оно производится главой государства, премьер-министром или министром иностранных дел, нередко преследует цель быть эквивалентом полному подписанию. Комиссия признала это, но в то же время считала важным, чтобы употребление парафирования как полного подписания принималось и признавалось другими государствами. Она также считала, что проведение различий между парафированием министром, имеющим высокое положение в государстве, и другими представителями усложнило бы это правило, и считала, что вопрос о том, сводится ли парафирование к выражению согласия быть связанным договором, должен рассматриваться лишь как вопрос о намерениях ведущих переговоры государств. Пункт 2а поэтому предусматривает, что парафирование равнозначно подписанию,

---

51/ Статья 10, пункт 3 этого проекта.

выражающему такое согласие в том случае, когда установлено, что ведущие переговоры государства согласны на это.

5) Пункт 2b касается подписания ad referendum, которое, как об этом говорит само название, дается в пердварительном порядке и обусловливается подтверждением. Когда делается подтверждение, такое подписание означает полное подписание и будет представлять собой одно целое в смысле правил настоящей статьи, касающейся выражения согласия государства быть связанным договором. В отличие от "ратификации", "подтверждение" подписания ad referendum не является подтверждением договора, а только подтверждением подписания; поэтому в принципе подтверждение делает это государство государством, подписавшим договор со дня первоначального подписания. В статье 10 текста 1962 года об этом говорится особо и как об абсолютном правиле. В замечаниях правительств было высказано предположение о том, что это правило должно быть выражено словами: "если соответствующее государство не указывает более поздней даты, когда оно подтвердит свое подписание". Поскольку это позволит государству делать, в свете того, что произошло за промежуточный период, односторонний выбор более раннего или более позднего дня подписания, после которого оно считается участником, Комиссия считала, что добавлять такое особое уточнение обычной нормы было бы нежелательным. Она считала, что этот вопрос должен быть оставлен на рассмотрение ведущими переговоры государствами в каждом отдельном случае. Если они не выдвигают возражений против того, чтобы указывать более позднюю дату во время подтверждения подписания ad referendum, то вопрос будет разрешен сам собой. Пункт 2b поэтому лишь говорит о том, что подписание ad referendum, в случае его подтверждения, означает полное подписание в целях правил, касающихся выражения согласия государства быть связанным договором.

Статья 11[52/]

Согласие быть связанным договором, выраженное ратификацией, принятием или одобрением

1. Согласие государства быть связанным договором выражается посредством ратификации, если:

a) договор предусматривает, что такое согласие должно быть выражено посредством ратификации;

b) иным путем установлено, что ведущие переговоры государства согласны с тем, что должна требоваться ратификация;

c) представитель соответствующего государства подписал договор под условием ратификации; или

d) намерение соответствующего государства подписать договор под условием ратификации вытекает из полномочий его представителя или было выражено во время переговоров.

2. Согласие государства быть связанным договором выражается принятием или одобрением на условиях, подобных тем, которые применяются к ратификации.

Комментарий

1) Настоящая статья излагает правила, определяющие случаи, при которых, для того чтобы установить согласие государства быть связанным договором, кроме подписания, необходима ратификация. Слово "ратификация", как указано в статье 2, используется здесь и во всем проекте статей исключительно в смысле ратификации в международном плане. Парламентская "ратификация" или "одобрение" договора согласно внутригосударственному праву, конечно, не является отделимой от "ратификации" в международном плане, поскольку без нее может отсутствовать конституционное право совершения международного акта ратификации. Это не меняет, однако, того факта, что международная

52/ Проект 1962 года, статьи 12 и 14; проект 1965 года, статья 12.

и конституционная ратификации договора - совершенно различные процедурные акты, совершаемые в двух различных планах.

2) Современный международно-правовой институт ратификации выработался в течение девятнадцатого столетия. До него ратификация была по существу формальным и ограниченным актом, при помощи которого после составления договора суверен подтверждал или окончательно удостоверял полномочия на заключение этого договора, выданные ранее его представителю. В те времена ратификация не была одобрением самого договора, а подтверждением того факта, что представителю были даны полномочия на заключение договора, и, соответственно, суверен был обязан ратифицировать полномочия своего представителя, если они были в порядке. Однако потом ратификацией стали пользоваться в большинстве случаев как средством подчинения осуществления исполнительной властью права на заключение договоров контролю парламента, и, в конце концов, доктрина ратификации подверглась существенным изменениям. Было установлено, что самый договор подлежит последующей ратификации государством до того, как он станет обязательным. Далее, эти изменения произошли в то время, когда огромное большинство международных соглашений было официальными договорами. Нет ничего неестественного поэтому в том, что установилось мнение, согласно которому ратификация является, как общее правило, необходимой для придания договору обязательной силы.

3) Между тем, однако, расширение сношений между государствами особенно в экономической и технической областях привело ко все большему использованию международных соглашений менее официальных типов и в том числе обмена нотами, и эти соглашения, согласно намерениям сторон, обычно приобретают обязательную силу в результате только лишь подписания. С другой стороны, обмен нотами и другие неофициальные соглашения, хотя ими и пользовались из-за соображений легкости и удобства, иногда специально обусловливались ратификацией вследствие конституционных требований в том или ином из договаривающихся государств.

4) Общим результатом этих перемен было усложнение правовых норм, касающихся условий, при которых договоры нуждаются в ратификации для приобретения ими обязательной силы. Однако споры по этому вопросу носят в основном теоретический характер[53/]. Более официальные типы документов почти без исключения включают прямые постановления по вопросу о ратификации; иногда подобные же постановления принимаются и при обмене нотами и составлении других документов упрощенной формы. Более того, независимо от того, принадлежат ли они к официальному и неофициальному типу, договоры обычно или предусматривают, что документ подлежит ратификации, или же, устанавливая, что договор вступает в силу по подписании или наступлении определенного срока или обстоятельства, устраняют необходимость ратификации. Абсолютное неупоминание этого вопроса является исключительным, а число случаев, которые должны регулироваться общей нормой, весьма невелико. Однако, если установить в качестве общей нормы, что ратификация необходима, поскольку необходимость ее прямо или косвенно не устранена, то придется предусмотреть большие исключения из этой общей нормы для того, чтобы привести ее в соответствие с современной практикой; в результате число тех случаев, когда будет требоваться применение общей нормы, окажется очень небольшим. Практические следствия выбора между такой версией общей нормы и противоположной нормой, согласно которой ратификация не была бы необходима кроме тех случаев, когда стороны о ней согласились, не очень существенны.

5) Принятый в предварительном порядке текст 1962 года начинается в первом пункте с заявления о том, что договоры в принципе требуют ратификации кроме тех случаев, которые предусмотрены во втором пункте. Второй пункт затем исключает из этого принципа четыре категории

53/ См. доклады сэра Херша Лаутерпахта, Yearbook of the International Law Commission 1953, vol.II,p.112; и Ibid.1954,vol.II.p.127; the First Report of Sir.G.Fitzmaurice, Yearbook of the International Law Commission 1956, vol.II,p.123.

случаев, в которых намерение обойтись без ратификации было выражено, установлено или должно было бы предполагаться; одной из этих категорий были договоры "в упрощенной форме". Третий пункт затем уточнял второй пункт, перечисляя три противоположных категории случаев, когда намерение о том, что ратификация требуется, выражалось или устанавливалось. Действие пункта 2 статьи ставилось в зависимость в значительной степени от того, окажется ли возможным легко определить, что представляет собой "договор в упрощенной форме". Однако, хотя общая концепция понимается достаточно хорошо, Комиссии было трудно сформулировать практическое определение таких договоров. А статья 1b текста 1962 года содержала скорее описание, а не определение договора в упрощенной форме.

6) Некоторые правительства в своих замечаниях высказывали предположение, что основное правило в пункте 1 текста 1962 года должно быть изменено так, чтобы обойтись без необходимости ратификации, если только не было выражено или установлено обратное намерение; также высказывались предположения о том, что норма права должна быть изложена в чисто прагматических выражениях; в то же время другие правительства, по-видимому, принимали это основное правило. Вместе с тем, критика была направлена против уточненных форм правил в пунктах 2 и 3 и против того, чтобы они имели тенденцию взаимно исключать друг друга.

7) Комиссия признала, что текст 1962 года, который явился результатом попытки применить две противоположные точки зрения государств по этому вопросу, может создать трудность в своем применении и особенно в отношении этой презумции в случае договоров упрощенной формы. Комиссия заново изучила этот вопрос и в свете позиций, занимаемых правительствами, а также того, что очень большая часть договоров, заключаемых в настоящее время, не подлежит ратификации, приняла решение о том, что ей следует лишь изложить условия, при которых согласие государства быть связанным договором выражается в современном международном праве ратификацией. Такая формулировка, по ее мнению,имела

бы то преимущество, что она позволяла бы ей изложить пункты 2 и 3 текста 1962 года в более простой форме, обойтись без определения различия между договорами в упрощенной форме и другими договорами, и оставить вопрос о ратификации как предмет намерения ведущих переговоры государств без необходимости изложения спорной остаточной нормы.

8) Поэтому настоящая статья предусматривает в пункте 1, что согласие государства быть связанным договором выражается ратификацией в четырех случаях: i) когда имеется специальное положение на этот счет в договоре; ii) когда иным образом устанавливается, что ведущие переговоры государства согласны с тем, что должна требоваться ратификация; iii) когда представитель отдельного государства специально подписал "при условии ратификации"; и iv) когда намерение отдельного государства подписать "при условии ратификации" явствует из полномочий его представителя или было выражено во время переговоров. Комиссия считала, что эти правила предоставляют полную законную защиту любому ведущему переговоры государству в отношении его конституционных требований; согласно правилам, оно может предусмотреть ратификацию по соглашению с другими ведущими переговоры государствами или в самом договоре, или в дополнительном соглашении, или же оно может сделать это односторонним путем в форме подписания, в форме полномочий своего представителя или путем ясного заявления о своем намерении другим ведущим переговоры государствам во время переговоров. В то же время обеспечивается позиция других ведущих переговоры государств, поскольку в каждом случае намерение выразить согласие ратификацией должно или обусловливаться их согласием или быть доведено до их сведения.

9) Пункт 2 предусматривает лишь то, что согласие государства быть связанным договором выражается путем принятия или одобрения при условиях, подобных тем, которые применимы к ратификации. В тексте 1962 г. "принятие" и "одобрение" разбирались в отдельной статье. Как поясняется в нижеследующих пунктах, каждый из них используется двояко: или как выражение согласия быть связанным договором без

предварительного подписания или как ратификация после предварительного несвязывающего подписания. Тем не менее, Комиссия считала, что применение этих терминов также в основном является вопросом намерения и что должны быть применимы те же правила, что и в случае с ратификацией.

10) В договорной практике последних двадцати лет принятие приобрело значение нового порядка вступления в число участников договора. Однако правильнее, вероятно, говорить, что термин "принятие" стал служить наименованием двух новых процессов, из которых один аналогичен ратификации, а другой - присоединению. Действительно, в международном плане " принятие" есть скорее терминологическое, чем методологическое новшество. Если в договоре предусматривается, что он открыт для подписания "под условием принятия", то соответствующий процесс в международном плане очень сходен с "подписанием под условием ратификации". Точно так же, если договор открыт для "принятия" без предварительного подписания, то этот процесс сходен с присоединением. В любом из этих двух случаев вопрос о том, составлен ли документ в рамках "принятия", с одной стороны, или ратификации или присоединения, с другой стороны, зависит просто от употребляемой в договоре фразеологии[54/]. Поэтому одно и то же наименование можно обнаружить в связи с двумя различными процедурами; но не может быть никакого сомнения в том, что в настоящее время "принятие" имеет две формы. Одна - как акт, устанавливающий согласие государства быть связанным, после предварительного подписания, и другая без предварительного подписания.

11) Выражение "подписание при условии принятия" было введено в договорную практику, главным образом для того, чтобы предусмотреть упрощенную форму "ратификации", которая даст правительству новую возможность изучить договор, когда оно не обязано представлять его, согласно конституции государства, на процедуру ратификации. Поэтому процедура "подписания при условии принятия" применяется, главным образом, к договорам, формы или объект которых обычно не требовали

54/ Например, см. Handbook of Final Clauses (ST/LEG/6) pages 6-17).

/...

бы применения к ним постановлений о парламентской "ратификации", действующих во многих государствах. В некоторых случаях, для того чтобы облегчить по возможности государствам с различными конституционными требованиями вступление в договоры, в постановлениях этих договоров предусматривается или ратификация, или принятие. Тем не менее, в общем остается верным, что, как правило, "принятием" пользуются как упрощенной процедурой "ратификации". Содержащиеся в предыдущем пункте замечания относятся mutatis mutandis к термину "одобрение", введение которого в относящуюся к заключению договоров терминологию произошло еще позднее, чем введение термина "принятие". Термин "одобрение" встречается, вероятно, даже чаще в словосочетании "подписание при условии одобрения", чем в форме договора, который просто открыт " для одобрения" без подписания[55/]. Однако оно встречается в обеих формах. Причиной его введения в практику заключения договоров было, очевидно, существование в некоторых странах конституционного порядка или практики одобрения договоров.

Статья 12[56/]

Согласие быть связанным договором, выраженное присоединением

Согласие государства быть связанным договором выражается присоединением, когда:

a) договор или поправка к этому договору предусматривают, что такое согласие может быть выражено этим государством посредством присоединения;

b) иным путем установлено, что ведущие переговоры государства согласны с тем, что такое согласие может быть выражено этим государством посредством присоединения; или

c) все участники впоследствии согласились, что такое согласие может быть выражено этим государством посредством присоединения.

55/ The Handbook of Final Clauses(ST/LEG/6)p.183 приводит даже пример формулы "подписания при условии одобрения с последующим принятием".

56/ Проект 1962 года, статья 13.

/...

Комментарий

1) Присоединение является традиционным методом, при помощи которого государство становится, при известных обстоятельствах, участником договора, который оно не подписывало. Присоединением одного типа является тот случай, когда договор прямо предусматривает, что некоторые государства или категории государств могут присоединиться к ним. Присоединением другого типа является тот случай, когда государство, не имеющее права, согласно постановлениям договора, стать его участником, впоследствии получает возможность стать его участником.

2) В прошлом высказывались противоречивые мнения по поводу того, является ли юридически возможным присоединение к договору, еще не вступившему в силу, и имеются некоторые высказывания в поддержку того, что это невозможно[57/]. Однако изучение новейшей договорной практики показывает, что почти во всех новейших договорах, содержащих постановления о присоединении, праву присоединения придан независимый от вступления договора в силу характер, либо прямым разрешением присоединения до срока вступления договора в силу, либо косвенно - постановкой вступления договора в силу под условием депонирования, в частности, грамоты о присоединении. Современная практика идет в этом направлении так далеко, что Комиссия не считала возможным дать какое-либо выражение, хотя бы в форме остаточной нормы, доктрине согласно которой договоры не могут быть открыты для присоединения до вступления их в силу. В этой связи Комиссия напомнила о следующем замечании предыдущего специального докладчика[58/]:

57/ См. первый доклад сэра Джеральда Фицмориса о праве договоров, Yearbook of the International Law Commission 1956, vol. II, pp. 125-6; и второй доклад профессора Брайерли, Yearbook of the International Law Commission 1951, vol. II, p. 73.

58/ См. сэр Х. Лаутерпахт, Yearbook of the International Law Commission 1953, vol. II, p. 120.

"Важные соображения, относящиеся к эффективности порядка заключения международных договоров, требуют установления противоположного правила. Многие международные договоры никогда не вступили бы в силу, если бы к ним не было присоединения. Поскольку наблюдается общая тенденция к эластичности и устранению ограничительных правил заключения международных договоров, нежелательно, очевидно, осложнять присоединение презумпцией, которая, как показывает практика, соответствует скорее исключению, чем общему правилу".

Поэтому в настоящей статье присоединение не ставится в зависимость от вступления договора в силу.

3) Иногда об акте, который должен быть документом о присоединении, прямо сказано, что он "подлежит ратификации". Комиссия рассмотрела вопрос о том, не следовало ли указать что-либо по этому поводу в настоящей статье или в статье 13, относящейся к документам о присоединении. Возникает вопрос, не следовало ли указать в настоящей статье, что депонирование имеющей подобную форму грамоты о присоединении не имеет значения присоединения. Этот вопрос рассматривался Собранием Лиги Наций в 1927 году, которая, однако, ограничилась подчеркиванием, что грамота о присоединении считается окончательной, если противное прямо не указано. В то же время оно отметило, что этот порядок "Лига не должна ни осуждать, ни поощрять"[59/]. Что касается фактической практики наших дней, то Генеральный секретарь заявлял, что он занимает позицию, подобную той, которую занимал Секретариат Лиги Наций. Он считает такую грамоту "просто уведомлением о намерении правительства стать участником договора" и не сообщает другим государствам о ее получении. Далее он обращает внимание правительства на то обстоятельство, что эта грамота не дает ему права стать участником договора, и указывает, что "только после депонирования грамоты, не содержащей никакого упоминания о последующей ратификации, это государство будет включено в число участников

59/ Official Journal of the League of Nations, Eighth Ordinary Session, p. 141.

соглашения, и соответствующие другие правительства будут уведомлены об этом"[60/]. Комиссия считает совершенно правильной позицию, занятую Генеральным секретарем в отношении грамот о присоединении, "подлежащих ратификации". Порядок присоединения под условием ратификации является известной аномалией, но к нему прибегают нечасто, и он, очевидно, не вызывает никаких затруднений. Поэтому Комиссия не нашла нужным специально касаться его в настоящих статьях.

4) Если развитие процедур по составлению договоров имеет тенденцию даже делать неясным использование присоединения в некоторых случаях, то остается очевидным то, что присоединение обычно является актом государства, которое не было ведущим переговоры государством. К такой процедуре обычно следовало бы прибегать государствам, которые не принимали участия в составлении договора, но об участии которых в договоре содержится специальное положение, или, в ином случае, в отношении которых договор впоследствии становится открытым в результате принятия официальной поправки к договору или в результате соглашения участников. Правило, изложенное в отношении присоединения, должно поэтому несколько отличаться от правила, изложенного в предыдущей статье о ратификации, принятии и одобрении. Настоящая статья предусматривает, что согласие государства быть связанным договором выражается путем присоединения в трех случаях: i) когда договор или поправка к этому договору предусматривает его присоединение; ii) когда иным путем установлено, что ведущие переговоры государства намеревались признать такое присоединение; и iii) когда все участники впоследствии согласились признать такое присоединение. Третий случай, конечно, является также случаем "изменения" договора. Однако, поскольку процедуры в отношении официального изменения путем заключения соглашения об изменении, согласно статье 36, и в отношении неофициального соглашения о приглашении государства к присоединению являются несколько различными, то Комиссия считала, что они

60/ Summary of the practice of the Secretary-General as depositary of multilateral agreements (ST/LEG/7), para. 48.

должны быть разделены на отдельные подпункты. Недавним примером использования процедуры неофициального соглашения открывать договоры для присоединения был вопрос о расширении участия в генеральных многосторонних договорах, заключенных под эгидой Лиги Наций, который стал предметом резолюции 1903 (XVIII) Генеральной Ассамблеи и по которому Комиссия представила свои взгляды в главе III своего доклада о работе пятнадцатой сессии[61/].

Вопрос об участии в договоре

1) Статья 8 проекта 1962 года содержит два положения; первое касается генеральных многосторонних договоров, и второе - всех других договоров. Второе положение не создает какой-либо особой трудности, однако мнения в Комиссии разделились в отношении правила, которое следовало предложить для генеральных многосторонних договоров. Некоторые члены Комиссии считали, что эти договоры должны считаться открытыми для участия "всех государств", независимо от любого положения в договоре, определяющего категории государств, имеющих право стать участниками. Некоторые члены, с другой стороны, не выступая за то, чтобы отказаться полностью от принципа свободы государств выделять при помощи положений самого договора государства, с которыми они вступят в договорные отношения, считали целесообразным и желательным определить в качестве остаточного правила то, что, в отсутствие обратного постановления в договоре, генеральные многосторонние договоры должны быть открыты для "всех государств". Другие члены Комиссии, разделяя точку зрения о том, что эти договоры должны быть в принципе открыты для всех государств, не считали, что остаточное правило в такой форме было бы оправданным, причем это связывалось с существующей практикой включения в генеральный международный договор формулы, открывающей его для всех членов Организации

61/ Yearbook of the International Law Commission 1963, vol. II, p. 217.

Объединенных Наций и специализированных учреждений, всех участников статута Международного Суда и для любого другого государства, приглашенного Генеральной Ассамблеей. Большинством голосов Комиссия приняла текст, в котором заявляется, что в случае, если договором или установленным правилом международной организации не предусмотрено иное, генеральный многосторонний договор должен быть открыт для участия "всех государств". Короче говоря, текст 1962 года признавал свободу ведущих переговоры государств определять при помощи положений договора те категории государств, для которых договор может быть открытым; однако в отсутствие любого такого положения признавалось право на участие "всех государств".

2) Проект 1962 года также включал в статью 1 определение "генерального многостороннего договора". Это определение, для которого Комиссия не смогла легко найти совершенно удовлетворительной формулы, гласило: "многосторонний договор, касающийся общих норм международного права или относящийся к вопросам, представляющим общий интерес для государств в их совокупности".

3) Ряд правительств в своих замечаниях по статье 8 проекта 1962 года высказался в поддержку открытия генеральных многосторонних договоров для всех государств и, в то же время, предлагал, чтобы этот принцип был признан также в статье 9 с тем, чтобы автоматически открывать для всех государств генеральные многосторонние договоры, имеющие положения, ограничивающие участие специальными категориями государств. Некоторые другие правительства возражали против текста 1962 года с противоположеной точки зрения, считая, что не должно устанавливаться никакой презумпции всеобщего участия даже в качестве остаточного правила для случаев, когда в договоре не содержится каких-либо указаний по этому вопросу. Несколько правительств в своих замечаниях по статье 1 высказали некоторые критические замечания по данному Комиссией определению "генерального многостороннего договора".

4) На своей семнадцатой сессии, кроме замечаний правительств, Комиссия рассматривала новую информацию относительно последней практики в отношении статей об участии, содержащихся в генеральных многосторонних договорах, и в отношении значения формулы "все государства" для депозитариев многосторонних договоров[62/]. Комиссия вновь рассмотрела проблему участия в генеральных многосторонних договорах de novo на 791-м-795-м заседаниях, по завершении которых на голосование был поставлен ряд предложений, однако ни одно предложение не было принято. Вследствие этого Комиссия просила своего специального докладчика, с помощью редакционного комитета, попытаться представить предложение для последующего обсуждения. На настоящей сессии Комиссия пришла к выводу о том, что ввиду различий во мнениях нет возможности сформулировать какое-либо общее положение, касающееся права государств участвовать в договорах. Поэтому она приняла решение ограничиться прагматическим изложением случаев, в которых государство выражает свое согласие быть связанным путем подписания, ратификации, принятия, одобрения или присоединения. Поэтому Комиссия решила, что этот вопрос, который неоднократно обсуждался в Генеральной Ассамблее и недавно в Специальном комитете по принципам международного права, касающимся дружественных отношений между государствами[63/], должен быть отделен от проекта статей. Передавая свое решение Генеральной Ассамблее, Комиссия решила обратить внимание Генеральной Ассамблеи на отчеты о своих 791-м-795-м заседаниях[64/],

---

62/ Четвертый доклад специального докладчика (A/CN.4/177), комментарий к статье 8; ответы Секретариата на вопросы, поставленные членам Комиссии в отношении практики Генерального секретаря как регистрирующего органа и как депозитария, а также практики государств как депозитариев (Yearbook of the International Law Commission 1965, vol. I, 791-е заседание, пункт 61 и 801-е заседание, пункты 17-20).

63/ A/5746, глава VI и A/6230, глава V.

64/ Yearbook of the International Law Commission, 1965, vol. I, pp. 113-142.

на которых в ходе семнадцатой сессии обсуждался вопрос об участии в договорах, а также на комментарии к статьям 8 и 9 проекта статей в ее докладе о четырнадцатой сессии[65/], в котором содержится краткий обзор точек зрения, выраженных членами Комиссии во время обсуждения этого вопроса на сессии.

65/ Yearbook of the International Law Commission 1962, Vol. II, pp. 168-169.

Статья 13[66/]

Обмен ратификационными грамотами, документами об акцептовании, одобрении или присоединении и сдача таких грамот и документов на хранение

Если в договоре не предусматривается иное, ратификационные грамоты, документы об акцептовании, одобрении или присоединении означают согласие государства быть связанным договором после:

a) обмена ими между договаривающимися государствами;

b) сдачи их на хранение депозитарию; или

c) уведомления о них договаривающихся государств или депозитария, если существует такая договоренность.

Комментарий

1) Принятый в предварительном порядке проект 1962 года содержал две статьи (статья 15 и 16), охватывающие, соответственно, процедуру и юридические последствия ратификации, присоединения, акцептования и одобрения. При повтороном рассмотрении этих статей на семнадцатой сессии Комиссия пришла к выводу о том, что некоторые элементы, которые носили в основном описательный характер, следует исключить; что два существенных момента, касающиеся "согласия на часть договора" и "выбора между альтернативными положениями", должны быть опущены и являться предметом отдельной статьи; что настоящая статья должна быть ограничена международными актами, - обменом, сдачей на хранение или уведомлением о таком документе, - при помощи чего совершается ратификация, акцептование, одобрение или присоединение и устанавливается согласие государства быть связанным договором.

66/ Проект 1962 года, статьи 15 и 16; и проект 1965 года, статья 15.

2) Настоящая статья, таким образом, предусматривает, что ратификационные грамоты и т.д. устанавливают согласие государства после обмена ими, произведенного договаривающимися государствами, после сдачи их на хранение депозитарию или после уведомления о них договаривающихся государств или депозитария. Это является актами, обычно определяемыми в договоре, однако, если договор предусматривает особую процедуру, то таковая, конечно, будет иметь преимущественное значение, и настоящая статья предусматривает это.

3) Важным является тот момент, когда устанавливается согласие на обязательность договора и он вступает в действие в отношении других договаривающихся государств. В случае обмена грамотами такой проблемы не существует; таким моментом является обмен грамотами. В случае сдачи документа на хранение депозитарию проблема заключается в том, устанавливает ли такая сдача сама по себе юридическую связь между государством, сдающим документ на хранение, и другими договаривающимися государствами или же эта юридическая связь возникает только после того, как они были уведомлены депозитарием. Комиссия считала, что существующее общее правило заключается конечно в том, что сам по себе акт сдачи на хранение устанавливает юридическую связь. Некоторые договоры, например, Венские конвенции о дипломатических и консульских сношениях, специально предусматривают, что договор не может вступить в силу в отношении депонирующего государства до истечения некоторого короткого периода времени. Однако даже в этих случаях юридическая связь устанавливается только при помощи акта депонирования. Причина заключается в том, что ведущие переговоры государства из практических соображений решили определить этот акт как средство, при помощи которого должно устанавливаться участие в договоре. Это может повлечь за собой некоторую задержку до того, как каждому другому договаривающемуся государству не станет известно о том, что депонирующее государство установило свое согласие быть связанным договором. Однако, поскольку участники

определили, что сдача документа на хранение устанавливает согласие, само депонирование немедленно устанавливает юридическую связь с другими договаривающимися государствами, если только в договоре не содержится иных положений. Такой точки зрения придерживался Международный Суд в деле Right of Passage over Indian Territory (предварительные возражения)[67] в аналогичной ситуации при сдаче на хранение документов об акцептовании факультативной статьи согласно пункту 2 статьи 36 Статута Суда. Если этот случай говорит о возможности возникновения трудных проблем при особых обстоятельствах согласно этому правилу, то существующее правило, по-видимому, является вполне обоснованным. Что касается существующей практики и огромного разнообразия объектов и целей договоров, то Комиссия не считала, что она должна предлагать иное правило; она считала, что ведущим переговоры государствам нужно оставить право изменять это правило, если они считают это необходимым в свете положений именно этого договора.

4) Процедура уведомления договаривающихся государств или депозитария, упомянутая в подпункте c, - хотя встречается реже,- в настоящее время иногда используется, в одном случае, как эквивалент упрощенной формы обмена документами, и как эквивалент упрощенной формы сдачи документа на хранение, в другом. Если согласованной процедурой является уведомление договаривающихся государств, то будет применяться статья 73, и согласие уведомляющего государства быть связанным договором vis-à-vis другого договаривающегося государства устанавливается только по получении его последним. С другой стороны, если согласованной процедурой является уведомление депозитария, то применяются те же самые соображения, что и в случае сдачи документа на хранение. Другими словами, согласие устанавливается по получении уведомления депозитарием.

67/ I.C.J. Reports 1956, p. 170.

Статья 14[68/]

Согласие, относящееся к части договора, и выбор альтернативных положений

1. Без ущерба для положений статей 16-20 согласие государства быть связанным частью договора имеет силу лишь в том случае, если это допускается договором или если так условились другие договаривающиеся государства.

2. Согласие государства быть связанным договором, который допускает выбор между альтернативными положениями, имеет силу лишь в том случае, если поясняется, к какому из положений относится это согласие.

Комментарий

1) Два пункта настоящей статьи содержат положения пунктов 1b и 1c статьи 15 проекта, предварительно принятого в 1962 году. В то же время они содержат эти положения как существенные правовые нормы, а не как заявления описательного характера процедуры.

2) Некоторые договоры дают право государствам соглашаться лишь на часть или части договора или исключать некоторые части, и тогда, конечно, допустимы частичная ратификация, акцептование, одобрение или присоединение. Однако в отсутствие такого положения установившимся правилом является то, что ратификация, присоединение и т.д. должны касаться договора в целом. Хотя может быть допустима формулировка оговорок по отдельным положениям договора, согласно правилам, изложенным в статье 16, недопустимо подписываться только под отдельными частями договора. В соответствии с этим пункт 1 настоящей статьи, без ущерба для положений статей 16-20 об оговорках к многосторонним договорам, гласит, что выражение согласия государства быть связанным частью договора имеет силу только в том случае, если договор или другие договаривающиеся государства разрешают такое частичное согласие.

68/ Проект 1962 года, пункты 1b и c статьи 15; и проект 1965 года, статья 16.

3) Пункт 2 учитывает практику, которая не является широко распространенной, но которая, однако, иногда имеет место, например, в Генеральном акте о мирном разрешении международных споров и в некоторых международных конвенциях о труде. Договор предлагает каждому государству выбор между альтернативными положениями договора. В этом пункте говорится, что в таком случае выражение согласия имеет силу только в том случае, если поясняется, к какому из этих положений относится это согласие.

Статья 15[69]

Обязательство государства не уничтожать объекта договора до вступления договора в силу

Государство обязано воздерживаться от актов, которые могли бы уничтожить объект намечаемого договора, если:

a) оно согласилось вступить в переговоры с целью заключения договора, когда такие переговоры уже ведутся;

b) оно подписало договор при условии ратификации, принятия или одобрения, пока оно ясно не выразит свое намерение не становиться участником договора;

c) оно выразило согласие быть связанным договором до вступления договора в силу и при условии, что такое вступление в силу не будет чрезмерно задерживаться.

Комментарий

1) Представляется общепризнанным, что государства, подписавшие договор при условии ратификации, принимают на себя в духе доброй воли обязательство воздерживаться от действий, направленных на уничтожение объекта договора. Конечно, в деле Certain German Interests in Polish Upper Silesia[70] Постоянная палата международного правосудия признала, как это кажется, что если происходит ратификация, то злоупотребление государством, подписавшим договор, своими правами в течение периода, предшествующего ратификации, может означать нарушение своих обязательств по договору. Комиссия считала, что это обязательство начинается на ранней стадии, когда государство соглашается вступить в переговоры в целях заключения договора. A fortiori такое обязательство присуще также государству, которое в действительности ратифицирует, присоединяется, принимает или

69/ Проекты 1962 и 1965 гг., статья 17.

70/ P.C.I.J. (1926), Series A No.7, p.30.

одобряет договор, если существует период до действительного вступления договора в силу.

2) Пункт a настоящей статьи охватывает тот период, когда государство лишь согласилось вступить в переговоры с целью заключения предполагаемого договора; тогда обязательство воздерживаться от действий, могущих уничтожить объект договора, продолжается только до тех пор, пока продолжаются сами переговоры.

3) Пункт b охватывает случай, когда государство подписало договор при условии его ратификации, принятия или одобрения; этот пункт предусматривает, что такое государство несет обязательство, предусмотренное в этой статье, до тех пор, пока оно не выразит ясно своего намерения не становиться участником договора.

4) Обязательство государства, которое обязалось быть связанным договором, воздерживаться от таких действий имеет, конечно, особое значение и неопровержимость. Однако, поскольку договоры, особенно многосторонние договоры, иногда требуют довольно длительного времени до вступления в силу или вообще никогда не вступают в силу, необходимо поставить некоторое ограничение во времени в отношении этого обязательства. Пункт c поэтому говорит о том, что обязательство накладывается "до вступления договора в силу и при условии, что такое вступление в силу не будет чрезмерно задерживаться".

Раздел 2 - Оговорки к многосторонним договорам

Статья 16[71/]

Формулирование оговорок

Государство может при подписании, ратификации, принятии, одобрении договора или присоединении к договору формулировать оговорку, за исключением тех случаев, когда:

71/ Проекты 1962 и 1965 гг., статья 18.

a) оговорка запрещается договором;

b) договор допускает специальные оговорки, в число которых не входит данная оговорка; или

c) договор содержит положения, касающиеся оговорок, но эта оговорка несовместима с объектом и целью договора.

Статья 17[72/]

Принятие оговорок и возражения против них

1. Оговорка, определенно выраженная или подразумеваемая в договоре, не требует какого-либо последующего согласия со стороны других договаривающихся государств, если только это не предусмотрено в договоре.
2. Если из ограниченного числа ведущих переговоры государств и из объекта и целей договора явствует, что применение договора в целом между всеми его участниками является существенным условием для согласия каждого участника быть связанным договором, то оговорка требует принятия ее всеми участниками.
3. Если договор является учредительным актом какой-либо международной организации, то оговорка требует принятия ее компетентным органом этой организации, если в договоре не предусматривается иное.
4. В случаях, не подпадающих под действие предыдущих пунктов настоящей статьи:

a) принятие оговорки другим договаривающимся государством делает государство, сделавшее оговорку, участником этого договора по отношению к этому государству, если и когда договор находится в силе;

b) возражение другого договаривающегося государства против какой-либо оговорки препятствует вступлению договора в силу между государством, возражающим против оговорки, и государством, сделавшим оговорку, если возражающее против оговорки государство не выразит иного намерения;

72/ Проект 1962 года, статьи 19 и 20; проект 1965 года, статья 19.

c) акт, выражающий согласие государства быть связанным договором и содержащий оговорку, вступает в силу как только по крайней мере одно из договаривающихся государств согласится с такой оговоркой.

5. В пунктах 2 и 4 оговорка считается принятой государством, если оно не выскажет возражений против нее к концу двенадцатимесячного периода после того, как оно было уведомлено о такой оговорке, или ко дню, когда оно выразило свое согласие быть связанным договором, в зависимости от того, какая дата является более поздней.

Комментарий

Введение

1) Статьи 16 и 17 должны рассматриваться вместе, так как юридическое значение сформулированной оговорки зависит от принятия или непринятия ее другими соответствующими государствами. Никаких проблем не возникает, когда речь идет об оговорке к двустороннему договору, так как такая оговорка представляет собой новое предложение, открывающее переговоры между двумя заинтересованными государствами относительно условия договора. Если они достигают соглашения, приняв или отвергнув оговорку, договоры заключаются; в противном случае заключение договора становится невозможным. Проблемы возникают, когда ставится вопрос об участии в договоре более двух государств, так как одно государство может быть склонно к принятию оговорки, а другое может возражать против нее; когда же речь идет о больших многосторонних договорах, эти проблемы становятся чрезвычайно сложными.

2) Вопрос об оговорках к многосторонним договорам неоднократно обсуждался за последние годы и не раз рассматривался самой Генеральной Ассамблеей[73], Международным Судом в его заключении относительно

73/ В 1951 году - в связи с оговорками к Конвенции о геноциде, и в 1959 году - в связи с "оговоркой" Индии к Конвенции ИМКО.

Конвенции о геноциде[74], а также Комиссией. В Суде, Комиссии и Генеральной Ассамблее высказывались различные мнения по основному вопросу о том, в каких пределах необходимо для действительности оговорок к договору такого типа согласие других заинтересованных государств.

3) В 1951 году теория, согласно которой оговорки, для того чтобы приобрести силу, должны получить согласие всех других заинтересованных государств, не была признана большинством членов Суда применимой при конкретных обстоятельствах, относившихся к Конвенции о геноциде. Более того, хотя они считали "классическую" теорию "бесспорно ценной", они не считали, что эта теория была "претворена в норму права"[75]. С другой стороны, четыре члена Суда не согласились с этой точкой зрения и привели соображения в пользу того мнения, что эта классическая теория должна считаться общепризнанной нормой обычного права. На вопросы, поставленные Генеральной Ассамблеей, Суд дал следующие ответы:

"На вопрос I:

> Государство, сделавшее и поддерживающее оговорку, против которой возражают один или несколько участников этой Конвенции, но не другие, может считаться участников этой Конвенции, если оговорка соответствует предмету и цели Конвенции; в противном случае это государство считаться участником Конвенции не может.

На вопрос II:

> a) Если какой-либо участник этой Конвенции возражает против оговорки, которую он считает несоответствующей предмету и цели Конвенции, то он может фактически считать, что сделавшее оговорку государство не является участником Конвенции.
>
> b) Если, с другой стороны, какой-либо участник принимает оговорку как соответствующую предмету и цели этой Конвенции, то он может фактически считать, что сделавшее оговорку государство является участником Конвенции.

74/ Reservations to the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide, I.C.J. Reports 1951, p.15.

75/ Ibid., p.24.

На вопрос Ш:

a) Возражение, заявленное против оговорки **подписавшим**, но еще не **ратифицировавшим** Конвенцию государством, может иметь юридическое значение, указанное в ответ на вопрос I, только после ратификации, а до этого времени оно является только уведомлением других государств о будущей позиции этого подписавшего Конвенцию государства.

b) Возражение, заявленное против оговорки государством, которое вправе подписать эту Конвенцию или присоединиться к ней, но еще этого не сделало, не имеет никакого юридического значения"[76/].

Давая эти ответы на вопросы Генеральной Ассамблеи, Суд подчеркнул, что они относятся исключительно к Конвенции о геноциде, и указал, что,определяя, какого рода оговорки могут делаться к Конвенции о геноциде и какого рода возражения могут заявляться против таких оговорок, следует учитывать особенности этой Конвенции. Среди этих особенностей он упомянул: a) то обстоятельство, что принципы, положенные в основу этой Конвенции, а именно принципы осуждения и наказания геноцида, признаются цивилизованными государствами обязательными для правительств даже без всякой конвенции; b) вытекающий отсюда универсальный характер этой Конвенции; и c) чисто гуманную и цивилизующую цель без каких-либо индивидуальных преимуществ или ущерба для договаривающихся государств.

4) Ограничив свои ответы вопросом о самой Конвенции о геноциде, Суд, тем не менее, высказался в более общем смысле по некоторым вопросам, в том числе:

a) В своих договорных отношениях государство не может быть связано без его согласия, и, следовательно, никакие оговорки не могут иметь значения ни для какого государства без его согласия на них.

b) Классическая концепция, согласно которой никакая оговорка не действительна, если она не принята всеми без исключения договаривающимися **сторонами** так, как требовалось бы, если бы она была сделана во время переговоров, является бесспорно ценной.

76/ Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, шестая сессия, Дополнение № 9 (A/1858), пункт 16.

/...

c) Тем не менее, ввиду обширности круга участников такого типа конвенций, как Конвенция о геноциде, международная практика, относящаяся к многосторонним конвенциям, приобрела значительную гибкость, о которой свидетельствуют более частое применение оговорок, значительная мера учета молчаливого согласия на оговорки и существование практики, согласно которой (несмотря на то обстоятельство, что оговорка была отвергнута некоторыми государствами) сделавшее оговорку государство допускается к участию в конвенции, поскольку это касается принявших оговорку государств.

d) При теперешнем состоянии международной практики, из факта отсутствия в многосторонней конвенции какой-либо статьи, предусматривающей оговорки, нельзя делать вывода, будто договаривающимся государствам запрещается делать определенные оговорки. Характер многосторонней конвенции, ее цель, постановления, порядок составления и утверждения - вот факторы, которые следует учитывать при определении, в случае отсутствия какого-либо прямого постановления по этому вопросу, возможности делать оговорки, равно как и действительности и значения оговорок.

e) Принцип целостности конвенции, в силу которого оговорки допустимы только с прямого или молчаливого согласия всех договаривающихся сторон, очевидно, не был претворен в норму права.

5) Позднее, в 1951 году, согласно поручению Генеральной Ассамблеи, Комиссия представила общий доклад об оговорках к многосторонним конвенциям[77/]. Комиссия высказала мнение, что против принятого Судом критерия "соответствия предмету и цели конвенции" как критерия для общего применения, можно возражать, так как, по ее мнению, ответ на вопрос о "соответствии предмету и цели конвенции" является

77/ Там же, пункты 12-34.

слишком субъективным, чтобы его можно было отнести ко всем вообще многосторонним конвенциям. Отметив, что заключение Суда определенно касалось только Конвенции о геноциде, и признав, что никакая единообразно применяемая общая норма не может вполне удовлетворительным образом охватить все случаи, Комиссия рекомендовала теорию, согласно которой для допущения какого-либо государства к вступлению в международный договор с оговоркой необходимо единодушное согласие. Вместе с тем, она предложила некоторые незначительные изменения в применении этой нормы.

6) Заключение Суда и доклад Комиссии были рассмотрены вместе на шестой сессии Генеральной Ассамблеи, принявшей резолюцию 598 (VI), в которой конкретный вопрос об оговорках к Конвенции о геноциде трактовался отдельно от вопроса об оговорках к другим многосторонним конвенциям. Что касается Конвенции о геноциде, то в этой резолюции Генеральному секретарю было предложено согласовать свою практику с консультативным заключением Суда, а государствам рекомендовано руководствоваться этим заключением. Что же касается всех других будущих многосторонних конвенций, которые будут заключаться под покровительством Организации Объединенных Наций и для которых Генеральный секретарь будет являться депозитарием, то в этой резолюции Генеральному секретарю было предложено:

i) продолжать выполнение функций депозитария при сдаче на хранение документов, содержащих оговорки или возражения, не решая вопроса о юридическом значении этих документов;

ii) сообщать всем заинтересованным государствам текст указанных документов, относящихся к оговоркам или возражениям, предоставляя каждому государству делать из этого сообщения выводы юридического характера.

Эта резолюция, в которой говорилось о <u>будущих</u> конвенциях, относилась только к конвенциям, заключаемым после 12 января 1952 г., т.е. после принятия этой резолюции, и таким образом прежняя практика

все еще применялась к конвенциям, заключенным до этой даты. Что касается таких будущих конвенций, то Генеральная Ассамблея не одобрила предложения Комиссии сохранить, с небольшими изменениями, прежнюю практику. Вместо этого она предложила Генеральному секретарю действовать, в сущности, просто в качестве канала для получения и рассылки документов, содержащих оговорки или возражения против оговорок, не делая из этих документов никаких юридических выводов.

7) Как уже сказано, во время дебатов, происходивших по этому вопросу в Генеральной Ассамблее в 1951 году, мнения разошлись. Одна группа государств стояла за теорию единогласия, хотя некоторые из принадлежавших к этой группе государств поддерживали, до некоторой степени, замену единогласия согласием большинства в две трети заинтересованных государств. Другая же группа государств определенно возражала против теории единогласия и высказывалась за гибкую систему, при которой вопрос о принятии или отклонении оговорок должен был бы решаться соответствующими государствами индивидуально. Эта группа утверждала, что при такой системе будет ограждено положение "забаллотированных" меньшинств и станет возможным участие в конвенциях более широкого круга государств. Вместе с тем противоположная группа утверждала, что подобная гибкая система, пригодная, может быть, для такой однородной группы, как Панамериканский союз, не пригодна для универсального применения. Вследствие того, что мнения в Генеральной Ассамблее разделились, единственным конкретным результатом были директивы, данные Генеральному секретарю для выполнения им своих функций депозитария, поскольку речь шла об оговорках.

8) С 1951 года положение всего вопроса об оговорках в некоторых отношениях изменилось. Во-первых, с 1951 года круг участников международного общения быстро расширился, и таким образом самое число потенциальных участников многосторонних договоров, очевидно, делает теперь принцип единогласия менее целесообразным и труднее проводимым в жизнь. Во-вторых, после 12 января 1952 г., т.е. в течение последних десяти лет, система, которая фактически применялась

ко всем тем многосторонним договорам, депозитарием которых был Генеральный секретарь, приблизилась к "гибкой" системе. Практика Секретариата, относившаяся ко всем международным договорам, заключавшимся после резолюции Генеральной Ассамблеи от 12 января 1952 г., была официально изложена следующим образом:

> "В случаях отсутствия в соглашениях, заключаемых после резолюции Генеральной Ассамблеи об оговорках к многосторонним конвенциям, каких-либо постановлений об оговорках Генеральный секретарь придерживается постановлений этой резолюции и препровождает соответствующим государствам текст оговорки, сопровождаемый ратификационной грамотой или грамотой о присоединении, не высказываясь о юридическом значении этих документов и "предоставляя каждому государству делать из этого сообщения выводы юридического характера". Получаемые замечания относительно оговорок он препровождает соответствующим государствам также без комментариев. По каждой конвенции ведется полная общая таблица, показывающая сделанные оговорки и относящиеся к ним замечания, препровожденные соответствующими государствами. Государство, депонировавшее грамоту, сопровождаемую оговоркой, принимается в расчет при определении числа сторон, которое необходимо для вступления соглашения в силу"78/.

Правда, Генеральный секретарь, выполняя резолюцию Генеральной Ассамблеи, не "высказывается" о юридическом значении оговорок и возражений против оговорок, и каждое государство может делать свои собственные выводы об их юридических последствиях. Однако, учитывая возражения со стороны многих государств против принципа единогласия и отказ Суда считать этот принцип "претворенным в норму права", на практике большинство тех государств, которые не уведомляют о своих возражениях против оговорки, рассматривает теперь государство, сделавшее оговорку, как участника конвенции.

9) Далее, в 1959 году вопрос об оговорках к многосторонним конвенциям был снова внесен в Генеральную Ассамблею по конкретному поводу - в связи с конвенцией, которая является учредительным актом определенной международной организации, а именно Межправительственной морской консультативной организации. Вопрос, поднятый в заявлении, которое

78/ Summary of the Practice of the Secretary-General as Depositary of Multilateral Agreements (ST/LEG/7), paragraph 80.

сделала Индия при принятии этой Конвенции, был передан в ИМКО и урегулирован без разрешения юридических вопросов. Однако Генеральная Ассамблея подтвердила свою прежнюю директиву Генеральному секретарю относительно его функций депозитария и расширила ее, распространив ее не только на конвенции, заключенные после 12 января 1952 г., но и на все конвенции, заключаемые под эгидой Организации Объединенных Наций (если в этих конвенциях не содержится постановления о противном).

10) Комиссия на своей сессии в 1962 году пришла к заключению, что если в самом договоре имеются постановления об оговорках, то вопрос разрешается постановлениями договора. Оговорки, прямо или косвенно запрещенные постановлениями договора, недопустимы, а прямо или косвенно разрешенные оговорки ipso facto - действительны. Вопрос возникает только в тех случаях, когда договор хранит молчание об оговорках, и Комиссия нашла, что в этих случаях указанный Судом принцип "соответствия предмету и цели договора" может быть принят в качестве общего критерия правомерности оговорок к многосторонним договорам и возражений против них. Затруднение относится к процессу применения этого принципа, - особенно в тех случаях, когда не существует ни судебного, ни иного органа, который имел бы право всегда дать договору толкование. Комиссия нашла, что если договор заключают между собой государства, составляющие небольшую группу, то при отсутствии указаний на противное следует исходить из презумпции, что для принятия оговорок необходимо единогласие. Таким образом, вопрос относится в сущности к многосторонним договорам, не содержащим постановлений об оговорках. По этому вопросу мнения в Комиссии разошлись, так же как они разошлись в Суде и в Генеральной Ассамблее.

11) Некоторые члены Комиссии считали, что очень важно, чтобы действительность оговорки к многостороннему договору зависела хотя бы от какой-то степени общего согласия с ней других заинтересованных государств. Они считали недопустимым, чтобы государство, сформулировавшее оговорку, не отвечающую цели соответствующего многостороннего договора, имело право считать себя участником этого договора,

/...

опираясь на принятие этой оговорки одним государством или очень небольшим числом государств. В качестве примера они привели тот случай, когда оговорка подрывает основу договора или компромисса, заключенного в ходе переговоров. Ввиду того, что молчаливое согласие, выводимое из отсутствия возражений против оговорки, играет большую роль в относящейся к многосторонним договорам практике и предусматривается в проекте статей, подобное правило означало бы, что сделавшее оговорку государство, какой бы неуместной его оговорка ни была, всегда может быть уверено, что сможет считать себя участником договора в отношении некоторого числа государств. Поэтому указанные члены Комиссии высказались за норму, согласно которой, если больше известного процента заинтересованных государств (например, одна треть) возражают против оговорки, сделавшее оговорку государство лишается всякой возможности считать себя участником договора, если не откажется от оговорки.

12) Признавая все значение доводов в пользу максимального сохранения целостности Конвенции в том виде, в каком она была принята, Комиссия считала, что отрицательные для целостности договора последствия оговорок не следует преувеличивать. Единственным аутентичным документом, отражающим общее согласие между участвующими государствами, остается сам договор. Большинство оговорок делается в отношении какого-то конкретного положения, которое по тем или иным соображениям неприемлемо для данного государства, и поэтому на общей целостности договора такие оговорки отражаются очень мало. Точно так же дело обстоит даже и в том случае, когда соответствующая оговорка относится к сравнительно важному постановлению договора, при условии, что она сделана всего лишь небольшим числом государств. Короче говоря, на целостность договора может существенно повлиять только существенная оговорка, сформулированная целым рядом государств. Это,разумеется, не исключено. Однако даже тогда сам договор останется основным соглашением между другими участвующими в нем государствами. Для обеспечения эффективности и целостности договора

необходимо, чтобы в нем участвовало достаточное число государств, принявших подавляющую часть его постановлений. В 1951 году Комиссия указала на то, что изучение истории конвенций, принятых Конференцией американских государств, не убедило ее "в том, что приближение к универсальности обязательно обеспечивается или облегчается, если государству, сделавшему оговорку, против которой заявлено возражение, разрешается вступить в число участников договора в отношении тех государств, которые возражений не заявили"[79/]. Тем не менее, право формулировать оговорки должно по самой природе вещей способствовать облегчению для некоторых государств в совершении того акта, который необходим для окончательного возникновения на их стороне обязанности участвовать в договоре, и таким образом должно способствовать достижению большей меры универсальности применения договора. Далее, что касается генеральных многосторонних договоров, то оказывается, что нередко многие государства находили, по всей видимости, возможным вступать в такие договора, сделав одну или несколько оговорок. Неизвестно, предпочли ли бы эти государства скорее не вступать в договор, чем отказаться от своих оговорок, если бы против этих оговорок были заявлены возражения. Однако теперь, когда можно насчитать более ста участвующих в переговорах государств с самыми различными культурными, экономическими и политическими условиями, есть достаточные основания предположить, что право делать оговорки без риска оказаться совершенно отстраненными вследствие возражения со стороны одного или даже нескольких государств может быть фактором, способствующим расширению круга участвующих в многосторонних переговорах государств. Кроме того, отказ участвующих в переговорах государств от действий, необходимых для того, чтобы стать участниками многосторонних договоров, является гораздо большим препятствием к развитию международного права посредством договоров, чем возможность нежелательного ослабления

79/ Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, шестая сессия, Дополнение № 9 (A/1858), пункт 22.

целостности таких договоров вследствие свободного допущения к участию в них государств, делающих оговорки. Комиссия сочла также, что в нашу эпоху, когда происходят большие перемены, а традиционные представления ставятся под сомнение, норма, рассчитанная на максимально возможное расширение сферы применения хотя бы той меры общего согласия, которая может быть достигнута и выражена посредством многостороннего договора, является, пожалуй, самой подходящей для удовлетворения непосредственных нужд международного общения.

13) Другим соображением, которым Комиссия также руководствовалась, было то, что в любом случае основные интересы отдельных государств в значительной мере обеспечиваются следующими двумя прочно установившимися нормами:

a) государство, сообщившее в течение обоснованного периода времени, что оно возражает против оговорки, вправе считать, что договор не имеет силы между ним и сделавшим оговорку государством;

b) государство, согласившееся с оговоркой другого государства, вправе, тем не менее, возражать против всякой попытки сделавшего оговорку государства требовать от него исполнения того предусмотренного в договоре обязательства, от которого сделавшее оговорку государство освободило себя своей оговоркой.

Была, правда, высказана мысль, что то равенство между сделавшим оговорку государством и государством, не сделавшим оговорки, на обеспечение которого направлены приведенные выше нормы, на практике может оказаться не совсем полным. Действительно, государство, не сделавшее оговорки, может в силу своих обязательств перед другими не сделавшими оговорок государствами считать себя обязанным соблюдать весь договор, включая и те постановления, от которых государство, сделавшее оговорку, освободило себя своей оговоркой. Таким образом, сделавшее оговорку государство может оказаться в таком положении, когда оно само будет освобождено от выполнения некоторых постановлений договора и в то же время будет иметь гарантии того, что /...

государства, не сделавшие оговорок, будут эти постановления выполнять. Однако государство, желающее сделать оговорку, обыкновенно бывает уверено в том, что не делающие оговорок государства должны будут выполнять постановления договора также и в силу обязательств перед другими государствами, даже если делающее оговорку государство оказывается вне договора. Вступая с оговоркой в какой-либо договор, делающее оговорку государство по крайней мере в какой-то степени подчиняет себя устанавливаемому этим договором режиму. Поэтому положение не делающего оговорки государства не становится более затруднительным, если делающее оговорку государство становится участником договора на ограниченной в силу своей оговорки основе. Даже в тех случаях, когда между постановлениями, к которым относится оговорка, и другими частями договора существует такая тесная связь, что не делающее оговорок государство не согласно стать участником договора в отношении сделавшего оговорку государства на той ограниченной основе, которую последнее предлагает, не делающее оговорок государство может предотвратить вступление договора в силу между ним и государством, сделавшим оговорку, просто возразив против этой оговорки. Таким образом, вопрос имеет, по-видимому, значение только в тех случаях, когда не делающее оговорки государство никогда само не согласилось бы стать участником данного договора, если бы знало, что другие государства будут вступать в этот договор с соответствующей оговоркой. И можно не без оснований думать, что если какое-либо государство придает такое значение сохранению абсолютной целостности определенных постановлений, то ему следует оградить себя еще при составлении договора, сделав так, чтобы в него было включено постановление, прямо запрещающее делать те оговорки, которые оно считает столь неуместными.

14) Поэтому в 1962 году Комиссия пришла к заключению, что, поскольку речь идет о генеральных многосторонних договорах, соображения в пользу гибкой системы, при которой каждое государство само решало бы, принять ли оговорку и считать ли сделавшее ее государство,

поскольку это касается отношений между этими двумя государствами, участником договора, перевешивают доводы, выдвигаемые в пользу сохранения системы "коллективности", при которой делающее оговорку государство становится участником договора только в том случае, если его оговорка принимается определенным числом других заинтересованных государств. Придя к этому выводу,Комиссия также постановила, что не имеется достаточных оснований к тому, чтобы проводить различие между различными видами многосторонних договоров. Исключением из общего правила могут быть лишь договора, заключенные между небольшим числом государств, для которых сохраняется принцип единогласия.

15) Критикуя те или иные пункты в статьях, предложенных Комиссией, правительства, судя по их комментариям, по-видимому, одобрили решение Комиссии о том, чтобы попытаться найти решение вопроса об оговорках к многосторонним договорам на основе гибкой системы, воплощенной в проекте 1962 года. В связи с этим Комиссия на своей семнадцатой сессии ограничилась тем, что изменила статьи, предварительно принятые в 1962 году с учетом обстоятельных заявлений, сделанных правительствами[79a/].

16) В проекте 1962 года было пять статей, связанных с оговорками к многосторонним договорам: "Формулировка оговорок" (статья 18), "Принятие оговорок и возражения против них" (статья 19), "Значение оговорок" (статья 20), "Действие оговорок" (статья 21) и "Снятие оговорок" (статья 22). Две последних статьи, подлежащие редакционным изменениям, остаются в основном такими же, какими они были в проекте 1962 года (теперь статьи 19 и 20). Остальные три статьи подверглись значительным исправлениям и изменениям. Процедурные аспекты, связанные с формулированием и принятием оговорок, а также с возражениями против них, были взяты из статей 18 и 19 прежнего проекта и объединены в статье 18 настоящего проекта.

79a/ Комиссия имела также доклад Генерального секретаря по вопросу о практике депозитария в отношении оговорок (A/5687).

Статья 16 теперь касается только основных норм, определяющих формулирование оговорок, а основные положения статей 19 и 20 прежнего проекта относительно принятия оговорок и возражений против них объединены в статье 17 нынешнего проекта. В связи с этим в окончательном проекте вопрос об оговорках также излагается в пяти статьях, но с указанными выше различиями. Основные принципы режима оговорок к многосторонним договорам, предложенные Комиссией, излагаются в статьях 16 и 17, которым и посвящена остальная часть настоящего комментария.

Комментарий к статье 16

17) Эта статья излагает общий принцип, согласно которому формулирование оговорок разрешается только в трех случаях. Первые два - это те случаи, когда оговорка прямо или косвенно запрещена самим договором. Третий случай - это тот, когда в договоре ничего не говорится в отношении оговорки, но данная оговорка несовместима с целями и задачами договора. Короче говоря, эта статья принимает критерий суда за общую норму, определующую формулирование оговорок, не предусмотренных в договоре. С юридической точки зрения положение, когда оговорка прямо или косвенно запрещена в недвусмысленных выражениях согласно пунктам a и b настоящей статьи, не вызывает сомнения. С другой стороны, допустимость или недопустимость оговорки согласно пункту c в каждом данном случае в значительной степени зависит от того, приемлема ли оговорка для других договаривающихся государств; вследствие этого этот пункт следует читать в тесной связи с постановлениями статьи 17 относительно принятия оговорок и возражений к ним.

Комментарии к статье 17

18) Пункт 1 этой статьи охватывает случаи, когда оговорка прямо или косвенно разрешена договором, или другими словами, когда согласие других договаривающихся государств дано в договоре. Поэтому с их стороны не требуется никакого дополнительного принятия оговорки.

19) Пункт 2, как указано в пункте 14 настоящего комментария, проводит определенное различие между договорами, заключаемыми между большой группой государств, и договорами, заключаемыми между ограниченным числом государств, с целью применения "гибкой" системы оговорок к многосторонним договорам. Текст 1962 года попросту исключил из этой системы "договоры, заключаемые между небольшой группой государств". Правительства в своих комментариях выразили сомнение в том, является ли выражение "небольшая группа государств" достаточно точным и может ли оно само по себе служить достаточным критерием при определении тех случаев, которые являются исключением из общих правил гибкой системы. В связи с этим Комиссия пересмотрела этот

пункт и пришла к выводу, что хотя ограниченное число договаривающихся государств является важным элементом критерия, тем не менее, определяющее значение имеет их стремление добиться того, чтобы договор применялся во всей полноте всеми сторонами. Поэтому предлагаемое теперь Комиссией правило предусматривает, что принятие оговорки всеми сторонами необходимо,"если из ограниченного числа участвующих в переговорах государств и из задач и целей договора явствует, что применение договора в целом между всеми его участниками является существенным условием для согласия каждого участника быть связанным договором".

20) В пункте 3 специально предусмотрен тот случай, когда договор является учредительным актом международной организации; и в нем указывается, что оговорка требует согласия со стороны компетентного органа этой организации, если в договоре не предусматривается иное. Вопрос возникал несколько раз, и в 1959 году в докладе Генерального секретаря по поводу так называемой "оговорки" к Конвенции ИМКО было сказано, что соответствующие оговорки "неизменно рассматривались как подлежащие передаче в орган, имеющий право толковать соответствующую конвенцию"[80/]. Комиссия считает, что, поскольку речь идет о документах, представляющих собой основные акты международных организаций, соображения о целостности документа перевешивают другие соображения, и определять, в какой мере допустимо ослабление целостности такого документа, должны члены соответствующей организации, действующие через посредство компетентного органа. Комиссия отметила, что этот вопрос будет частично решен общим постановлением, включенным ныне в статью 4 относительно правил международных организаций. Однако она сочла целесообразным сохранить настоящий пункт с тем, чтобы установить норму для тех случаев, когда в правилах международной организации не содержатся положения по этому вопросу.

21) Пункт 4 содержит три основных правила "гибкой" системы, которые должны определять положение договаривающихся государств в отношении оговорок к любым многосторонним договорам, не предусмотренных

80/ Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, четырнадцатая сессия, Приложения, пункт 65 повестки дня, документ A/4235.

в предыдущих пунктах. Подпункт a предусматривает, что принятие оговорки другим договаривающимся государством делает государство, сделавшее оговорку, участником этого договора по отношению к этому государству, если и когда договор находится в силе. С другой стороны, подпункт b устанавливает, что возражение одного из договаривающихся государств препятствует вступлению в силу договора между государством, сделавшим оговорку, и государством, возражающим против нее, если возражающее против оговорки государство не выразит иного намерения. Хотя возражение против оговорки обычно означает отказ от вступления в договорные отношения на основе оговорки, тем не менее, возражения против оговорок иногда делаются по принципиальным или политическим соображениям без намерения помешать вступлению в силу договора между государством, сделавшим оговорку, и государством, возражающим против нее. Подпункт c затем предусматривает, что акт, выражающий согласие государства быть связанным договором и содержащий оговорку, вступает в силу как только по крайней мере одно из договаривающихся государств согласится с такой оговоркой. Это положение важно, поскольку оно определяет момент, с которого государство, делающее оговорку, может рассматриваться как государство, которое ратифицировало, приняло или иным образом связало себя договором.

22) Правила в пункте 4 устанавливают относительную систему участия в договоре, которая предусматривает для каждого участника многостороннего договора возможность не быть связанным договором по отношению ко всем другим участникам. Вследствие этого государство, делающее оговорку, может быть участником договора по отношению к государству X, но не по отношению к государству У, хотя сами государства X и У обоюдно связаны. Однако Комиссия сочла, что для того случая, когда договор заключается между большой группой государств, это более целесообразно, чем дать возможность государству У посредством возражения помешать вступить в силу договору между государством, делающим оговорку, и государством X, которое приняло оговорку.

23) Пункт 5 является последним в правилах, касающихся принятия оговорок и возражений к ним. В нем предлагается в случаях, предусмотренных пунктами 2 и 4 (т.е. в тех случаях, когда оговорка не разрешена прямо или косвенно и не является оговоркой к учредительному акту международной организации), считать, что отсутствие возражения при некоторых условиях следует рассматривать как молчаливое принятие ее. Этим пунктом устанавливается, что оговорка считается принятой государством, если оно не выдвинуло возражений против нее к концу двенадцатимесячного периода после того, как оно было уведомлено о такой оговорке, или ко дню, когда оно согласилось быть связанным договором, в зависимости от того, какая дата является более поздней. Нет никаких сомнений в том, что принцип, согласно которому отсутствие возражений считается указанием на согласие на оговорку, вошел в практику государств: действительно, сам суд в деле об Оговорках к Конвенции о геноциде говорил об "очень большом применении в международной практике "молчаливого согласия на оговорки". Далее, в некоторых новых конвенциях встречаются постановления, в которых прямо указывается, что по истечении трехмесячного или в некоторых случаях шестимесячного срока возникает презумпция согласия[81/], а в других конвенциях тот же результат достигается ограничением права на возражение трехмесячным сроком[82/]. Далее, в 1959 году Межамериканский совет юристов[83/] рекомендовал в тех случаях, когда от государства, которое было уведомлено об оговорке, не поступает никакого ответа, исходить по истечении одного года из презумпции, что это государство против оговорки не возражает.

81/ Например, в Международной конвенции 1952 года об облегчении ввоза коммерческих образцов и рекламных материалов (90 дней) и в Международной конвенции 1929 года о борьбе с подделкой денежных знаков (6 месяцев).

82/ Например, в Конвенции 1950 года об объявлении безвестно отсутствующих умершими или в Конвенции 1957 года о гражданстве замужних женщин (в обеих - 90 дней).

83/ Final Act of the Fourth Meeting of the Inter-American Council of Jurists, p.29, A/CN.4/124, Yearbook of the International Law Commission, 1960, vol.II, p.133.

Статья 18 [84]

Процедура, касающаяся оговорок

1. Оговорка, определенно выраженное согласие с оговоркой и возражение против оговорки должны быть сделаны в письменной форме и доведены до сведения других государств, имеющих право стать участниками договора.

2. Если оговорка сделана в связи с принятием текста или после подписания договора, подлежащего ратификации, принятию или одобрению, оговорка должна быть официально подтверждена сделавшим оговорку государством при выражении им своего согласия быть связанным этим договором. В этом случае оговорка считается сделанной в день ее подтверждения.

3. Возражение против оговорки, высказанное до ее подтверждения, само по себе не требует подтверждения.

Комментарий

1) Эта статья воспроизводит в значительно пересмотренной и сокращенной форме процедурые положения, касающиеся формулирования, принятия или возражения в отношении оговорок, которые ранее были включены в статьи 18 и 19 проекта 1962 года.

2) Пункт 1 предусматривает лишь, что оговорка, определенно выраженное согласие с оговоркой и возражение против оговорки должны быть сделаны в письменной форме и доведены до сведения других государств, имеющих право стать участниками договора. В случае согласия с оговоркой норма относится лишь к определенно выраженному согласию, поскольку молчаливое согласие с оговоркой играет большую роль в принятии оговорки, как об этом специально указывается в пункте 5 предыдущей статьи.

3) Заявления об оговорке практически делаются на различных стадиях заключения договора. Так, например, оговорки нередко высказываются во время переговоров и заносятся в протоколы. Иногда такие первоначальные оговорки впоследствии рассматриваются в качестве официальных оговорок. Однако Комиссия сочла необходимым, чтобы данное государство официально подтвердило свое заявление об оговорке при подписании, ратификации, акцепте, утверждении или присоединении к

84/ Проект 1962 года, статьи 18 и 19, и проект 1965 года, статья 20.

.../

договору, с тем чтобы ясным и определенным образом выразить свое намерение сделать оговорку. Соответственно, заявление об оговорке, сделанное в ходе переговоров, само по себе не признается в статье 16 в качестве способа формулирования оговорки и равным образом не упоминается в настоящей статье.

4) Пункт 2 касается оговорок, сделанных на более поздней стадии: по случаю принятия текста или подписания договора, подлежащего ратификации, принятию или одобрению. В этом случае Комиссия опять-таки считает необходимым, чтобы государство, беря на себя определенные обязательства быть связанным договором, не оставляло никаких сомнений в отношении его окончательной точки зрения касательно оговорки. Этим пунктом, соответственно, предусматривается, чтобы государство официально подтвердило оговорку, если оно желает придерживаться ее. В то же время этот пункт предусматривает, что в этих случаях оговорка будет считаться сделанной в день ее подтверждения; этот момент имеет значение для применения пункта 5 статьи 17.

5) С другой стороны, Комиссия не считает необходимым, чтобы возражения против оговорки, сделанные до ее подтверждения, были вновь подтверждены после этого; поэтому в пункте 3 ясно указано, что возражение в таком случае не должно подтверждаться.

Статья 19[85/]

Юридическое действие оговорок

1. Оговорка, сделанная в отношении другого участника в соответствии со статьями 16, 17 и 18:

a) изменяет для сделавшего оговорку государства постановления договора, к которым относится оговорка, в пределах сферы действия оговорки; и

b) изменяет в той же мере указанные положения для такого другого участника в его отношениях со сделавшим оговорку государством.

2. Оговорка не изменяет постановлений договора для других участников договора в отношениях между ними.

85/ Проекты 1962 и 1965 гг., статья 21.

/...

3. Если государство, возражающее против оговорки, согласится считать договор действующим между собой и сделавшим оговорку государством, то положения, к которым относится оговорка, не применяются между этими двумя государствами в пределах сферы действия такой оговорки.

Комментарий

1) В пунктах 1 и 2 этой статьи устанавливаются нормы, касающиеся юридических последствий оговорки, которые были установлены согласно постановлениям статей 16, 17 и 18, причем предполагается, что договор уже вступил в силу. Эти нормы, которые, очевидно, никем не оспариваются, непосредственно вытекают из консенсуальной основы отношений между участниками договора. Оговорка применяется взаимно сделавшим ее государством и любым другим участником договора, изменяя таким образом действие договора для них обоих в их взаимных отношениях в пределах оговоренных положений. Но это не изменяет положений договора для других участников в отношениях между ними, так как они не принимали ее как постановление договора в их взаимных отношениях.

2) Пункт 3 статьи относится к особому случаю, рассматриваемому в пункте 4b статьи 17, когда государство, возражая против оговорки, тем не менее, заявляет, что оно согласно на вступление договора в силу между ним и делающим оговорку государством. Комиссия согласна с мнением, выраженным в замечаниях некоторых правительств, о том, что желательно, для внесения полной ясности, предусмотреть эту возможность и что в таких случаях положения, к которым относится оговорка, не должны применяться в отношениях между двумя государствами в пределах условий оговорки. Такова норма, предусмотренная в этом пункте.

Статья 20[86/]

Отмена оговорок

1. Если в договоре не предусматривается иное, оговорка может быть отменена в любое время и для ее отмены не требуется согласия государства, принявшего оговорку.

86/ Проекты 1962 и 1965 гг., статья 22.

/...

2. Если в договоре не предусматривается или не обусловлено иное, отмена оговорки вступает в силу только после получения другими договаривающимися государствами уведомления о ней.

Комментарий

1) Иногда утверждают, что, если оговорка была принята другим государством, она не может быть отменена без согласия последнего, так как принятие оговорки устанавливает отношение между двумя государствами, которое не может быть изменено без согласия обоих. Комиссия, однако, полагает, что более предпочтительная норма состоит в том, чтобы, если договором не предусмотрено иное, государство, делающее оговорку, всегда было свободно привести свою позицию путем отмены своей оговорки в полное соответствие с положениями договора в том виде, в котором он был принят. По мнению Комиссии, следует исходить из предпосылки, что участники договора желают, чтобы сделавшее оговорку государство отказалось от своей оговорки, если только в договоре не указано ограничение в отношении отмены оговорок. В пункте 1 статьи соответственно этому изложено общее правило.

2) Ввиду того что оговорка является изменением условий договора, совершенным по инициативе сделавшего оговорку государства, Комиссия считает, что на этом государстве должно лежать и бремя сообщения о снятии ее другим государствам и что последние не могут нести ответственность за любое нарушение условий договора, к которому относится оговорка, совершенное вследствие неведения о снятии этой оговорки. Поэтому в пункте 2 предусматривается, что если в договоре не предусматривается иное или стороны не согласились на иное, то отмена оговорки вступает в силу только после получения другими договаривающимися государствами уведомления о ней. Комиссия понимает, что, даже если другие государства получили уведомление об отмене оговорки, при некоторых типах договоров им, возможно, потребуется краткий период времени для приведения своего внутреннего законодательства в соответствие с новой ситуацией, возникающей в результате снятия оговорки. Однако Комиссия пришла к выводу, что сформулировать это

требование в качестве общей нормы означало бы заходить слишком далеко, так как во многих случаях было бы желательно, чтобы отмена оговорки вступала в силу немедленно. Комиссия считала, что этот вопрос должен регулироваться специальным положением в договоре. Она также считала, что даже без такого положения, если государство требует короткого периода времени для приведения своего внутреннего законодательства в соответствие с ситуацией, вытекающей от отмены оговорки, добросовестность побудит государство, делающее оговорку, воздержаться от выражений недовольства затруднением, которое вызвала его собственная оговорка.

Раздел 3 - Вступление договора в силу

Статья 21[87/]

Вступление в силу

1. Договор вступает в силу в порядке и в день, предусмотренные в самом договоре или согласованные между участвующими в переговорах государствами.

2. При отсутствии такого постановления или договоренности договор вступает в силу, как только все участвующие в переговорах государства подтвердят свое согласие быть связанными договором.

3. Если согласие государства быть связанным договором выражается после вступления договора в силу, то договор вступает в силу для этого государства в день выражения им своего согласия, если в договоре не предусматривается иное.

Комментарий

1) Текст этой статьи в том виде, в каком она был предварительно принят в 1962 году, был несколько более сложным, так как в ней было признано, что если в договоре был указан срок, к которому должны состояться обмен ратификационными грамотами, принятие или депонирование или подписание, то следовало исходить из презумпции, что

87/ Проекты 1962 и 1965 гг., статья 23.

что и есть срок вступления договора в силу. Так, если в договоре не указан срок его вступления в силу, то на основе пункта 2 текста 1962 года дата, установленная для ратификации, одобрения, принятия или подписания, считалась бы в качестве даты вступления договора в силу, в зависимости от любого содержащегося в договоре положения в отношении числа таких ратификаций и т.д., необходимых для вступления его в силу. Хотя этот пункт не встретил возражений со стороны правительств, Комиссия на своей семнадцатой сессии решила, что он должен быть исключен. Она высказала сомнение в том, что договаривающиеся государства во всех случаях обязательно считали бы дату, установленную для депонирования ратификационных грамот и т.д. или подписания, в качестве даты вступления договора в силу. В соответствии с этим она сделала вывод, что можно было бы зайти слишком далеко, превращая признак, вытекающий из установления такой даты, в определенную юридическую презумпцию.

2) Пункт 1 статьи определяет основную норму, заключающуюся в том, что договор вступает в силу в порядке и в день, предусмотренные в самом договоре или согласованные между участвующими в переговорах государствами. Комиссия отметила, что если в каком-либо определенном случае установление срока обмена грамотами или их депонирования или подписания является четким указанием на намечаемый срок вступления договора в силу, то в таком случае применяется формулировка "в порядке и в день, предусмотренные в самом договоре".

3) Пункт 2 гласит, что, в случае отсутствия какого-либо специального положения в договоре или другого соглашения, договор вступает в силу как только все участвующие в переговорах государства согласятся быть связанными договором. Это была единственная общая презумпция, которую Комиссия считала оправданной существующей практикой и которая должна быть указана в статье.

4) В пункте 3 изложено то, что считается неоспоримой нормой, а именно, что, после того как договор вступил в силу, он вступает в силу для каждой стороны в срок выражения ею своего согласия быть

/...

связанной этим договором, если в договоре не предусматривается иное. Фраза "вступает в силу для этого государства" является единственной, обычно применяемой в связи с этим в практике[88/], и означает лишь начало участия государства в договоре, который уже вступил в силу.

5) Пересматривая эту статью в связи со статьей 73, касающейся уведомлений и сообщений, Комиссия отметила, что наблюдается усиливающаяся тенденция, особенно в случае многосторонних договоров, установить некоторый временный интервал между выражением согласия быть связанным договором и вступлением договора в силу. Женевские конвенции по морскому праву и Венские конвенции о дипломатических и консульских сношениях, например, предусматривают тридцатидневный интервал между этими двумя стадиями участия в договоре. Однако, принимая во внимание большое разнообразие договоров и условий, в которых они заключаются, Комиссия сделала вывод, что было бы нецелесообразно устанавливать de lege ferenda концепцию о таком временном интервале, внося его в эту статью в качестве общей нормы, и что вопрос о внесении этого положения в договор должен быть оставлен на усмотрение самих договаривающихся государств, если и когда они считают это необходимым. По мнению Комиссии, существующая общая норма, несомненно, заключается в том, что вступление договора в силу имеет место сразу же после достижения соответствующего согласия, если в договоре не предусматривается иное.

Статья 22[89/]

Временное вступление в силу

1. Договор может вступить в силу временно, если:

а) в самом договоре предусматривается, что он вступает в силу временно впредь до его ратификации, принятия, одобрения или присоединения к нему договаривающихся государств; или

88/ Например, в Женевской конвенции о морском праве и Венских конвенциях о дипломатических и консульских сношениях.

89/ Проекты 1962 и 1965 гг., статья 24.

b) участвующие в переговорах государства условились о каком-либо другом порядке.

2. Это же правило относится к временному вступлению в силу части договора.

Комментарий

1) В этой статье закрепляется практика, которая довольно распространена в наше время и должна быть отмечена в проекте статей. Ввиду неотложности тех вопросов, которые включены в договор, или по другим причинам заинтересованные государства могут включать в те договоры, которые они должны вносить в свои конституционные учреждения для ратификации или одобрения, постановление, согласно которому соответствующие договоры должны вступать в силу временно. Встает вопрос, следует ли в таких случаях считать, что договор вступает в силу на основании постановления самого договора или на основании дополнительного соглашения, заключенного между заинтересованными государствами при принятии текста. Однако не может быть сомнения в том, что соответствующее постановление имеет юридическое значение и вводит договор в действие на временной основе.

2) Альтернативная процедура, имеющая то же значение, заключается в том, что заинтересованные государства, не внося такого положения в договор, вступают в соглашение в отдельном протоколе или путем обмена письмами или каким-либо другим образом для того, чтобы договор временно вступил в силу. Пункт 1 этой статьи предусматривает оба эти случая.

3) В настоящее время не менее часто встречается практика временного введения в силу лишь определенной части договора с целью удовлетворения первостепенных потребностей обстановки или для подготовки вступления в силу договора в целом на несколько более позднем этапе. То, что было сказано относительно вступления в силу договора в целом, в равной степени относится также и к данным случаям. Соответственно пункт 2 настоящей статьи просто указывает на то, что это же правило относится к временному вступлению в силу части договора.

4) Текст статьи в том виде, в котором он предварительно был принят в 1962 году, содержит постановление, касающееся прекращения действия договора, который был введен в силу временно. Тем не менее при пересмотре статьи и в свете замечаний правительств Комиссия решила исключить это постановление с тем, чтобы данный вопрос определялся соглашением, заключенным между сторонами, и применением правил, касающихся прекращения действия договоров.

ЧАСТЬ III: СОБЛЮДЕНИЕ, ПРИМЕНЕНИЕ И ТОЛКОВАНИЕ ДОГОВОРОВ

Раздел 1 - Соблюдение договоров

Статья 23[90]

Pacta sunt servanda

Любой действующий договор связывает стороны и должен ими добросовестно соблюдаться.

Комментарий

1) Pacta sunt servanda - норма права, предусматривающая, что договоры связывают стороны и должны ими добросовестно соблюдаться, - является фундаментальным принципом права договоров. Его значение подчеркивается тем обстоятельством, что он воплощен в преамбуле Устава Организации Объединенных Наций. В той степени, в какой это касается обстоятельств, излагаемых в самом Уставе, в пункте 2 статьи 2 ясно предусматривается, что государства-члены Организации "добросовестно выполняют принятые на себя по настоящему Уставу обязательства".

2) В практике международных судов есть много прецендентов, подтверждающих, что в настоящем контексте принцип добросовестности является правовым принципом, составляющим неотъемлемую часть правила pacta sunt servanda. Так, касаясь некоторых оценок, которые должны были быть произведены в соответствии со статьями 95 и 96 Алхесирасского договора, Суд в деле Rights of Nationals of the United States of America in Morocco (Judgment of 27 August 1954[91]) заявил: "Право производства оценки принадлежит таможенным властям, однако, такое право должно осуществляться справедливо и добросовестно". Равным образом Постоянная палата международного правосудия, применяя содержащиеся в договорах оговорки о запрещении дискриминации против

90/ Проект 1964 года, статья 55.

91/ I.C.J. Reports 1952, p.212.

меньшинств в целом ряде дел[92/], настаивая на том, что оговорки должны применяться таким образом, чтобы не допустить дискриминации как фактически, так и юридически; другими словами, нельзя уклоняться от обязательства посредством чисто формального применения оговорок. Многочисленные прецеденты можно также найти в судебной практике арбитражных судов. Вот лишь один пример. В решении по делу North Atlantic Coast Fisheries Arbitration Постоянная палата третейского суда, касаясь права Великобритании регулировать рыболовство в канадских водах, в которых она предоставила определенные права рыболовства гражданам Соединенных Штатов по Гентскому договору, заявила[93/]:

> "... Из договора вытекает обязательное отношение, в соответствии с которым право Великобритании осуществлять свое суверенное право посредством постановлений ограничивается такими постановления, которые принимаются добросовестно и не нарушают договора".

3) В соответствии с этим статья предусматривает, что "любой действующий договор связывает стороны и должен ими добросовестно соблюдаться". Некоторые члены Комиссии сомневались, следует ли включать слово "действующий", поскольку оно может привести к толкованиям, которые могут ослабить ясное положение этой нормы права. Однако, по мнению других членов Комиссии, это слово является выражением элемента, составляющего часть этой нормы права, и логически с учетом других положений проекта статей его необходимо включить. Комиссия приняла целый ряд статей, касающихся вступления договоров в силу, случаев их временного вступления в силу, определенных обязательств,

---

92/ Например, Treatment of Polish Nationals and Other Persons of Polish Origin or Speech in the Danzig Territory, P.C.I.J. (1932), Series A/B No.44, p.28; Minority Schools in Albania, P.C.I.J. (1935), Series A/B, No.64, pp.19-20.

93/ (1910) Reports of International Arbitral Awards. vol. XI, p. 188. Постоянная палата третейского суда также ясно сослалась на "принцип международного права о том, что договорные обязательства должны добросовестно соблюдаться".

лежащих на договаривающихся государствах до вступления договора в силу, недействительности договоров и прекращения их действия. Следовательно, с точки зрения составления проекта, по-видимому, необходимо определить, что в соответствии с положениями настоящих статей правило pacta sunt servanda относительно именно к действующим договорам. Слово "действующим", естественно, относится к временно действующим договорам, указанным в статье 22, так же как и к тем договорам, которые вступают в силу окончательно в соответствии со статьей 21.

4) По мнению некоторых членов Комиссии, полезно было бы также заявить, что сторона в договоре должна воздерживаться от действий, рассчитанных на невыполнение предмета и целей договора. Комиссия, однако, сочла, что это со всей определенностью указано в обязательстве о добросовестном соблюдении договора, и предпочла изложить норму pacta sunt servanda , по возможности, в наиболее простой форме.

5) Комиссия рассмотрела вопрос о том, следует ли настоящую статью, содержащую норму pacta sunt servanda , включить в проект статей с оставлением ее на прежнем месте или ей следует придать особое значение путем перемещения ее в сторону статей, занимающих первое место. Учитывая то, что постановления части I носят характер введения, а также исходя из оснований логического характера, Комиссия не сочла целесообразным помещение данной статьи в начале проекта статей. С другой стороны, она со всей определенностью высказалась за то, что в окончательный текст любой конвенции по праву договоров, которая явилась бы результатом ее работы, следовало бы включить такое положение, которое подчеркивало бы основополагающую природу обязательства добросовестно выполнять договоры. Неоспоримо то, что принцип добросовестности повсеместно используется в международных отношениях, но особую роль он играет в праве договоров, и по существу этот принцип вновь указывается в статье 27 в контексте толкования договоров. Комиссия хотела бы предложить,

чтобы принцип pacta sunt servanda был должным образом подчеркнут в преамбуле конвенции, подобно тому, как он уже подчеркнут в преамбуле Устава.

Раздел 2 - Применение договоров

Статья 24[94/]

Договоры не имеют обратной силы

Если из договора не явствует об ином намерении или в нем не обусловлено иное, то его постановления не обязательны для участника договора в отношении любого действия или факта, которые имели место, или в отношении любой ситуации, которая перестала существовать до даты вступления договора в силу для указанного участника.

Комментарий

1) Ничто не может препятствовать сторонам придавать договору или некоторым его положениям обратную силу, если они считают это целесообразным. Это вопрос их намерений. Общее правило, однако, состоит в том, что договор не должен рассматриваться как имеющий обратную силу, если только такое намерение не выражено в самом договоре или если оно со всей определенностью не подразумевается его условиями. Международный Суд подтвердил и применил это правило в деле Ambatielos (Предварительное возражение)[95/], где греческое правительство утверждало, что в соответствии с договором 1926 года оно имеет право предъявить иск, основывающийся на действиях, имевших место в 1922 и в 1923 годах. Признавая, что его доводы противоречат общему принципу о том, что договор не имеет обратной силы, это правительство пыталось оправдать свое заявление, ссылаясь на на то, что это особое дело, поскольку в течение 1922-1923 гг. между сторонами действовал более ранний договор 1886 года, содержащий положения, подобные положениям договора 1926 года. Эти

94/ Проект 1964 года, статья 56

95/ I.C.J. Reports 1952, p. 40.

доводы были отвергнуты Судом, который заявил:

> "Принятие этой теории означало бы придание обратной силы статье 29 договора 1926 г., в то время как статья 32 этого договора говорит о том, что договор -- а, значит, и все его положения - вступает в силу немедленно после его ратификации. Такое заключение можно было бы отвергнуть, если бы существовала какая-нибудь специальная оговорка или какая-нибудь специальная цель, обусловливающая необходимость толкования в смысле признания обратной силы договора. В данном деле такой оговорки или цели нет. Поэтому невозможно утверждать, что какое-либо из его положений необходимо считать вступившим в силу ранее".

Хороший пример договора, имеющего такую "специальную оговорку" или "специальную цель", обусловливающую необходимость толкования в смысле признания обратной силы договора, можно найти в деле Mavrommatis Palestine Concessions[96]. Соединенное Королевство оспорило решение Суда на том основании, в частности, что акты, вызвавшие жалобу, имели место до вступления в силу Протокола XII к Лозаннскому договору. Однако Суд заявил:

> "Протокол XII был составлен с целью закрепления условий, определяющих признание и отношение договаривающихся сторон к некоторым концессиям, представленным оттоманскими властями до заключения Протокола. Поэтому существенной характерной чертой Протокола XII является то, что его действия распространяются на правовые ситуации, возникшие до появления самого Протокола. Если бы в оговорках Протокола не было предусмотрено положение об охране признаваемых им прав против нарушений, совершенных до вступления в силу этого документа, то Протокол не имел бы силы в отношении именно того периода, в течение которого права, о которых идет речь, более всего нуждаются в охране. Поэтому Суд считает, что Протокол гарантирует права, признаваемые в нем, против любых нарушений, независимо от времени, когда они могли иметь место".

2) Данный вопрос стал предметом обсуждения в международных судах в связи с юридическими оговорками, предусматривающими передачу на рассмотрение международных судов "споров" или определенных категорий "споров", возникающих между сторонами. В деле Navrommatis

---

96/ P.C.I.J.(1924) Series A No. 2, p. 34.

Palestine Concession Постоянная палата заявила:

> "Суд придерживается того мнения, что в случае сомнения основанная на международном соглашении юрисдикция охватывает все относящиеся к нему споры после его заключения... Оговорка, сделанная во многих договорах относительно споров, возникающих из событий, предшествовавших заключению договора, по-видимому, доказывает необходимость точного ограничения юрисдикции и вследствие этого правильность сформулированного выше правила толкования"97/.

Данное положение не наделяет соглашение обратной силой, поскольку, в связи с использованием слова "споры" без всяких ограничений, предполагается, что стороны признают юрисдикцию в отношении всех споров, имеющих место после вступления в силу соглашения. С другой стороны, когда к основным положениям договора присоединяются юридические оговорки в качестве средства гарантии надлежащего их применения, то принцип отсутствия обратной силы может действовать в сторону ограничения ratione temporis применения юридических оговорок. Так, во многих случаях в соответствии с Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод Европейская комиссия по правам человека указывала, что она не компетентна рассматривать направленные против соответствующих государств жалобы, касающиеся утверждений о нарушениях прав человека, якобы имевших место до вступления в силу Конвенции98/.

97/ Там же, p.35; ср. дело Phosphates in Morocco P.C.I.J. (1938) Series A/B, No. 74, p. 24. Применение различных форм оговорки, ограничивающей ratione temporis согласие на юрисдикцию международных судов, проходило не без затруднений, и в настоящее время прецедентное право Постоянной палаты международного правосудия и Международного Суда располагает весьма обширной судебной практикой по этому вопросу. Хотя эта судебная практика в отношении юрисдикции Суда и является значительной, она касается применения отдельных содержащихся в договорах положений и, по мнению Комиссии не требует подробного изучения в контексте общего международного договорного права.

98/ См. Yearbook of the European Convention of Human Rights, (1955-7) pp. 153-9; ibid. (1958-9) pp. 214, 376, 382, 407, 412, 492-4; ibid., (1960) pp. 222, 280, 444; и ibid. (1961) pp. 128, 132-45, 240, 325.

3) Если, однако, факт, действие или ситуация имели место или возникли до вступления в силу договора, продолжают иметь место или существовать после вступления договора в силу, они будут подпадать под положения договора. Принцип отсутствия обратной силы не может быть нарушен применением договора к вопросам, которые возникают или существуют, когда действует договор, если даже они появились в предшествующий период. Так, хотя Европейская комиссия по правам человека не считала себя компетентной рассматривать обоснованность законодательных, административных или судебных актов, утвержденных или получивших окончательную форму до вступления в силу Европейской конвенции, она принимала на себя юрисдикцию в тех случаях, где судебное разбирательство имело место недавно, или в случаях повторного применения этих актов после вступления Конвенции в силу[99/].

4) Статья соответственно указывает, что, если в договоре не говорится об обратном, его постановления не применяются к участнику в отношении любого факта или действия, которые имели место, или в отношении любой ситуации, которая перестала существовать до даты вступления договора в силу для указанного участника. Иными словами, договор не будет применяться в отношении действий или фактов, которые уже завершены, или в отношении ситуаций, которые перестали существовать до даты вступления договора в силу. Фразу общего характера "если из договора не явствует об ином намерении или в нем не обусловлено иное" предпочли фразе "если иное не вытекает из договора" с тем, чтобы учесть те случаи, когда сам характер договора, а не только его особые постановления, свидетельствует до некоторой степени об его обратной силе.

5) Комиссия вновь рассмотрела вопрос относительно формулирования

99/ Дело De Becker, см. Yearbook of the European Convention of Human Rights, (1958-9), pp. 230-5; Application No. 655/59; Yearbook of the European Convention of Human Rights (1960), p. 284.

новой нормы, касающейся применения договора в отношении действий, фактов или ситуаций, которые имели место или существовали после того, как договор утратил свою силу. Очевидно, что договор продолжает иметь определенную силу с целью установления правовой позиции в отношении любого действия или факта, имевших место, или любой ситуации, возникшей при применении договора в период, когда он был в силе. Однако Комиссия пришла к выводу, что этот вопрос имеет непосредственное отношение к постановлениям статьи 66 и пункта 2 статьи 67, касающихся последствий прекращения договора, и охватывается ими. Поэтому она решила ограничиться изложением в настоящей статье того принципа, что договоры не имеют обратной силы.

Статья 25[100]

Применение договоров к территории

Если из договора не явствует об ином намерении или в нем не обусловлено иное, то применение договора распространяется на всю территорию каждого участника.

Комментарий

1) Определенные виды договоров по своему содержанию трудно поддаются толкованию в смысле своего территориального применения в обычном значении слова. Однако большинство договоров имеет территориальное применение, и может встать вопрос, какова точная сфера их территориального применения. В некоторых случаях положения договоров определенно относятся к какой-либо данной территории или району, как, например, Договор о признании суверенитета Норвегии над Шпицбергеном от 21 октября 1920 года[101] и Договор об Антарктике от 1 декабря 1959 года[102]. В других случаях содержащиеся в договорах положения указывают на их отношение к определенным районам. Некоторые договоры Соединенного Королевства, касающиеся внутренних вопросов, четко ограничены территорией Великобритании и Северной Ирландии и не относятся к Нормандским островам и к острову Мэн[103]. Точно так же государства, территория которых включает свободную зону, могут счесть необходимым исключить эту зону из сферы применения торгового договора.

100/ Проект 1964 года, статья 57.

101/ League of Nations Treaty Series, vol. II, p.8.

102/ United Nations Treaty Series, vol. 402, p.71.

103/ Например, Соглашение между правительствами Союза Советских Социалистических Республик и Соединенным Королевством Великобритании и Северной Ирландии о связях в области науки, техники, образования и культуры на 1963-1965 гг. (United Kingdom Treaty Series No. 42 of 1963); Конвенция 1961 года между Австрией и Великобританией о взаимном признании и исполнении судебных решений определяет Соединенное Королевство как территорию, состоящую из Англии и Уэльса, Шотландии и Северной Ирландии (United Kingdom Treaty Series No. 70 of 1962).

Другим примером является договор о режиме границ, который применим к определенным районам и регулирует такие возникающие из наличия смешанного населения проблемы, как языки, которыми следует пользоваться в качестве официальных. С другой стороны, многие договоры, имеющие территориальное применение, не содержат указаний о каких-либо ограничениях их сферы территориального применения, как, например, договоры об экстрадиции или об исполнении судебных решений.

2) Комиссия считает, что сфера территориального применения договоров зависит от намерения сторон и что в настоящей статье необходимо лишь сформулировать общее правило, которое следует применять при отсутствии какого-либо конкретного положения или указания в договоре относительно территориальной сферы его применения. В практике государств, решениях международных судов и работах юристов, по-видимому, поддерживается точка зрения, согласно которой предполагается, что договор должен применяться на всей территории каждой из сторон, если только в нем не предусматривается иное[104/]. Поэтому в настоящей статье формулируется именно это правило.

3) Формулировка "вся территория каждого участника" является широким понятием, в которое должны входить вся суша и прилегающие территориальные воды и воздушное пространство, составляющие территорию государства. Комиссия предпочла эту формулировку выражению "вся территория или территории, которые участники представляют в международных отношениях", содержащемуся в некоторых заключенных в последнее время многосторонних конвенциях. Она стремилась избежать ассоциации последнего термина с так называемой "колониальной оговоркой". Она считала, что ее задача в области кодификации современного права договоров должна быть ограничена формулированием общего правила, касающегося территориальной сферы применения какого-либо договора.

104/ Summary of Practice of Secretary-General as depositary of Multilateral Agreements (ST/LEG/7), paras. 102-3; Succession of States in relation to General Multilateral Treaties of which the Secretary-General is Depositary, (A/CN.4/150), paras. 73-4 and 138. Yearbook of the International Law Commission, 1962, vol. II, pp. 115, 123).

4) Одно из правительств предложило добавить второй пункт в статью, особо предусматривающий, что государство, состоящее из четко отличных автономных частей, должно иметь право заявить, в какой из составных частей государства должен применяться договор. В соответствии с этим предложением заявление правительства должно рассматриваться не как оговорка, а как ограничение согласия на распространение договора лишь на определенные части государства. Комиссия считала, что такое положение, как бы оно ни было сформулировано, может породить столько же проблем, сколько и решить. Она также считала, что слова "если из договора не явствует об ином намерении или в нем не обусловлено иное" в предлагаемом сейчас тексте придают необходимую гибкость правилу, с тем чтобы оно могло охватывать все законные требования в отношении территориального применения договоров.

5) Некоторые правительства выражали в своих замечаниях точку зрения, состоящую в том, что статья недостаточно ясна и может быть понята в том смысле, что применение какого-либо договора в обязательном порядке ограничивается территориями сторон. Они предлагали пересмотреть статью, чтобы она касалась также экстерриториального применения договоров. Комиссия признала, что заголовок статьи, предварительно принятый в 1964 году, может создать впечатление, что статья имеет целью охватить весь вопрос территориального применения договоров и что ограниченное положение, которое она фактически содержит, может вследствие этого вызвать недоразумения, на которые указывали эти правительства. С другой стороны, она считала, что предложение о включении какого-либо положения, касающегося экстерриториального применения договоров, немедленно создаст сложные проблемы экстерриториальной юрисдикции государств, и что проекты, предложенные в замечаниях правительств, с этой точки зрения неудовлетворительны. Целью статьи, по мнению Комиссии, является лишь рассмотрение ограниченного вопроса применения какого-либо договора в отношении территории соответствующих его участников; и Комиссия пришла к выводу о желательности изменить заголовок и текст статьи, чтобы они

четко выражали ограниченный характер правила. По ее мнению, право, касающееся экстерриториального применения договоров, не может быть сформулировано лишь в отношении намерений сторон или предположения об их намерениях; она считала также, что попытка рассмотреть все затруднительные проблемы экстерриториальной юрисдикции в данной статье была бы неуместна и нежелательна.

6) В Комиссии был поднят вопрос о том, могут ли на территориальную сферу какого-либо договора влиять проблемы правопреемства государства. Комиссия, однако, решила не рассматривать этот вопрос и, как разъясняется в пункте 5 комментария к статье 39, сохранить его как общее положение (статья 69).

Статья 26[105]

Применение последующих договоров, относящихся к одному и тому же вопросу

1. При соблюдении статьи 103 Устава Организации Объединенных Наций права и обязанности государств-участников последующих договоров, относящихся к одному и тому же вопросу, определяются на основании следующих пунктов.

2. Если в договоре устанавливается, что он ограничен предыдущим или последующим договором или что его не следует считать несовместимым с предыдущим или последующим договором, преимущественную силу имеют постановления этого другого договора.

3. Если все участники предыдущего договора являются также участниками последующего договора, но действие предыдущего договора не прекращено или не приостановлено в соответствии со статьей 56, предыдущий договор применяется только в той мере, в какой его постановления совместимы с постановлениями последующего договора.

105/ Проект 1964 года, статья 63.

4. Если не все участники последующего договора являются участниками предыдущего договора:

a) между государствами-участниками обоих договоров применяется то же правило, что и в пункте 3;

b) между государством-участником обоих договоров и государством-участником только предыдущего договора предыдущий договор регулирует их взаимные права и обязанности;

c) между государством-участником обоих договоров и государством-участником только последующего договора последующий договор регулирует их права и обязанности.

5. Пункт 4 не затрагивает статьи 37 или какого-либо вопроса о прекращении или приостановлении действия договора в соответствии со статьей 57, или какого-либо вопроса об ответственности, которая может возникнуть для государства в результате заключения или применения договора, постановления которого несовместимы с его обязательствами в отношении другого государства по другому договору.

Комментарий

1) Правила, изложенные в тексте этой статьи, предварительно принятой в 1964 году, касались преимущественной силы договоров, которые имеют несовместимые положения. При пересмотре статьи на нынешней сессии Комиссия считала, что, хотя правила могут иметь особое значение в случаях несовместимости, их формулировки должны носить более общий характер в отношении применения последующих договоров по одному и тому же вопросу. Одним из преимуществ этой формулировки правил, считала Комиссия, будет то, что она избежит опасности того, что подпункт c пункта 4 может быть истолкован как санкционирующий заключение договора, несовместимого с обязательствами, взятыми на себя по отношению к другому государству в соответствии с другим договором. Вследствие этого, хотя суть статьи остается та же, что и в тексте 1964 года, ее формулировка была пересмотрена указанным образом.

2) В договорах часто содержится статья, целью которой является регулирование отношений между положениями данного договора и положениями другого договора или какого-либо иного договора по тому же вопросу, который рассматривается в этом договоре. Иногда статья касается отношения данного договора к предыдущему, иногда - его отношения к будущему договору, а иногда - к любому договору, прошлому или будущему. Каков бы ни был характер положения, статью необходимо принимать во внимание при оценке преимущественной силы последующих договоров по одному и тому же вопросу.

3) Среди таких статей выделяется статья 103 Устава Организации Объединенных Наций, в которой говорится: "В том случае, когда обязательства членов Организации по настоящему Уставу окажутся в противоречии с их обязательствами по какому-либо другому международному соглашению, преимущественную силу имеют обязательства по настоящему Уставу". Все последствия этого положения для отношений между членами Организации Объединенных Наций и государствами, не являющимися членами Организации, возможно, не совсем ясны. Однако Устав Организации Объединенных Наций занимает в современном международном праве настолько важное место, а государства-члены Организации Объединенных Наций составляют столь большую часть международного сообщества, что Комиссия сочла необходимым особо упомянуть статью 103 Устава и отвести ей особое место в данной статье. Поэтому, никоим образом не нанося ущерба толкованию статьи 103 Устава или ее применению компетентными органами Организации Объединенных Наций, Комиссия решила признать всеобъемлющий характер статьи 103 Устава в отношении любых договорных обязательств членов Организации. В соответствии с этим пункт 1 предусматривает, что правила, изложенные в настоящей статье в отношении обязательств государств-участников последующих договоров, обусловлены положениями статьи 103 Устава.

4) Пункт 2 касается статей, включаемых в какие-либо другие договоры в целях определения отношения их положений к положениям других договоров, заключенных договаривающимися государствами. Некоторые

/...

из этих статей лишь подтверждают общие правила о преимущественной силе, содержащиеся в пунктах 3 и 4 настоящей статьи. Другие - такие, как пункт 2 статьи 73 Венской конвенции 1963 года о консульских отношениях[106], в котором признается право дополнять ее положения двусторонними соглашениями, - лишь подтверждают законность двусторонних соглашений, не отменяющих обязательства, содержащиеся в общей Конвенции. Некоторые категории статей могут, однако, влиять на применение общих правил и поэтому требуют специального рассмотрения. Например, целый ряд договоров содержит статью, в которой участники заявляют о том, что этот договор или не является несовместимым, или он не должен затрагивать их обязательства по другому конкретному договору. Многие заключенные ранее договоры[107] предусматривали, что никакие содержащиеся в них положения не могут считаться налагающими на участников обязательства, несовместимые с их обязательствами по Уставу Лиги Наций; и сегодня в некоторых региональных договорах[108] можно найти подобные статьи, дающие преимущественную силу Уставу. Другими примерами являются: статья XVII Всеобщей конвенции об авторском праве 1952 года[109], которая отрицает какое-либо намерение затрагивать положения Бернской конвенции о защите литературной и художественной собственности; статья 30 Женевской конвенции об

106/ United Nations Conference on Consular Relations, Official Records, vol. II, p.187.

107/ См., например, статью 16 Положения 1921 года о Режиме судоходных путей, имеющих международное значение (League of Nations Treaty Series, vol. VII, p.61); и статью 4 Панамериканского договора 1936 года о добрых услугах и посредничестве (League of Nations Treaty Series, vol. CLXXXVIII, p.82).

108/ Например, статья 10 Межамериканского договора о взаимной помощи (United Nations Treaty Series, vol. 21, p.101).

109/ United Nations Treaty Series, vol. 216, p.148.

открытом море 1958 года[110/] и статья 73 Венской конвенции о консульских отношениях; все эти статьи говорят об отказе от какой-либо преимущественной силы в отношении существующих договоров. Такие статьи, поскольку они относятся к существующим договорам, заключенным договаривающимися государствами с третьими государствами, лишь подтверждают общее правило pacta tertiis non nocent. Однако они могут выходить за рамки этого правила, поскольку в некоторых случаях они не только затрагивают преимущественную силу соответствующих договоров между государствами-участниками обоих договоров, но могут касаться будущих договоров, которые будут заключены договаривающимся государством с каким-либо третьим государством. В любом случае несовместимости они, очевидно, дают преимущественную силу другому договору. В соответствии с этим в пункте 2 говорится о том, что в любом случае, когда договор предусматривает, что он обусловлен или не должен считаться несовместимым с каким-либо предыдущим или последующим договором, положения этого другого договора должны иметь преимущественную силу.

5) С другой стороны, кроме статьи 103 Устава, статьи в договорах, которые направлены на то, чтобы дать преимущественную силу данному договору по отношению к другому договору, независимо от того, заключен он раньше или позже по времени, сами по себе, вероятно, не меняют действия общих правил о преимущественной силе, изложенных в пунктах 3 и 4 настоящей статьи.

6) Одна из форм такой статьи касается только прошлого, предоставляя преимущественную силу данному договору над предыдущими договорами по тому же самому вопросу. Такая форма статьи не вызывает трудностей, когда все участники ранее заключенного договора являются также участниками договора, целью которого является установление преимущественной силы по отношению к первому договору. Как указано

110/ United Nations Conference on the Law of the Sea, Official Records, vol. II, p.138.

в комментарии к статье 56, участники предыдущего договора всегда имеют право отменить его, целиком или частично, заключив для этого другой договор с той же целью. Ввиду этого, когда они заключают второй договор, несовместимый с первым, предполагается, что они делают это с целью прекращения действия первого договора или изменения его несоответствия, если только нет указаний на наличие иных целей. Поэтому в этих случаях включение во второй договор статьи, специально заявляющей о преимущественной силе этого договора по отношению к первому, лишь подтверждает отсутствие какого-либо противоположного намерения. С другой стороны, когда в число участников договора, содержащего статью, целью которой является установление преимущественной силы над предыдущим договором, входят не все участники заключенного ранее договора, то правило pacta tertiis non nocent автоматически ограничивает правовое значение этой статьи. Последующий договор, независимо от того, имеет ли он такую статью или нет, не может лишить государство, не являющееся его участником, его прав по предыдущему договору. Действительно, очевидно, что любая попытка со стороны каких-либо участников договора лишить других участников их прав по этому договору путем заключения между собой впоследствии нового договора, не совместимого с этими правами, будут представлять собой нарушение предыдущего договора. Поэтому такого рода статьи обычно составляются так, чтобы специально ограничивать их действие государствами-участниками последующего договора. Статья XIV Конвенции об ответственности операторов атомных судов от 25 мая 1962 г., например, предусматривает:

> "Настоящая Конвенция заменяет собой любые действующие международные конвенции или конвенции, открытые для подписания, ратификации или присоединения к ним на день, когда настоящая Конвенция открывается для подписания, но только в том, что касается несоответствия таких конвенций настоящей Конвенции; однако настоящая статья никоим образом не затрагивает вытекающих из таких международных конвенций обязательств договаривающихся государств перед недоговаривающимися государствами"111/

111/ American Journal of International Law, vol.57 (1963), p.275.

Подобным же образом многие договоры, изменяющие предыдущие договоры, предусматривают полную или частичную замену предыдущих договоров, но в то же время ограничивают действие вносящего изменения документа теми государствами, которые становятся его участниками[112/]. Поэтому в таких случаях между двумя государствами-участниками обоих договоров преимущественную силу имеет последующий договор, но между государством-участником обоих договоров и государством-участником предыдущего договора преимущественную силу имеет предыдущий договор. Именно такие правила изложены в подпунктах a и b пункта 4 настоящей статьи, и поэтому внесение такого рода статьи никоим образом не меняет применения обычных правил.

7) Другой формой статьи является статья, касающаяся только будущего и особо требующая от участников не вступать ни в какие будущие соглашения, которые были бы несовместимы с их обязательствами по данному договору. Некоторые договоры, как, например, Положение о режиме судоходных путей, имеющих международное значение[113/], содержат обе формы статьи; некоторые из них, как, например Устав Лиги Наций (статья 20) и Устав Организации Объединенных Наций (статья 103), содержат единые статьи, касающиеся как прошлого, так и будущего. В этих случаях статья не может иметь силы, если все участники предыдущего договора являются также участниками последующего договора,

---

112/ Статья 1 всех протоколов Организации Объединенных Наций о внесении изменений в договоры, заключенные под эгидой Лиги Наций, гласит: "Участники настоящего протокола обязуются признавать в своих взаимоотношениях друг с другом, в соответствии с положениями настоящего протокола, полную законную силу внесенных в акты изменений, приведенных в приложении к настоящему протоколу, и обязуются должным образом применять их". См., например, протокол 1948 года о внесении изменений в Международную конвенцию по вопросам экономической статистики 1928 года (United Nations Treaty Series, vol.20, p.229); Протокол 1953 года о внесении изменения в Женевскую конвенцию о рабстве 1926 года (United Nations Treaty Series, vol.182, p.51). Ср.также статью 59 Женевской конвенции 1949 года об улучшении участи больных и раненых в действующих армиях (United Nations Treaty Series, vol.75, p.66).

113/ Статьи 13 и 18, League of Nations Treaty Series, vol.VII, p.36.

поскольку при заключении последующего договора они имеют право отменить или изменить предыдущий договор, ими же составленный. Однако более сложным и более важным является значение такой статьи в тех случаях, когда в число участников последующего договора входят не все участники предыдущего договора. Такая статья в предыдущем договоре может быть составлена так, чтобы воспрепятствовать участникам заключать с какими-либо государствами какой-либо договор, противоречащий предыдущему договору; смотри, например, статью 2 Пакта девяти держав 1922 года в отношении Китая[114]. В другом случае такая статья может затрагивать только соглашения с третьими государствами, как, например, статья 18 Положения о режиме судоходных путей, имеющих международное значение:

> "Каждое из договаривающихся государств обязуется не предоставлять ни путем соглашения, ни каким-либо другим образом какому-либо третьему государству возможностей в отношении навигации на судоходных путях, имеющих международное значение, если такие возможности в отношении между договаривающимися государствами противоречили бы условиям настоящего Положения"[115].

Целью такой статьи может быть также запрещение договаривающимся государствам заключать соглашения inter se, которые наносили бы ущерб их общим обязательствам по конвенции[116]. Эти статьи, по-видимому,

---

114/ League of Nations Treaty Series, vol. XXXVIII, p.281:
"Договаривающиеся державы соглашаются не вступать в какие-либо договоры или соглашения как друг с другом, так и отдельно или коллективно с другой державой или державами, могущими нарушить или нанести ущерб принципам, изложенным в статье 1".

115/ League of Nations Treaty Series, vol. VII, p.36-61.

116/ Например, статья 15 Конвенции 1883 года о международной защите промышленной собственности (de Martens, Nouveau Recueil général, 2ème série, vol. X, p.133); статья 20 Берлинской конвенции 1908 года о защите литературной собственности (de Martens, Nouveau Recueil général, 3ème série, vol. IV, p.590).

не меняют порядка применения обычных правил разрешения конфликтов между несовместимыми договорами. Некоторые обязательства, содержащиеся в договорах, по своему характеру предназначены для общего и постоянного применения ко всем участникам. Наглядным примером этого является договор о запрещении ядерных испытаний; и любое последующее соглашение, заключенное любым отдельным участником, отступающим от своих обязательств по этому договору, будет совершенно очевидно несовместимо с договором. Другие обязательства могут носить исключительно взаимный характер, и поэтому двусторонний договор, изменяющий порядок применения конвенции inter se договаривающимися государствами является совместимым с ее положениями. Но даже и в этом случае участники могут принимать иногда решение об учреждении единого обязательного режима в отношении вопросов, которые могут разбираться на взаимной основе, как, например, авторское право или защита промышленной собственности. Поэтому основное правовое значение статьи, утверждающей преимущественную силу какого-либо договора в отношении последующих договоров, которые противоречат ему, заключается, по-видимому, в выяснении намерений ее сторон создать единый "интегральный" или "взаимозависимый"договорный режим, запрещающий какое-либо отступление от положения договора; короче говоря, такая статья, специально запрещающая отступление от положения договора, точно и в недвусмысленных выражениях устанавливает несовместимость с этим договором любого последующего соглашения, заключенного одной из сторон и содержащего отступление от положений договора.

8) В соответствии с этим Комиссия сделала заключение о том, что нет необходимости особо рассматривать в данной статье какие-либо формы статьи, утверждающей преимущественную силу какого-либо определенного договора над другими договорами, за исключением статьи 103 Устава. Комиссия считала, что основной вопрос, который не зависит от наличия или отсутствия такой статьи, состоит в том, влияет ли заключение договора, предусматривающего обязательства "взаимозависимого"

/...

или "интегрального" характера[117/], на действительную способность каждого участника в одностороннем порядке вступать в последующий договор, содержащий отступление от этих обязательств, или оставляет эту проблему проблемой международной ответственности за нарушение договора. Этот вопрос встает в связи с правилом, содержащимся в подпункте c пункта 4 статьи и рассматривается ниже в пунктах 12 и 13.

9) Пункт 3 определяет общее правило для случаев, когда все участники какого-либо договора (совместно с третьими государствами, или без них) заключают впоследствии новый договор по тому же самому вопросу. Этот пункт следует рассматривать совместно со статьей 56, которая предусматривает, что в таких случаях предыдущий договор должен считаться прекращенным, если a) из договора явствует или устанавливается каким-либо другим образом, что стороны решили, что вопрос в будущем должен регулироваться последующим договором, или b) положения последующего договора настолько несовместимы с положениями предыдущего договора, что невозможно применять одновременно

117/ По определению предыдущего специального докладчика (Sir Gerald Fitzmaurice, Third Report in the Yearbook of the International Law Commission, 1958, vol. II, article 19 and commentary) договором, содержащим обязательства "взаимозависимого типа", является такой договор, в котором обязательства каждой стороны имеют значение только в контексте соответствующих обязательств каждой другой стороны; поэтому нарушение обязательств одной стороны наносит ущерб договорному режиму, применимому в отношениях между всеми участниками, а не только в отношениях между нарушающим государством и другими сторонами. Приведенные докладчиком примеры касались договоров о разоружении, договоров о запрещении использования отдельных видов оружия, договоров, требующих отказа от ведения рыболовства в определенных районах в течение определенного времени года и т.д. Тот же специальный докладчик определил договор, содержащий обязательства "интегрального типа" как договор, в котором "сила обязательства существует сама по себе, абсолютна и неотъемлема для каждой стороны и не зависит от соответствующего выполнения его другими сторонами". Приведенные им примеры касались Конвенции о геноциде, конвенций о правах человека, Женевских конвенций 1949 года об обращении с военнопленными и т.д., конвенций Международной организации труда и договоров, обязывающих поддерживать определенный режим или систему в каком-либо определенном районе, как, например, режим проливов Зунд и Бельт при входе в Балтийское море.

/...

оба договора. Второй пункт статьи предусматривает, однако, что действие договора считается лишь приостановленным, если из договора следует или иным путем установлено, что таково было желание его участников. Настоящая статья применяется тогда, когда оба договора находятся в силе и действуют, иными словами, если прекращение или временное приостановление действия договора не имело места в соответствии со статьей 56. В пункте 3, в соответствии с общим правилом о том, что последующее выражение намерения должно считаться превалирующим над ранее выраженным намерением, говорится в этом случае, что "предыдущий договор применяется только в той мере, в какой его постановления совместимы с постановлениями последующего договора".

10) В пункте 4 рассматривается более сложная проблема случаев, когда некоторые, но не все участники предыдущего договора являются участниками последующего договора по тому же самому вопросу. В таких случаях правило статьи 30 запрещает участникам последующего договора лишать других участников предыдущего договора их прав по этому договору без их согласия. В соответствии с этим, кроме вопроса о том, должен ли подчиняться особому правилу случай с предыдущим договором, содержащим обязательства "взаимозависимого" или "интегрального" характера, Комиссии казалось, что обычно применяемые правила в таких случаях автоматически действуют следующим образом:

a) между государствами-участниками обоих договоров применяется то же правило, что и в пункте 3;

b) между государством-участником обоих договоров и государством-участником только предыдущего договора предыдущий договор регулирует их взаимные права и обязанности;

c) между государством-участником обоих договоров и государством-участником только последующего договора последующий договор регулирует их права и обязанности.

Правила, содержащиеся в подпунктах a и c, также являются не чем иным, как применением общего принципа, гласящего, что последующее выражение намерения должно считаться превалирующим над предыдущим; и подпункт b

является не чем иным, как особым применением правила, содержащегося в статье 30. Комиссия отметила, что эти правила являются правилами, применяющимися в случаях изменения какого-либо многостороннего договора, как это было в случае с протоколами Организации Объединенных Наций о пересмотре договоров Лиги Наций[118/], когда не все участники договора становятся участниками соглашения, содержащего изменения. 11) Пункт 4 определяет взаимные права и обязанности определенных сторон в каждой отдельной ситуации лишь как права и обязанности между ними самими. Они не освобождают никакого участника договора от каких-либо международных обязанностей, как этот участник может считать, заключая или применяя договор, положения которого несовместимы с его обязательствами по отношению к другому государству в соответствии с другим договором. Если заключение или применение договора является нарушением прав участников другого договора, в отношении этого другого договора применяются все обычные последствия нарушения договора. Потерпевшая сторона может сослаться на свое право прекратить или приостановить действие договора в соответствии со статьей 57; она равным образом может сослаться на международную ответственность стороны, которая нарушила ее права. В соответствии с этим в пункте 5 содержится ясно выраженная оговорка в отношении обоих этих вопросов, в то же время она содержит оговорку в отношении положений статьи 37, касающейся изменения inter se многосторонних договоров. В этих положениях формулируются условия, в соответствии с которыми может быть выработано соглашение об изменении действия какого-либо многостороннего договора лишь между некоторыми его участниками, и ничто в пункте 4 настоящей статьи не должно пониматься как лишающее эти положения силы.

118/ См.резолюции Генеральной Ассамблеи, касающиеся права договоров (A/CN.4/154), pp.19-29.

12) В свете замечаний правительств Комиссия пересмотрела вопрос о том, должен ли предыдущий договор, содержащий обязательства "взаимозависимого" или "интегрального" типа, составлять особый случай, при котором последующий договор, несовместимый с предыдущим, должен считаться недействительным, во всяком случае, если все участники последующего договора знали о том, что они нарушают права других государств, вытекающие из предыдущего договора. В подобной же плоскости эта проблема была поставлена перед Комиссией специальным докладчиком в его втором докладе[119], соответствующие выдержки из которого были воспроизведены в целях информации в пункте 14 комментария Комиссии к данной статье, содержащегося в ее докладе о работе ее шестнадцатой сессии[120]. Не высказывая своего мнения относительно подробного рассмотрения, предложенного специальным докладчиком, Комиссия хотела в настоящем комментарии обратить внимание на его анализ некоторых аспектов проблемы.

13) Некоторые члены Комиссии были склонны одобрить идею о создании особого правила для случая, когда предыдущий договор содержал обязательства "взаимозависимого" или "интегрального" характера, во всяком случае, если участники последующего договора знали о его несовместимости с предыдущим договором. Однако Комиссия отметила, что в соответствии с существующим правом вопрос, очевидно, остается проблемой международной ответственности, если какой-либо участник договора такого типа впоследствии заключает другой договор, нарушающий его. Комиссия также отметила, что обязательства "взаимозависимого" или "интегрального" характера могут значительно отличаться друг от друга по важности. Некоторые, хотя они и важны в своих областях, могут касаться исключительно технических вопросов; другие могут касаться

119/ Комментарий к статье 14 этого доклада, пункты 6-30; Yearbook of the International Law Commission, 1963, vol. II, pp.54-61.

120/ Yearbook of the International Law Commission, 1964, vol. II, pp.189-191.

жизненно важных вопросов, таких как поддержание мира, ядерные испытания или права человека. Комиссия отметила, что в некоторых случаях обязательства по своей сути могут носить характер jus cogens и в таком случае вопрос подпадает под положения статей 50 и 61. Однако Комиссия считала, что в других случаях она должна оставить этот вопрос как вопрос о международной ответственности. В то же время, как это указывалось раньше, с тем чтобы ни в коем случае не допустить впечатления, что подпункт c пункта 4 оправдывает заключение последующего договора, Комиссия решила переработать формулировку статьи, чтобы она касалась преимущественной силы заключенных последовательно договоров по одному и тому же вопросу, а не договоров, имеющих несовместимые положения. Заключение последующего договора может, конечно, быть абсолютно законным, если он лишь развивает или дополняет предыдущий договор.

Раздел 3. Толкование договоров

Статья 27[121]

Общее правило толкования

1. Договор должен толковаться добросовестно на основании обычного значения, придаваемого терминам договора в контексте, а также в свете задач и целей договора.

2. Контекст с точки зрения толкования договора включает, кроме текста, преамбулу и приложения:

a) любое соглашение, касающееся договора, которое было достигнуто между всеми участниками в связи с заключением договора;

b) любой документ, составленный одним или несколькими участниками в связи с заключением договора и принятый другими участниками в качестве документа, относящегося к договору.

3. Наряду с контекстом учитывается:

a) всякое последующее соглашение между участниками относительно толкования договора;

b) всякая последующая практика применения договора, которая устанавливает согласие участников относительно его толкования;

c) всякие относящиеся к договору нормы международного права, применяемые в отношениях между участниками.

4. Особое значение придается термину в том случае, если установлено, что участники так решили[122].

Статья 28[123]

Дополнительные средства толкования

Возможно обращение к дополнительному средству толкования, в том числе к подготовительным материалам для договора и к

121/ Проект 1964 года, статья 69.

122/ Проект 1964 года, статья 71.

123/ Проект 1964 года, статья 70.

/...

обстоятельствам его заключения, чтобы подтвердить значение, вытекающее из применения статьи 27, или определить значение, когда толкование в соответствии со статьей 27:

a) оставляет значение двусмысленным или неясным; или

b) приводит к результатам, которые являются явно абсурдными или неразумными.

Комментарий

Введение

1) Иногда ставится под сомнение польза самого существования норм международного права, регулирующих толкование договоров. Первые два специальных докладчика Комиссии по праву договоров в своих работах также выражали сомнение относительно существования в международном праве каких-либо общих норм толкования договоров. Другие юристы, хотя и делали оговорки относительно обязательного характера некоторых так называемых правил толкования, с меньшими колебаниями признают существование некоторых общих норм толкования договоров. Предыдущий специальный докладчик по праву договоров сэр Дж. Фицморис в своих работах вывел из практики Постоянной палаты международного правосудия и Международного Суда шесть принципов, которые он считал основными принципами толкования. В 1956 году Институт международного права[124/] принял резолюцию, где в несколько осторожных выражениях сформулировал две статьи, содержащие ряд основных принципов толкования.

2) В известной мере юристы расходятся также в своем принципиальном подходе к толкованию договоров в зависимости от того значения, которое они придают:

a) тексту договора, как подлинному выражению намерения сторон;

b) намерению сторон, как субъективному элементу, отличному от текста; и

c) выраженным в договоре или вытекающим из него задачам и целям.

124/ Annuaire de l'Institut de droit international, vol. 46 (1956), p. 359.

Некоторые из них особое внимание обращают на намерение сторон и вследствие этого допускают свободное использование "travaux préparatoires" и других доказательств намерений договаривающихся сторон в качестве средства толкования. Другие авторы придают большое значение задачам и целям договора и в итоге более склонны, в особенности в случае с генеральными многосторонними договорами, допускать телеологическое толкование текста, которое выходит за пределы или даже расходится с истинными намерениями сторон в том виде, в каком они выражены в тексте. Однако большинство юристов подчеркивает первостепенное значение текста в качестве основы для толкования договора, уделяя в то же время некоторое внимание внешним доказательствам намерений сторон и задачам и целям договора как средству толкования. Именно эта точка зрения нашла отражение в резолюции 1956 года Института международного права, о которой упоминалось в предыдущем пункте.

3) Большинство дел, представленных на международное судебное рассмотрение, касается толкования договоров, и практика международных судов богата ссылками на принципы и положения толкования. Фактически, в решениях международных судов можно найти заявления, поддерживающие применение почти всех принципов или положений, которые служат для толкования законов и контрактов в национальных правовых системах. Толкование договоров является, конечно, также частью повседневной деятельности министерств иностранных дел.

4) Таким образом, можно было бы найти достаточно доказательств применения принципов и положений в международной практике для оправдания их включения в кодификацию права договоров, если бы речь шла лишь об определении их значения в международном плане. Однако вопрос, поставленный юристами, касается скорее необязательного характера многих из этих принципов и положений. В большинстве случаев это принципы логики и здравого смысла, которые представляют ценность лишь как руководящие принципы для определения значения, которое стороны могли бы придать выражениям, употребляемым ими в каком-либо документе. Возможность использования этих принципов в каждом конкретном случае зависит от целого ряда соображений, которые истолкователь документа

/...

должен вначале взвесить: конкретное расположение слов и предложений, связь между ними и другими частями документа, общий характер и предмет документа, обстоятельства, при которых он был составлен, и т.д. Даже когда кажется, что представляется возможность использовать их, их применение не является автоматическим, а зависит от убежденности истолкователя в необходимости прибегнуть к ним при данных обстоятельствах дела. Другими словами, применение многих из этих принципов скорее произвольно, чем обязательно, и истолкование документов является в известной мере искусством, а не точной наукой.

5) Любая попытка кодифицировать условия применения принципов толкования, целесообразность использования которых зависит в каждом конкретном случае от специфики текста и субъективной оценки различных обстоятельств, была бы явно нежелательна. Поэтому Комиссия стремилась лишь выделить и кодифицировать сравнительно ограниченное число общих принципов, которые, по-видимому, устанавливают общие правила толкования договоров. Известно, что формулировка даже этих правил - нелегкая задача, однако Комиссия считала, что есть веские основания попытаться сделать это. Прежде всего необходимо, чтобы договоры толковались добросовестно и в соответствии с правом, чтобы правило "pacta sunt servanda" сохранило какой-либо реальный смысл. Во-вторых, учитывая различные мнения относительно методов толкования, казалось желательным, чтобы Комиссия заняла четкую позицию в отношении роли текста при толковании договора. В-третьих, ряд статей, принятых Комиссией, содержит положения, в которых проводится различие между вопросами, ясно оговариваемыми в договоре, и вопросами, подразумеваемыми в нем в результате упоминания намерения сторон; и ясно, что действие таких положений может быть полностью оценено и определено лишь в свете средств толкования, которые можно использовать, чтобы установить намерения сторон. Кроме того, достижение определенной степени согласия в отношении основных правил толкования имеет значение не только для применения, но также и для составления договоров.

6) Некоторые юристы, определяя принципы толкования договоров, желают различия между договорами, имеющими силу законов, и прочими договорами, и справедливо, что характер договора может влиять на вопрос о том, подходит ли в данном конкретном случае применение определенного принципа, нормы или метода толкования (например принцип "contra proferentem" или использование "travaux préparatoires"). Однако в целях формулирования общих правил толкования Комиссия не считала необходимым проводить такое различие. Она также не считала, что принцип, выраженный в положении "ut res magis valeat quam pereat", должен быть использован в качестве одного из общих правил. Комиссия признала, что в определенных обстоятельствах использование принципа может быть уместным и что к нему иногда прибегал Международный Суд. Например в деле "Corfu Channel"[125/], давая толкование Специальному соглашению, Суд отметил, что:

> "Утверждение о том, что такого рода положение, встречающееся в Специальном соглашении, теряет свой смысл и содержание, практически противоречит общепризнанным правилам толкования".

И Суд сослался на прежнее решение, принятое в том же духе, Постоянной палаты международного правосудия по делу Free Zones of Upper Savoy and the District of Gex[126/]. Однако Комиссия придерживалась мнения, что в той мере, в которой выражение "ut res magis valeat quam pereat" отражает действительное общее правило толкования, оно входит в пункт 1 статьи 27, который требует, чтобы договор толковался добросовестно на основе обычного значения, придаваемого терминам договора в контексте, а также в свете задач и целей договора. Когда договор допускает два толкования, из которых одно позволяет, а другое не позволяет договору иметь соответствующее влияние, добросовестность и задачи и цели договора требуют, чтобы применялось первое толкование. Будучи соответствующим образом ограничено и применено, это положение не

125/ I.C.J. Reports 1949, p. 24.

126/ P.C.I.J. (1929), Series A No.22, p. 13; cf. Acquisition of Polish Nationality, P.C.I.J. (1923), Series B No.7, pp.16-17, и Exchange of Greek and Turkish Populations, P.C.I.J. (1925), Series B No.10, p. 25. /...

требует "расширительного" или "свободного" толкования в том смысле, что оно идет дальше того, что уже выражено или должно подразумеваться условиями договора. В соответствии с этим Комиссия не считала нужным включать в проект отдельное положение по этому вопросу. Кроме того, такое положение могло бы вызвать попытки незаконного расширения смысла договоров на основе так называемого принципа "эффективного толкования". Суд, который, конечно, не придерживался ограниченной точки зрения относительно пределов, до которых следовало бы подразумевать скрытый смысл в договорах, тем не менее подчеркнул, что существуют определенные границы использования для этой цели принципа ut res magis valeat. В своем консультативном заключении[127] относительно толкования мирных договоров Суд заявил:

> "Принцип толкования, выраженный в положении ut res magis valeat quam pereat, часто именуемый как принцип эффективности, не может служить оправданием действий Суда по трактовке положений об урегулировании споров, включенных в мирные договоры, в том смысле, который противоречил бы их букве и духу".

И Суд подчеркнул, что принять толкование, которое противоречит ясному значению терминов договора, означало бы не толковать, а пересматривать договор.

7) На своей сессии в 1964 году Комиссия предварительно приняла три статьи (69-71), которые в целом касались толкования договоров, и две статьи, касающиеся договоров, составленных на нескольких языках. Попытка Комиссии выделить и кодифицировать основные правила толкования в целом была одобрена правительствами в их замечаниях, и правила, содержащиеся в ее проекте, по-видимому, нашли широкую поддержку у этих правительств. Однако, учитывая замечания правительств, а также следуя своей обычной практике сокращения и совершенствования проекта, Комиссия свела эти пять статей в три, включив бывшую статью 71 (термин, употребляемый в особом значении) в статью, носившую тогда номер 69 (общие правила толкования), и слив статьи, бывшие тогда 72 и 73 (договоры, составленные на нескольких языках), в единую статью.

127/ I.C.J. Reports 1950, p. 229.

/...

За исключением этих изменений, правила, предлагаемые сейчас Комиссией, по существу не отличаются по своему общему строению и смыслу от тех правил, которые были разосланы правительствам в 1964 году.

8) Учитывая некоторые замечания правительств, Комиссия нашла желательным подчеркнуть свою концепцию о взаимоотношениях различных элементов толкования статьи 27, а также об отношениях между этими элементами и теми, которые содержатся в статье 28. Казалось, что эти замечания свидетельствуют о возможных опасениях, что последовательные пункты статьи 27 могут быть поняты как создающие определенную последовательность применения различных элементов толкования, содержащихся в статье. Озаглавив статью "Общее правило толкования" и поставив слово "правило" в единственном числе и, подчеркивая связь между пунктом 1 и 2, а также между пунктом 3 и двумя предшествующими пунктами, Комиссия имела целью указать, что применение средств толкования в статье должно быть единым общим мероприятием. Все различные элементы, в том виде, в каком они присутствуют в любом данном случае, могут быть применены совместно, и их взаимодействие даст законно обоснованное толкование. Поэтому, статья 27 озаглавлена "Общее правило толкования"в единственном числе, а не "Общие правила" во множественном числе, так как Комиссия хотела подчеркнуть, что процесс толкования един и что положения статьи образуют единое, взаимосвязанное правило. Таким же образом слово "контекст" и первая фраза пункта 2 имели целью связать все элементы толкования, упомянутые в данном пункте, со словом "контекст", стоящим в первом пункте, и таким образом, ввести их в положение, содержащееся в этом пункте. Равным образом, первая фраза пункта 3 "наряду с контекстом учитываются" имеет целью связать с пунктом 1 элементы толкования, перечисленные в пункте 3. Если положение пункта 4 (статья 71 проекта 1964 года) имеет другой характер, то слово "особое" имеет целью указать на его связь с правилом, сформулированным в пункте 1.

9) Комиссия пересмотрела строение статьи 27 в свете замечаний правительств и рассмотрела другие возможные варианты. Однако она пришла к выводу, что в связи с переносом положения, касающегося правил международного права, из пункта 1 в пункт 3 и добавлением бывшей статьи 71 в качестве пункта 4 общее строение статьи должно быть сохранено в том виде, как оно было принято предварительно в 1964 году. Она считала, что если статью рассматривать в целом, то никак нельзя считать, что она устанавливает правовую последовательность норм для толкования договоров. Элементы толкования в статье должны, естественно, быть построены в каком-то порядке. Однако, предлагая построение статьи, Комиссия руководствовалась соображениями логики, а не какой-то обязательной правовой последовательности. Коль скоро установлено, - и Комиссия была единодушна по этому вопросу - что отправной точкой толкования является значение текста, логика подсказывает, что первый элемент, который следует упомянуть, должен состоять в том, что договор истолковывается на основании "обычного значения, придаваемого терминам договора в контексте, а также в свете задач и целей договора". Точно так же логика подсказывает, что следующими должны упоминаться элементы, содержащиеся в слове "контекст", поскольку они составляют часть текста или тесно связаны с ним. Подобным же образом именно логика подсказывает, что элементы, содержащиеся в пункте 3, - последующее соглашение относительно толкования договора, всякая последующая практика, устанавливающая согласие участников относительно толкования договора, и всякие относящиеся к договору нормы международного права, применяемые в отношениях между участниками, - должны следовать за элементами предыдущих пунктов, а не предшествовать им. Логическое суждение, лежащее в основе этого, состоит в том, что эти элементы несвойственны тексту. Однако все эти три элемента носят обязательный характер и по самой своей природе не могут считаться формами толкования, в какой бы то ни было степени подчиненными по отношению к тем, которые предшествуют им.

10) В свете замечаний правительств Комиссия также пересмотрела отношение между дальнейшими (дополнительными) средствами толкования, упоминавшимися в бывшей статье 70, и теми средствами, которые содержались в бывшей статье 69, обратив особое внимание на роль подготовительной работы как элемента толкования. Хотя лишь несколько правительств высказались за придание большего значения подготовительной работе и даже за включение ее в нынешнюю статью, большинство правительств, по-видимому, согласно с мнением Комиссии по этому вопросу. Некоторые члены Комиссии также высказывались за создание системы, которая придавала бы автоматически большее значение подготовительной работе и другим дополнительным средствам в процессе толкования. Однако Комиссия считала, что взаимоотношение, установленное между "дополнительными" элементами толкования в нынешней статье 28 и теми, которые содержатся в статье 27, - что соответствует практике Международного Суда в этой области, - до жно быть сохранено. Все элементы толкования статьи 27 связаны с согласием между сторонами в момент или после того, как оно нашло аутентичное отражение в тексте. Ex hypothesi это не относится к подготовительной работе, которая не имеет, следовательно, аутентичного характера в качестве элемента толкования, какой бы ценной она иногда ни была в освещении выражения согласия в тексте. Кроме того, несомненно, отчеты о переговорах о заключении договора во многих случаях бывают неполными или вводящими в заблуждение, поэтому участники должны пользоваться значительной свободой в определении их ценности в качестве элемента толкования. Поэтому Комиссия считала, что различие, сделанное в статьях 27 и 28 между основными и дополнительными средствами толкования, как оправдано, так и желательно. В то же время она отметила, что положение статьи 28 ни в коей мере не оправдывает проведение резкого разграничения между "дополнительными" средствами толкования и теми средствами толкования, которые включены в статью 27. Тот факт, что в статье 28 признается возможность обращения к дополнительным средствам толкования в целях "подтверждения" значения, вытекающего из применения статьи 27, устанавливает общую связь между двумя статьями и сохраняет единство процесса толкования.

/...

Комментарий к статье 27

11) Как уже указывалось, статья основана на мнении, согласно которому необходимо исходить из предпосылки, что текст является подлинным выражением намерений сторон и что, следовательно, отправной точкой толкования является определение значения текста, а не обнаружения ab initio, каковы были намерения сторон. Институт международного права принял этот - текстуальный - подход к толкованию договоров. Возражения против слишком широкого применения метода выяснения намерения сторон, как независимой основы толкования, нашли свое отражение в рабочих документах Института. С другой стороны, в пользу текстуального метода говорит тот факт, что, как заявил об этом один из видных деятелей в области международного права[128/], "подписанный текст является, за редким исключением, единственным и ближайшим выражением совместного намерения сторон". Кроме того, практика Международного Суда содержит ряд решений, на основании которых можно заключить, что Суд рассматривает толкование договоров путем применения текстуального метода как установленный закон. В частности, Суд неоднократно подчеркивал, что задача толкования заключается не в пересмотре договоров и не в выявлении того, чего в них не содержится ни явно, ни скрыто[129/].

12) Пункт 1 содержит три отдельных принципа. Первый принцип - принцип справедливого толкования - прямо вытекает из правила pacta sunt servanda. Второй принцип отражает саму суть текстуального подхода: предполагается, что стороны исходят из намерения, которое вытекает из обычного значения применяемых ими терминов. Третий принцип одновременно сочетает в себе требование разумности и добросовестности; обычное значение термина определяется не абстрактно, а исходя из контекста договора и с учетом его задач и целей. Эти принципы неоднократно подтверждались Международным Судом. Нынешний состав Суда в своем консультативном заключении о Competence of the General Assembly for the Admission of a State to the United Nations заявил[130/]:

128/ Annuaire de l'Institut de droit international vol.44, tome 1 (1952), p.199.

129/ Например, в деле United States Nationals in Morocco, I.C.J. Reports 1952, pp.196 and 199.

130/ I.C.J. Reports 1950, p.8.

"Суд считает необходимым заявить, что первым долгом Суда, призванного дать толкование и применить положения договора, является то, что он должен попытаться показать их значение согласно первоначальному и обычному смыслу этих положений, взятых в контексте. Если соответствующие слова в их первоначальном и прямом значении имеют смысл в контексте, то можно считать, что вопрос ясен".

И Постоянная палата международного правосудия в одном из своих первых консультативных заключений[131/] подчеркнула, что контекст состоит не только из статьи или раздела договора, в котором встречается термин, а из договора в целом:

"При рассмотрении Судом вопроса о языке договора очевидно, что договор должен читаться в целом и что его смысл не следует определять на основании нескольких фраз, которые, будучи оторваны от контекста, могут быть истолкованы по-разному".

И в данном случае Суд неоднократно прибегал к определению задач и целей договора в преамбуле для толкования определенного положения[132/].

13) В пункте 2 делается попытка определить содержание понятия "контекст" в целях толкования договора. Тот факт, что преамбула является составной частью договора в целях его толкования, абсолютно ясен и не требует комментариев; дело обстоит точно так же с документами, которые составляют особые приложения к договору. Вопрос заключается в том, в какой мере другие документы, связанные с договором, должны рассматриваться в целях толкования в качестве составной части "контекста" договора. В пункте 2 предлагается отнести к этой категории два типа документов: a) любое соглашение, касающееся договора, которое было достигнуто между всеми участниками в связи с заключением договора; и b) любой документ, составленный в связи с заключением договора и принятый другими участниками в качестве документа, относящегося к договору. Принцип, на котором основано это положение, состоит в том, что односторонний документ может считаться составной частью "контекста" в смысле статьи 27 лишь в том случае, если он не

131/ Competence of the I.L.O. to Regulate Agricultural Labour, P.C.I.J. (1922), Series B Nos.2 and 3, p. 23.

132/ Например, дело United States Nationals in Morocco I.C.J. Reports 1952, pp. 183-4 and pp. 197-8.

/...

только составлен в связи с заключением договора, но и его связь с договором была признана таким же образом другими участниками. С другой стороны, тот факт, что эти два типа документов признаются в пункте 2 составной частью "контекста", не означает, что они обязательно должны рассматриваться как неотъемлемая часть договора. Вопрос о том, действительно ли они являются составной частью договора, зависит от намерения сторон в каждом конкретном случае[133]. То, что предлагается в пункте 2, означает, что в целях толкования договора эти категории документов должны рассматриваться не как простые доказательства, к которым можно прибегать для устранения двусмысленности или неясности, а как часть контекста, предназначенная для установления обычного значения, придаваемого терминам договора.

14) Подпункт (а) пункта 3 определяет в качестве следующего аутентичного элемента толкования, который следует принять во внимание вместе с контекстом, любое последующее соглашение между участниками относительно толкования договора. Иногда может возникнуть вопрос, предполагается ли, что взаимопонимание, достигнутое в результате переговоров о значении положения, является согласованной основой для его толкования[134]. Однако хорошо известно, что в том случае, когда установлено, что соглашение относительно толкования термина достигнуто до или в момент заключения договора, оно должно рассматриваться как составная часть договора. Так по делу Ambatielos[135] Суд заявил следующее: "... положения Декларации имеют характер положений о толковании и как таковые должны рассматриваться в качестве составной части договора...". Подобным же образом соглашение о толковании положения, достигнутое после заключения договора, представляет собой аутентичное толкование сторонами, которое должно быть внесено в договор в целях его толкования.

133/ Дело Ambatielos (Preliminary Objection), I.C.J.Reports 1952.pp.43 and 75.

134/ Ср. дело Conditions of Admission of a State to Membership in the United Nations (Article 4 of the Charter), I.C.J.Reports 1948,p.63.

135/ (Preliminary Objection), I.C.J. Reports 1952. p. 44.

15) Подпункт (b) пункта 3 таким же образом характеризует в качестве элемента, который следует принимать во внимание вместе с контекстом, "всякую последующую практику применения договора, которая устанавливает согласие участников относительно его толкования". Значение такой последующей практики в применении договора в качестве элемента толкования очевидно, так как она является объективным доказательством взаимопонимания сторон в вопросе о значении договора[136/]. В качестве средства толкования она широко используется международными судами. В своем консультативном заключении о Competence of the ILO to Regulate Agricultural Labour[137/] Постоянная палата международного правосудия заявила:

> "Если возникает неясность, Суд, с целью установления подлинного значения текста, может рассмотреть те действия, которые были предприняты в соответствии с договором".

Одновременно Палата[138/] указала на последующую практику в подтверждение значения, которое она вывела из текста и которое она считала ясным. Таким же образом Международный Суд заявил по делу о Corfu Channel[139/]:

136/ В деле Russian Indemnity Постоянная палата третейского суда указала: "... выполнение обязательств между государствами, равно как и между частными лицами, является наиболее надежным толкованием значения этих обязательств". Reports of International Arbitral Awards, vol. XI, p. 433. ("... the fulfilment of engagements between States, as between individuals, is the surest commentary on the effectiveness of those engagements". English translation from J.B. Scott, The Hague Court Reports (1916), p. 302).

137/ P.C.I.J. (1922) Series B No. 2,p. 39; см.также Interpretation of Article 3, paragraph 2, of the Treaty of Lausanne, P.C.I.J. (1925) Series B No.12, p. 24; дело Brazilian Loans, P.C.I.J.(1929) Series A No. 21,p. 119.

138/ Ibid.,pp. 40-41.

139/ I.CiJ. Reports 1949, p. 25.

"Из последующей позиции сторон вытекает, что при заключении Специального соглашения они не намеревались воспрепятствовать Суду установить сумму компенсации".

Ценность последующей практики изменяется в зависимости от того, насколько она показывает общее согласие сторон относительно значения терминов. Комиссия считала, что последующая практика, устанавливающая согласие сторон относительно толкования какого-либо договора, должна быть включена в пункт 3 как аутентичное средство толкования вместе с соглашениями о толковании. В тексте, принятом предварительно в 1964 году, говорилось о практике, которая "устанавливает согласие всех сторон". Опуская слово "всех", Комиссия не имела намерения изменить правила. Она считала, что выражение "согласие сторон" непременно должно означать "стороны в целом". Она опустила слово "все", чтобы просто избежать возможного неправильного представления о том, что каждая из сторон должна самостоятельно участвовать в практике, в то время как достаточно, чтобы она признала практику.

16) В подпункте (c) пункта 3 добавляются в качестве третьего элемента, который следует учитывать наряду с контекстом, "всякие относящиеся к договору нормы международного права, применяемые в отношениях между участниками". Этот элемент, как указывалось ранее, содержался в пункте 1 текста, принятого предварительно в 1964 году, в котором, в частности, говорилось, что обычное значение, которое следует придавать каждому термину в договоре, должно определяться "в свете норм общего международного права, действующих в период его заключения". Подчеркнутые слова отражали общий принцип, который гласит, что юридическое событие должно оцениваться в свете современного ему права. Когда данное положение обсуждалось на шестнадцатой сессии[140/], некоторые члены Комиссии высказали мнение, что оно не учитывает проблему влияния эволюции права на толкование правовых терминов в договоре и поэтому не отвечает необходимым требованиям. Некоторые правительства в своих замечаниях высказались в пользу этого положения, в то время

140/ Пункт 11 комментария к статьям 69-71; Yearbook of the International Law Commission, 1964, vol.II, pp. 202-203.

как другие критиковали его с различных точек зрения. При пересмотре положения Комиссия считала, что формулировка, использованная в тексте 1964 года, была неудовлетворительной, поскольку она лишь частично охватывала вопрос о так называемом интертемпоральном праве в его применении к толкованию договоров и могла, следовательно, привести к недоразумению. Комиссия также считала, что как бы то ни было отношение норм международного права о толковании договоров в любом данном случае зависит от намерений сторон и что попытка сформулировать правила, всесторонне охватывающие временный элемент, может вызвать трудности. Она далее считала, что правильное применение элемента времени было бы в обычном порядке отражено путем добросовестного толкования термина. Поэтому Комиссия пришла к заключению о том, что она должна опустить элемент времени и пересмотреть ссылку на международное право, с тем чтобы она гласила: "всякие относящиеся к договору нормы международного права, применяемые в отношении между участниками". В то же время Комиссия решила перенести этот элемент толкования в пункт 3 как элемент, являющийся побочным по отношению как к тексту, так и к "контексту", как они определены в пункте 2.

17) Пункт 4 вносит в статью 27 содержание того, что было статьей 71 в тексте 1964 года. Он предусматривает несколько исключительный случай, когда - независимо от очевидного значения термина в его контексте - установлено, что участники решили придать ему особое значение. Некоторые члены Комиссии выражали сомнения в необходимости включать специальное положение по данному вопросу, хотя они и признавали, что участники договора довольно часто применяют какой-либо термин в техническом или другом особом значении. Они отмечали, что обычно контекст позволяет определить, был ли термин применен в техническом или особом смысле и такой особый или технический смысл становится, так сказать, обычным смыслом в конкретном контексте. Другие члены Комиссии, не оспаривая того, что технический или особый смысл часто может быть установлен, исходя из контекста, считали в какой-то степени целесообразным выработать особое правило по этому вопросу хотя бы для

того, чтобы подчеркнуть, что бремя доказательства лежит на стороне, которая применяет термин в особом значении. Они указали, что Постоянная палата неоднократно ссылалась на это исключение. В деле Legal Status of Eastern Greenland, например, Постоянная палата международного правосудия заявила:

> "Географическое значение слова "Гренландия", т.е. названия, которое обычно употребляется на картах для обозначения всего острова, должно рассматриваться как обычно значение слова. Если одна из сторон полагает, что этому слову следует придавать необычное или исключительное значение, то эта сторона должна обосновать свое утверждение"141/.

141/ P.I.C.J. (1933), Series A/B No.55, p.49.

/...

Комментарий к статье 28

18) Существует много решений в практике международных судов, в которых заявляется, что, когда обычное значение слов является ясным и соответствует контексту, нет необходимости прибегать к другим средствам толкования. Многие из таких заявлений относятся к использованию travaux préparatoires. Выдержка из консультативного заключения Международного суда относительно Competence of the General Assembly for the Admission of a State to the United Nations, приведенная в пункте 12 выше, является одним из примеров; другим примером является более ранее консультативное заключение Суда относительно Admission of a State to the United Nations[142]:

> "Суд считает текст достаточно ясным; изходя из этого, он не считает, что он должен отходить от обычной практики Постоянной палаты международного правосудия, согласно которой не следует прибегать к подготовительным документам, если текст соглашения достаточно ясен сам по себе".

Как уже отмечалось, Комиссия рассматривала проблему толкования договоров, исходя из того, что текст договоров сам по себе должен считаться аутентичным выражением намерений сторон и что толкование имеет целью скорее установить смысл текста, чем изучить ab initio предполагаемые намерения сторон. Она сформулировала статью 27 на этой основе, сделав обычное значение терминов, контекст договора, его цели и задачи, а также общие нормы международного права вместе с аутентичным толкованием договора сторонами основными критериями толкования договора. Тем не менее, она считала, что было бы нереалистично и неправильно утверждать проекте статей, что не следует ни в коем случае прибегать к таким побочным средствам толкования, как travaux préparatoires, до тех пор, пока применение правил, содержащихся в статье 27, не раскрыло ясного или разумного смысла. На практике международные суды так же, как государства и международные организации, прибегают к дополнительным средствам толкования и в особенности travaux préparatoires с целью подтверждения значения, которое, казалось бы, вытекает

142/ I.C.J. Reports 1948, p. 63.

из толкования договора в соответствии со статьей 27. Суд сам неоднократно ссылался на travaux préparatoires для подтверждения своих заключений относительно "обычного" значения текста. Например, в своем заключении относительно толкования Конвенции 1919 года о ночной работе женщин[143] Постоянная палата международного правосудия заявила"

> "Документы, относящиеся к заключению договоров подтверждают таким образом вывод, к которому приводит изучение текста Конвенции о том, что нет достаточных оснований для толкования статьи 3 иначе, чем в соответствии с естественным смыслом слов".

19) В соответствии с этим Комиссия решила определить в статье 28, что прибегать к дополнительным средствам толкования, включая документы, относящиеся к заключению договоров, можно в целях подтверждения смысла, вытекающего из применения статьи 27, и в целях определения смысла, когда толкование в соответствии со статьей 27 -

a) оставляет значение двусмысленным или неясным; или

b) приводит к результатам, которые являются явно абсурдными или неразумными.

Слово "дополнительные" подчеркивает, что статья 28 не предусматривает другие самостоятельные средства толкования, а лишь средства, оказывающие помощь при толковании, которое определяется принципами, содержащимися в статье 27. Подпунктом a допускается использование этих средств в целях определения смысла в тех случаях, когда нет ясного значения. Подпунктом b предоставляется та же возможность в тех случаях, когда толкование в соответствии со статьей 27 дает содержание, которое является "явно абсурдным или неразумным". Суд признал[144] это исключение из правил, согласно которому основную роль должен играть обычный смысл терминов. С другой стороны, есть небольшое число случаев, в которых он допустил это исключение, что подтверждает, что он рассматривает это исключение допустимым лишь

143/ P.C.I.J. (1932) Series A/B No. 50, p. 380; cf. the Serbian and Brazilian Loans cases, P.C.I.J. (1929) Series A Nos.20-21, p. 30.

144/ e.g. Polish Postal Service in Danzig, P.C.I.J. (1925) Series B.No.11, p.39; Competence of the General Assembly for the Admission of a State to the United Nations, I.C.J. Reports 1950, p.8.

/...

в случаях, когда абсурдный или неразумный характер "обычного" смысла очевиден. Комиссия считала, что применение этого исключения должно быть строго ограничено, с тем чтобы ненужным образом не ослабить силу обычного значения терминов. В соответствии с этим подпункт b касается лишь случаев, в которых толкование в соответствии со статьей 27 приводит к результатам, которые являются явно абсурдными или неразумными.

20) Комиссия не считала, что можно было бы что-нибудь выиграть, пытаясь дать определение travaux préparatoires; и в самом деле, такая попытка могла бы привести лишь к возможному исключению соответствующего доказательства. Комиссия также рассмотрела вопрос о том, что является в соответствии со статьей основанием для использования travaux préparatoires в случае многосторонних договоров: один только факт участия государств в переговорах или же - в качестве альтернативы - лишь факт опубликования подготовительных документов. В деле Territorial Jurisdiction of the International Commission of the River Oder case[145/] Постоянная палата международного правосудия исключила из рассматриваемых материалов travaux préparatoires, касающиеся некоторых положений Версальского договора, на том основании, что три государства, являвшиеся сторонами в деле, не участвовали в конференции, которая выработала Версальский договор; принимая это решение, Постоянная палата специально отказалась проводить различие между опубликованными и неопубликованными документами. У Комиссии, однако, были сомнения относительно того, соответствовало ли это решение действительной практике, касающейся использования travaux préparatoires в случаях, когда речь идет о многосторонних договорах, открытых для присоединения государств, не принимавших участия в конференциях, на которых эти договоры вырабатывались. Кроме того, принцип, который лежит в основе этого решения, не является, по-видимому, настолько обязательным, как это может показаться при рассмотрении формулировок Суда по данному делу. Государство, присоединяющееся к договору, в

145/ P.C.I.J.(1929), Series A. No. 23.

составлении которого оно не принимало участия, имеет полное право ознакомиться, если оно сочтет нужным, с travaux préparatoires, прежде чем присоединиться к договору. Также представляется, что это правило было бы трудно применимо на практике, учитывая большое число важных многосторонних договоров, открытых для присоединения всех государств. Эти соображения относятся как к неопубликованным, но доступным travaux préparatoires, так и к тем, которые были опубликованы; когда же речь идет о двусторонних договорах или о "закрытых" договорах между государствами, составляющими небольшую группу, неопубликованные travaux préparatoires обычно доступны всем сторонам. В соответствии с этим Комиссия приняла решение о том, что ей не следует включать в эту статью какое-либо специальное положение относительно использования travaux préparatoires в случаях, когда речь идет о многосторонних договорах.

Статья 29[146/]

Толкование договоров, заключенных на двух или более языках

1. Если договор аутентичен на двух или более языках, его текст имеет одинаковую силу на каждом языке, если в договоре не предусматривается или стороны не согласились, что в случае расхождения во мнениях преимущественную силу будет иметь один из указанных текстов.

2. Вариант договора на языке, отличающемся от тех, на которых текст аутентичен, считается аутентичным текстом только в том случае, если так обусловлено в договоре или если так решили участники.

3. Предполагается, что термины договора имеют одинаковое значение в каждом аутентичном тексте. За исключением случаев, упомянутых в пункте 1, когда сравнение текстов обнаруживает расхождение значений, которое не устраняется применением статей 27 и 28, принимается значение, которое, насколько это возможно, сближает тексты.

Комментарий

1) Составление договоров на двух или более языках становится весьма распространенным явлением, а после возникновения Организации Объединенных Наций число генеральных многосторонних договоров,

---

146/ Проект 1964 года, статьи 72 и 73.

вырабатываемых или составляемых в окончательном виде на пяти языках, стало довольно значительным. Когда договор составлен на нескольких языках, между текстами на различных языках может быть - а может и не быть - различие в положениях в целях толкования. Каждый текст может иметь статус аутентичного текста договора; или же один или несколько из них могут быть просто "официальным текстом", т.е. текстом, который был подписан государствами-участниками переговоров, но который не был принят как авторитетный[147/], или же один или несколько из них могут являться лишь "официальными переводами", т.е. переводами, подготовленными сторонами или одним из правительств, или органом какой-либо международной организации.

2) Сегодня большинство более официальных договоров содержит специальное положение, определяющее статус текстов на различных языках. Когда такого положения нет, кажется, что широко применяется порядок, согласно которому каждый язык, на котором договор "был составлен", должен рассматриваться как аутентичный и, следовательно, как авторитетный для целей толкования. Другими словами, при отсутствии любого иного положения общим правилом является равенство языков и одинаковая аутентичность текстов. Формулируя это общее правило, Комиссия в пункте 1 ссылается скорее на языки, на которых текст договора был "установлен аутентичным", чем на те языки, на которых он был "составлен" или "принят". При этом речь шла о принятии во внимание статьи 9 нынешнего проекта статей, в которой Комиссия признала "установление подлинности текста" как отдельную процедуру в процессе заключения договора.

147/ Например, итальянский текст Мирного договора с Италией является "официальным", но не "аутентичным", поскольку статья 90 определяет лишь французские, английские и русские тексты как аутентичные.

3) Положение, содержащееся в пункте 1, необходимо по двум причинам. Во-первых, иногда в договорах содержится специальное положение о том, что лишь определенные тексты должны считаться авторитетными, как это имело место в случае с Мирными договорами, заключенными после второй мировой войны, в которых французский, английский и русский тексты рассматриваются как аутентичные, в то время как тексты на итальянском, болгарском, венгерском и других языках являются лишь "официальными"[148]. Известны также случаи, когда один текст на одном языке рассматривался как аутентичный между некоторыми участниками, а текст на другом языке - как аутентичный между другими участниками договора[149]. Во-вторых, договор, составленный на нескольких языках, может иметь положение о том, что в случае расхождения между текстами какой-то определенный текст будет иметь преимущественную силу. И действительно, нередко существует положение, когда договор, заключенный между двумя государствами, предусматривает аутентичный текст на третьем языке в случае возникновения противоречия, если язык одного государства не совсем понятен для другого, и если ни одно из государств не желает признавать превосходство языка другого. Примером этого может быть заключенный в 1957 году Договор о дружбе между Японией и Эфиопией[150], который был составлен на японском, амхарском и французском языках и в статье 6 которого говорилось о том, что французский текст является подлинным "en case de divergerce d'interprétation". Несколько особый случай представляют собой Сен-Жерменский, Нейиский и Трианонский мирные договоры, составленные на французском, английском и итальянском языках, в которых предусматривалось, что в случае расхождения французский текст имеет преимущественную силу, за исключением разделов I и XП, содержащих,

---

148/ См. Мирные договоры с Италией (статья 90), Болгарией (статья 38), Венгрией (статья 42), Румынией (статья 40) и Финляндией (статья 36).

149/ Например, Брест-Литовский договор 1918 года (статья 10).

150/ United Nations Treaty Series, vol.325, p. 300.

соответственно, Пакт Лиги Наций и статьи, касающиеся Международной организации труда.

4) Применение положений, дающих преимущественную силу определенному тексту в случае расхождений, может создать серьезную проблему, касающуюся точного момента в процессе толкования, при котором должно быть применено это положение. Должен ли применяться автоматически "основной" текст при появлении малейшего различия в редакции текстов? Или следует прибегать сначала ко всем или, по крайней мере, к некоторым обычным средствам толкования, чтобы попытаться совместить тексты, прежде чем делать вывод о наличии "противоречия"? Практика международных судов дает не совсем ясный ответ для решения этой проблемы. Иногда суд просто сразу же применял "основной" текст, не разбирая вопроса о том, действительно ли имело место расхождение между аутентичными текстами, как это сделала Постоянная палата международного правосудия в деле о толковании Нейиского договора[151/]. Иногда суд проводил некоторое сравнение по крайней мере различных текстов, пытаясь определить намерение сторон[152/]. Такой же метод применил Верховный суд Польши в деле Archdukes of the Habsburg-Lorraine House v. The Polish State Treasury[153/]. Речь прежде всего идет о намерении сторон при включении положения в договор, и Комиссия сомневалась, вправе ли она пытаться решать проблему при формулировании общих правил толкования. Поэтому Комиссия считала достаточным ограничиться внесением в пункт 1 общей оговорки в отношении случаев, когда в договоре содержалось положение такого рода.

5) Пункт 2 содержит положение, предусматривающее случаи, когда текст договора, аутентичность которого не установлена в смысле статьи 9, тем не менее определяется договором или принимается сторонами

151/ P.C.I.J. (1924), Series A No. 3.

152/ Например, e.g. De Paoli v. Bulgarian State, Tribunaux arbitraux mixtes, Recueil des dècisions, vol. 6, p. 456.

153/ Annual Digest of International Law Cases, 1929-1930, Case No. 235.

как аутентичный в целях толкования. Например договор о границе 1897 года между Великобританией и Эфиопией был составлен на английском и амхарском языках, и в нем было заявлено, что оба текста должны считаться аутентичными[154], но в дополнении содержался французский перевод текста, который должен был иметь преимущественную силу в случае спора.

6) Наличие нескольких аутентичных текстов договора всегда является важным фактором при толковании, поскольку оба или все эти тексты авторитетно излагают условия соглашения между сторонами. Однако следует подчеркнуть, что в праве существует лишь один договор, - единый комплекс положений, принятый сторонами, и единое совместное намерение по отношению к этим положениям - даже если оба аутентичных текста могут расходиться между собой. На практике существование аутентичных текстов на двух или более языках иногда или усложняет или облегчает толкование договора. Редко встречаются случаи, когда договоры, составленные на нескольких языках и содержащие более одной или двух статей, не имеют различий между текстами. Особенности, присущие каждому языку, отсутствие полного consensus ad idem или недостаток времени для приведения в соответствие текстов могут привести к небольшим или даже значительным расхождениям значения текстов. В этом случае наличие текстов на нескольких языках может явиться серьезным дополнительным источником двусмысленности или неясности положений договора. С другой стороны, когда смысл положений неточен или неясен на каком-либо одном языке, но ясен и убедителен с точки зрения намерения сторон на другом языке, многоязычный характер договора облегчает толкование текста, смысл которого вызывает сомнение.

154/ В договоре действительно содержался термин "официальный", однако кажется ясным, что в этом случае термин "официальный" означал "аутентичный"; Hertslet, The Map of Africa by Treaty (3rd Ed.) vol.2, pp. 42-47; cf. the convention for the Unification of Certain Rules concerning Collisions in Inland Navigation, Hudson, International Legislation, vol. 5, pp. 819-822.

7) Существование более одного аутентичного текста, бесспорно, вводит новый элемент - сравнение текстов - в толкование договоров. Однако это не означает создания другой системы толкования. Многоязычный по своему выражению договор остается единым договором с единым комплексом положений, толкование которых осуществляется согласно правилам, сформулированным в статьях 27-28.Единство договора и каждого из его положений имеет решающее значение при толковании договоров, составленных на нескольких языках, и это единство гарантируется сочетанием принципа равенства аутентичных текстов с презумпцией того, что стороны желали вложить один и тот же смысл в различные тексты. Эта презумпция требует предпринятия всех усилий для отыскания общего значения текста, прежде чем отдавать предпочтение тому или иному из них. Какое-либо условие договора может иметь двусмысленный или неясный характер, потому что оно является таковым во всех аутентичных текстах или только в одном, но не ясно, существует ли разница между текстами или уже на первый взгляд аутентичные тексты кажутся имеющими не совсем одинаковое значение. Однако, независимо от того, есть ли неясность или неточность во всех текстах или она вытекает из факта составления договора на нескольких языках, тот, кто занимается толкованием договора, должен прежде всего найти смысл, который стороны желали придать положениям договора, применяя обычные правила толкования. Составление договора на нескольких языках не дает права тому лицу, которое занимается толкованием, отдавать предпочтение одному тексту перед другим без учета обычных средств устранения двусмысленности или неясности на основе задач и целей договора, travaux préparatoires, обязательств, при которых он был заключен, последующей практики и т.д. Наоборот, равенство текстов означает необходимость принятия всех возможных мер для согласования текстов и установления намерений сторон путем использования обычных средств толкования.

8) Поэтому пункт 3 предусматривает, во-первых, что положения договора имеют одно и то же значение в каждом аутентичном тексте. В нем

предусматривается также,- кроме случаев, когда стороны согласились относительно преимущественной силы какого-либо одного текста, - что в случае расхождения между аутентичными текстами следует принять такое значение, которое максимально сближает различные тексты. Эти положения приводят в действие принцип равенства текстов. В деле Mavrommatis Palestine Concessions case[155] Постоянная палата международного правосудия изложила, по мнению некоторых юристов, общее правило ограничительного толкования случаев расхождения между аутентичными текстами, заявив, что:

> "... где два текста имеют одинаковую силу и где один из них может иметь более широкое значение, чем другой, она (Палата) обязана дать более ограниченное толкование, которое соответствовало бы двум текстам и которое в этой степени бесспорно соответствует общему намерению сторон. Применение этого же вывода особенно рекомендуется в настоящем случае, поскольку речь идет об акте, регулирующем обязательство Великобритании как державы-мандатория по отношению к Палестине, и поскольку первоначальный проект этого акта, по всей видимости, был составлен на английском языке".

Однако необязательно, что в первой фразе этого отрывка Палата имела намерение изложить - в качестве общего правила - положение о том, что всегда должно применяться более ограниченное толкование для приведения в соответствие двух текстов. В данном случае было уместно ограничительное толкование. Однако вопрос о том, следует ли в случае неясности прибегать к ограничительному толкованию, является вопросом более общего характера, и ответ на него зависит от характера договора и конкретного контекста, в котором содержится двусмысленный термин. Тот простой факт, что неясность вытекает из различия выражений в тексте договора, составленного на различных языках, не меняет принципа, согласно которому должно или не должно отдаваться предпочтение ограничительному толкованию. Следовательно,

---

155/ P.C.I.J. (1924), Series A. No. 2, p. 19.

хотя решение по делу Mavrommatis[156/] и является серьезной поддержкой принципа сближения - то есть приведения в соответствие - текстов, оно, очевидно, не требует выработки общего правила, создающего презумпцию в пользу ограничительного толкования в случае возникновения неясности в текстах, составленных на различных языках.

9) Комиссия рассмотрела вопрос о том, существуют ли какие-либо другие принципы, которые следовало бы кодифицировать как общие правила толкования договоров, составленных на нескольких языках. Например, она рассмотрела вопрос о том, следует ли особо упоминать факт существования юридической презумпции в пользу текста с ясным значением или в пользу текста на языке, на котором был составлен договор. Она считала, однако, что едва ли стоит заходить столь далеко, поскольку многое может зависеть от обстоятельств в каждом отдельном случае и доказательств намерения сторон. Комиссия не считала также уместным формулировать какое-либо общее правило относительно использования неаутентичных текстов, хотя к ним иногда прибегают в целях возможного выяснения существа вопроса.

156/ Ср. дело Venezuelan Bond, Moore, International Arbitrations, vol. 4, p. 3623; и делу German Reparations under Article 260 of Treaty of Versailles (1924), Reports of International Arbitral Awards, vol. I, pp. 437-9.

Раздел 4. Договоры и третьи государства

Статья 30[157]

Общее правило, касающееся третьих государств

Договор не создает прав или обязательств для третьего государства без его на то согласия.

Комментарий

1) В соответствии с определением подпункта h пункта 1 статьи 2 третье государство означает любое государство, не являющееся участником договора, и, по-видимому, существует всеобщее согласие с тем, что в принципе договор не создает для третьих государств ни обязательств, ни прав без их согласия. Правило, лежащее в основе нынешней статьи, очевидно первоначально возникло из римского права в форме хорошо известного положения **pacta tertiis nec nocent nec prosunt** - соглашение не налагает никаких обязательств на третьи страны и не предоставляет им никаких прав. Однако в международном праве это правило основывается не на одной лишь общей концепции права договоров, но на суверенитете и независимости государств. Существуют многочисленные доказательства признания этой нормы в государственной практике и в решениях международных судов, а также в работах юристов.

2) Обязательства. Международные суды занимали твердую позицию, определяя, что в принципе как двусторонние, так и многосторонние договоры не налагают никаких обязательств на государства, не являющиеся их участниками, и не изменяют каким-либо образом их законные права без их согласия. Например, в деле Island of Palmas[158], касающемся признания правового титула Испании на этот остров в договорах,

---

157/ Проект 1964 года, статья 58.

158/ (1928) Reports of International Arbitral Awards, Vol. II, p. 831.

заключенных этой страной с другими государствами, судья Хьюбер заявил: "Очевидно далее, что договоры, заключенные Испанией с третьими державами, признающими ее суверенитет над "Филиппинами", не могут быть обязательными для Нидерландов ..."[159]. В другом месте он заявляет[160]: "... каково бы ни было правильное толкование договора, его нельзя толковать в том смысле, что он регулирует права независимых третьих держав"; и в третьем отрывке[161] он подчеркнул, что "... возникшее право Нидерландов не могло быть изменено договором, заключенным между третьими державами". Короче говоря, договоры, заключенные Испанией с другими государствами, были res inter alios acta, которые как договоры никоим образом не могли быть обязательными для Нидерландов. В деле the Free Zones of Upper Savoy and the District of Gex[162] речь шла о важном многостороннем договоре - Версальском мирном договоре - и Постоянная палата международного правосудия сочла, что статья 435 договора "не имеет обязательной силы для Швейцарии, не являющейся стороной в этом договоре, кроме как в той степени, в какой эта страна признала его". Подобным же образом в деле Territorial Juridiction of the International Commission of the River Oder[163] Постоянная палата международного правосудия отказалась рассматривать генеральный многосторонний договор - Барселонскую конвенцию 1921 года о режиме судоходных путей международного значения - обязательным для Польши, не являвшейся стороной в договоре. Такую же позицию заняла Постоянная палата международного правосудия в деле Status of Eastern Carelia[164] по отношению к Уставу Лиги Наций.

159/ Там же, стр. 850.

160/ Там же, стр. 842.

161/ Там же, стр. 870.

162/ P.C.I.J. (1932) Series A/B No. 46, p. 141; там же, (1929) Series A No. 22, p. 17.

163/ Там же, (1929) Series A No. 23, pp. 19-22.

164/ Там же, (1923) Series B No. 5, pp. 27-8; ср. несколько особый случай в деле Aerial Incident of 27 July 1955, I.C.J. Reports 1959, p. 138.

3) Права. Примеры применения этого лежащего в основе правила к правам можно найти в решениях арбитражных судов, которые показывают, что право не может возникнуть для третьего государства из договора, в котором нет положения, предусматривающего его предоставление; и что в этих случаях лишь участники договора могут пользоваться таким правом. В арбитраже по делу Clipperton Island[165/] третейский судья определил, что Мексика не имеет права использовать против Франции положение Берлинского акта 1885 года, требующего уведомления об оккупации территории, в частности на том основании, что Мексика не подписала этого акта. В деле Forests of Central Rhodopia[166/] третейский судья, признавая обоснованность претензий Греции на основании положения Нейиского договора, заявил вместе с тем: "... до вступления в силу Нейиского договора греческое правительство, не будучи стороной, подписавшей Константинопольский договор, не имело никаких юридических оснований выдвигать требование, основанное на соответствующих положениях этого договора"[167/].

4) Вопрос о том, допускает ли правило pacta tertiis nec nocent nec prosunt какие-либо действительные исключения в международном праве, является противоречивым вопросом, мнения по которому среди членов Комиссии разделились. Все члены Комиссии были согласны относительно того, что в вопросе об обязательствах не существует никаких исключений; договор сам по себе никогда не создает обязательств для государств, не являющихся его участниками. Различие во мнениях касалось вопроса о том, может ли договор сам по себе предоставлять права государству, не являющемуся его участником. По мнению одной группы членов Комиссии, договор может иметь такую силу, если стороны имеют такое намерение, хотя государство, не являющееся стороной в договоре, конечно, не обязано принимать такое право или пользоваться

165/ Reports of International Arbitral Awards, vol. II, p. 1105.

166/ Там же, том III, стр. 1405.

167/ Цитируется по английскому переводу из Annual Digest and Reports of International Law Cases, 1933-1934, case No. 39, at page 92.

им. Другая группа членов Комиссии считала, что не существует никаких действительных прав для государства, не являющегося стороной в договоре, до тех пор пока это государство не согласится их принять. Этот вопрос обсуждается подробнее в комментарии к статье 32.

5) Заголовок статьи, предварительно принятый в 1964 году, гласил: "Общее правило, ограничивающее действие договоров сторонами". Поскольку этот заголовок вызвал неправильное толкование со стороны, по крайней мере, одного правительства, состоящее в том, что статья имеет целью затронуть вообще вопрос о "влиянии договоров на третьи государства", Комиссия решила изменить заголовок на "Общее правило, касающееся третьих государств". Именно по этой же причине и для того, чтобы избежать какого бы то ни было отрицательного воздействия на вопрос о применении договоров по отношению к отдельным лицам, она решила снять начало статьи "Договор применяется только между сторонами и т.д.". Таким образом, она ограничила статью коротким и простым заявлением: "Договор не создает прав или обязательств для третьего государства без его на то согласия". Формулировка как заголовка, так и текста статьи имела целью быть максимально нейтральной, чтобы поддержать определенное равновесие между соответствующими теоретическими взглядами членов Комиссии.

Статья 31[168/]

Договоры, предусматривающие обязательства для третьих государств

Обязательство для какого-либо государства возникает из постановления договора, участником которого оно не является, если участники решили, что это постановление будет средством создания обязательства, и если третье государство определенно приняло на себя такое обязательство.

Комментарий

1) Основное правило, сформулированное в предыдущей статье, состоит в том, что стороны в договоре не могут налагать каких-либо обязательств на третье государство без его согласия. Это правило является одной из основ независимости и равенства государств. В настоящей статье также подчеркивается, что согласие государство необходимо во всех случаях, когда оно должно быть связано каким-либо положением, содержащимся в договоре, участником которого оно не является. В соответствии со статьей государство, не являющееся участником договора, может быть связано договором лишь при выполнении двух условий: во-первых, стороны в договоре должны были иметь намерения посредством такого положения создать обязательство для государства, не являющегося стороной в договоре; и, во-вторых, третье государство должно ясно выразить свое согласие быть связанным этим обязательством. Комиссия признала, что когда эти условия выполняются, то по существу возникает второе дополнительное соглашение между сторонами в договоре, с одной стороны, и третьим государством, с другой, и что правовой основой обязательства последнего является не сам договор, а это дополнительное соглашение. Тем не менее, даже если рассматривать эту проблему таким образом, мы имеем случай, когда положение договора, заключенного между определенными государствами, становится

168/ Проект 1964 года, статья 59.

непосредственно обязательным для другого государства, которое не является и не становится стороной в договоре.

2) Иллюстрацией применения этой статьи является подход Постоянной палаты международного правосудия к статье 435 Версальского договора при рассмотрении дела "Free Zones"[169]. Швейцария не являлась стороной в Версальском договоре, однако в тексте статьи содержалось упоминание о ней до заключения договора. Федеральный совет Швейцарии далее направил ноту[170] французскому правительству, в которой сообщал, что Швейцария нашла возможным "согласиться" на статью 435, однако лишь на определенных условиях. Одно из этих условий заключалось в том, что Федеральный совет сделал самые категорические оговорки в отношении заявления, что положения старых договоров, конвенций и т.д. перестали соответствовать настоящим условиям, и заявил, что он не хотел бы, чтобы принятие им статьи привело к выводу, что он согласится на отмену режима свободных зон. Франция заявила в Постоянной палате, что положения старых договоров, конвенций и т.п., касающиеся свободных зон, были отменены статьей 435. Отклоняя это утверждение, Палата указала, что Швейцария не приняла той части статьи 435, в которой утверждается, что положения о свободных зонах устарели и отменены:

> "Принимая во внимание, в любом случае, что статья 435 Версальского договора связывает Швейцарию, которая не является стороной в этом договоре, только в тех пределах, в которых эта страна приняла ее; и поскольку эти пределы определены в ноте Федерального совета Швейцарии от 5 мая 1919 г., выдержка из которой составляет приложение I к этой статье, именно в силу этого и только этого решения правительство Швейцарии "согласилось" с "положениями статьи 435", а именно: "с учетом условий и оговорок", излагаемых в упомянутой ноте".

3) В своих замечаниях некоторые правительства ссылались на

169/ P.C.I.J.(1929), Series A No. 22, pp. 17-18; Там же (1932), Series A/B, No. 46, at p. 141.

170/ Текст соответствующей части этой ноты был приложен к статье 435 Версальского договора.

положения договора, налагаемые на государство-агрессора, и поднимали вопрос о применении настоящей статьи к таким положениям. Комиссия признала, что такие случаи будут выходить за рамки принципа, изложенного в настоящей статье, при условии, что предпринимаемые действия соответствуют Уставу. В то же время она отметила, что статья 49, которая предусматривает недействительность любого договора, заключение которого явилось результатом угрозы силой или ее применения, ограничивается случаями, когда угроза силой или ее применения осуществляется "в нарушение принципов Устава Организации Объединенных Наций". Положение договора, налагаемое на государство-агрессора в соответствии с Уставом, не будет противоречить принципу статьи 49 настоящих статей. Большинством голосов Комиссия решила включить в проект отдельную статью, содержащую общую оговорку в отношении любого обязательства в связи с договором, которая возникает для государства-агрессора вследствие мероприятий, предпринятых в соответствии с Уставом. Текст этой оговорки содержится в статье 70.

Статья 32[171]

Договоры, предусматривающие права для третьих государств

1. Право для какого-либо государства возникает из постановления договора, участником которого оно не является, если участники решили, что это постановление будет давать такое право либо упомянутому государству, либо группе государств, к которой оно принадлежит, либо всем государствам,и если упомянутое государство согласилось с этим. Его согласие предполагается, если не последует возражения.

2. Государство, пользующееся правом на основании пункта 1, выполняет условия пользования этим правом, предусмотренные в договоре или установленные в соответствии с договором.

171/ Проект 1964 года, статья 60.

Комментарий

1) Эта статья определяет условия, в соответствии с которыми государство может пользоваться правом по договору, в котором оно не является стороной. Вопрос о правах более противоречив, чем вопрос об обязанностях, так как проблема необходимости согласия третьего государства стоит в несколько иной плоскости. Участники договора не могут, в силу объективных обстоятельств, эффективно навязать право третьему государству, поскольку право всегда может не признаваться или от него можно отказаться. Поэтому в связи с настоящей статьей вопрос заключается лишь в том, требуется ли для создания этого права "согласие" третьего государства с положением, или в том, создается ли это право самим договором.

2) Комиссия отметила, что договорная практика свидетельствует, что значительное число договоров содержит условия в пользу третьих государств. В некоторых случаях эти условия предоставляют преимущества отдельным государствам, как, например, положения Версальского договора в интересах Дании[172/] и Швейцарии[173/]. В других случаях они предоставляют преимущество группе государств, как, например, положения мирных договоров, заключенных после двух мировых войн, которые содержали положения о том, что побежденные государства должны отказаться от всех требований, являющихся следствием войны, в пользу определенных государств, не входящих в состав участников договоров. Другим примером является статья 35 Устава Организации Объединенных Наций, где говорится о том, что государства, которые не являются членами Организации Объединенных Наций, имеют право довести до сведения Совета Безопасности или Генеральной Ассамблеи вопросы о спорах. Кроме того, соглашения о мандатах и об опеке содержат положения, в которых оговариваются определенные права в

172/ Статья 109 Версальского договора.

173/ Статьи 358 и 374 Версальского договора.

пользу членов Лиги Наций и Организации Объединенных Наций соответственно, хотя в этих случаях условия носят особый характер, поскольку один член международной организации предоставляет права другим членам[174/]. В других случаях предусматривается предоставление преимуществ всем государствам, как это было в случае с положениями, касающимися свободы навигации в определенных международных реках, морских канал и проливах.

3) Некоторые юристы утверждают, что в то время, как договор сам по себе может, безусловно, создавать как по своей природе, так и по своим случайным последствиям преимущество для третьего государства, последнее может получить действительное право лишь через посредство какой-нибудь формы дополнительного соглашения между ним и участниками договора. Иными словами, - как и в случае с обязанностями, - они утверждают, что право может создаваться лишь в том случае, если положение договора имеет целью предложить право третьему государству, которое последнее приняло. Они придерживаются позиции, что ни практика какого-либо государства, ни определение Постоянной палаты в деле Free Zones[175/] не дают каких-либо ясных доказательств признания института "stipulation pour autrui" в международном праве.

4) Другая группа юристов[176/], в которую входят все четыре специальных докладчика по вопросу о праве договоров, занимает иную позицию. В широком смысле их точка зрения состоит в том, что в международном праве нет положений, которые препятствовали бы двум или более государствам создавать эффективное право в пользу другого государства при помощи договора, если таково их намерение; и что

174/ См. the South-West Africa Cases, I.C.J. Reports 1962, pp. 329-31 и p. 410; the Northern Cameroons Case, I.C.J. Reports 1963, p. 29.

175/ P.C.I.J. (1932), Series A/B No. 46, p. 147.

176/ Например Sir G. Fitzmaurice, Fifth Report on the Law of Treaties, I.L.C. Yearbook, 1960, vol. II, pp. 81 и 102-4.

это зависит от намерения сторон при заключении какого-либо определенного договора. По их мнению, следует проводить различие между договором, в котором стороны лишь выражают намерение предоставить преимущества другому государству, и между договором, в котором предусматривается предоставление ему действительного права. Они утверждают, что в последнем случае другое государство приобретает законное право применять непосредственно и по своему собственному усмотрению положение, предоставляющее преимущества, и не нуждается в помощи одной из сторон в договоре, чтобы получить возможность осуществления этого положения. Это право, по их мнению, не зависит от какого-либо специального акта о принятии другим государством или какого-либо дополнительного соглашения между ним и сторонами в договоре. Эти авторы утверждают, что практика государств подтверждает эту точку зрения и что санкции на это могут быть найдены в докладе Комитета юристов Совету Лиги по вопросу об Аландских островах 177/ и - более конкретно - в решении Постоянной палаты международного правосудия от 1932 года по делу о Free Zones, в котором она заявила:

> "Нельзя необоснованно предполагать, что условия, выгодные третьему государству, были приняты с целью создания действительного права в его интересах. Не существует, однако, ничего, что воспрепятствовало бы воле суверенных государств добиться этой цели и этого результата. Вопрос о существовании права, приобретенного в силу документа, принятого другими государствами, является вопросом, подлежащим решению в каждом отдельном случае: следует установить, имели ли в виду государства, выдвинувшие условия в пользу третьего государства, создать для этого государства действительное право, которое последнее приняло как таковое" 178/.

177/ League of Nations, Official Journal, Special Supplement No. 3 (October 1920), p. 18.

178/ P.C.I.J. (1932), Series A/B No. 46, pp. 147-8; однако в ходе рассмотрения этого дела трое судей категорически не согласились с мнением о том, что принятие положения в пользу какого-либо государства, не являющегося стороной в договоре, само по себе может предоставить действительное право этому государству.

5) В 1964 году некоторые члены Комиссии разделяли точку зрения первой группы юристов, изложенную в пункте 3 выше, в то время как другие члены в целом разделяли точку зрения второй группы юристов, изложенную в пункте 4. Комиссия, однако, пришла к выводу о том, что различия во мнениях среди ее членов носят в основном теоретический характер и что эти две противоположные доктрины незначительно отличаются по своим практическим результатам. Обе группы придерживались мнения, что положение договора может явиться средством установления права в интересах третьего государства и что третье государство свободно по своему усмотрению принять или отвергнуть это право. Различие состояло в том, что, по мнению одной группы, положение договора является не более чем предложением права до тех пор, пока получающее такое предложение государство каким-либо образом не покажет, что оно принимает это право; в то время как, по мнению другой группы, это право возникает немедленно и существует до тех пор, пока государство, получившее это предложение, не откажется от него. С другой стороны, первая группа признала, что принятие права третьим государством, в отличие от принятия обязательства, не нуждается в прямом выражении и может принять форму простого осуществления права, предложенного в договоре. Кроме того, вторая группа, со своей стороны, признала, что отказ от того, что, по ее мнению, является уже существующим правом, не обязательно должен быть прямо выражен и в некоторых случаях может происходить молчаливо в форме его неиспользования. Поэтому Комиссии казалось, что на практике две доктрины могли бы привести в основном к одинаковым результатам почти во всех случаях. Комиссия также считала, что различия между этими доктринами не обязательно ведут к различным выводам в отношении права сторон в договоре отменять или изменять положения, касающиеся этого права. Наоборот, она единодушно считала, что до тех пор, пока получающее это право государство ясно не выразило своего согласия с предоставляемым правом, стороны должны сохранять свободу отменять или изменять положение без его согласия; и что позднее его согласие должно

всегда быть необходимым, чтобы установить, что без согласия третьего государства право не должно отменяться или подвергаться изменениям. Считая, что обе доктрины приведут к различным результатам лишь в самых исключительных обстоятельствах[179], Комиссия решила выработать статью в такой форме, которая, отвечая требованиям государственной практики, не наносила бы ущерба теоретической основе этого правила.

6) В своих комментариях правительства не выразили склонности занять определенную позицию по этому теоретическому вопросу и в целом, очевидно, поддержали правило, предложенное в статье. Некоторые правительства, подойдя, возможно, с несколько иной точки зрения, подняли вопрос относительно второго условия, содержащегося в подпункте b пункта 1 текста, предварительно предложенного в 1964 году, а именно: "и государство, явно или молчаливо, соглашается с этим". В связи с этими замечаниями, а также для того, чтобы улучшить формулировку правила в отношении случаев, когда намерение состоит в предоставлении права - как, например, права навигации - всем государствам вообще, Комиссия изменила редакцию пункта 1 статьи по данному вопросу. Комиссия сняла слова "явно или молчаливо" и в то же время добавила положение о том, что согласие третьего государства должно предполагаться, если не последовало возражения. Комиссия отметила, что это изменение еще больше уменьшило бы практическое значение, которое может быть между двумя теоретическими точками зрения относительно правовых последствий положения договора, имеющего целью предоставить право третьему государству.

7) В пункте 1 указывается, что право может возникнуть для государства из положений договора, в котором оно не является стороной, при двух условиях. Во-первых, стороны в договоре должны иметь намерение

179/ Например, спор между Министерством финансов и Государственным департаментом США по вопросу о том, действительно ли мирный договор с Финляндией наделяет Соединенные Штаты правом воспользоваться или не воспользоваться отказом Финляндии от требований.

предоставить право либо какому-то определенному государству, о котором идет речь, либо группе государств, к которой оно принадлежит, либо государствам вообще. Наличие намерения предоставить право имеет решающее значение, поскольку законное право в отличие от простой выгоды может возникнуть из этого положения лишь в том случае, если стороны имеют такое намерение. В пункте 2 уже приводились примеры оговорок в пользу отдельных государств, групп государств или всех государств вообще. Вторым условием является согласие государства, которому предоставляется право. Формулировка этого условия в настоящем времени "и государство согласно с этим" оставляет открытым вопрос о том, создается ли с юридической точки зрения право договором или актом о принятии права государством, получающим предложение. Как уже разъяснялось, в соответствии с одной точкой зрения, согласие государства, в отношении которого имеются намерения предоставить ему право, даже,если оно только подразумевается из факта использования права, представляет собой "принятие" предложения, сделанного сторонами; с другой точки зрения, согласие имеет значение лишь как указание на то, что государство, которому делается предложение, не отказывается от права. В таком случае вторая фраза пункта предусматривает, что согласие государства предполагается, если возражений не последовало. Комиссия считала желательным включить это положение, с тем чтобы придать необходимую гибкость применению правила в случаях, когда право предоставляется в пользу всех государств вообще или большой группы государств. Как указывалось раньше, это положение еще больше сокращает разрыв между двумя теориями относительно источника права, возникающего из договора.

8) В пункте 2 говорится, что государство, пользующееся правом, должно выполнять условия пользования им, предусмотренные в договоре или установленные в соответствии с договором. В выражении "или установленные в соответствии с договором" принимается во внимание тот факт, что часто условия пользования правом определяются в каком-либо дополнительном документе и в некоторых случаях в одностороннем порядке одной из сторон. Например, в случае с положением, разрешающим свободу мореплавания по международной реке или в морском проливе,

/...

государство данной территории имеет право, в силу своего суверенитета, изложить соответствующие условия использования этого права, при условии, конечно, что они соответствуют его обязательствам, предусмотренным договором. Одно из правительств выразило опасение, что этот пункт может истолковываться так, как будто в нем содержится ограничение полномочий сторон в договоре на внесение изменений в право, предоставленное третьим государствам. По мнению Комиссии, такое толкование было бы абсолютно недопустимым, поскольку совершенно ясно, что в этом пункте рассматривается обязанность третьего государства соблюдать условия, относящиеся к использованию права. Вопрос полномочий сторон на внесение изменений в право, безусловно, является важным вопросом, однако он возникает из статьи 33, а не из пункта 2 настоящей статьи.

Статья 33[180/]

Отмена или изменение обязательств или прав третьих государств

1. Если для третьего государства возникает обязательство на на основании статьи 31, то это обязательство может быть отменено или изменено только с взаимного согласия участников договора и третьего государства, если не установлено, что они условились об ином.

2. Если для третьего государства возникает право на основании статьи 32, то это право не может быть отменено или изменено участниками, если установлено, что это право не подлежит отмене или изменению без согласия этого третьего государства.

Комментарий

1) Статья 33 касается позиций участников договора по отношению к отмене или изменению обязательства или права, возникающих для третьего государства в соответствии со статьями 31 или 32. Текст статьи в том виде, как он был предварительно принят в 1964 году, содержал единое правило, касающееся как обязательств, так и прав, в котором предусматривалось, что ни обязательства, ни права не могут быть отменены или изменены сторонами без согласия третьего государства, если из договора не вытекает, что положение, предоставляющее права или обязанности, может быть отменено. В своих замечаниях некоторые правительства критиковали определенные аспекты формулировки данного правила, другие правительства заявляли, что статья заходит слишком далеко в защиту прав третьего государства. Комиссия, будучи не совсем согласна с рядом критических замечаний, признала, что правило, предложенное в 1964 году, не вполне удовлетворительно и что статья должна быть сформулирована несколько иным путем.

2) Комиссия считала, что, несмотря на их аналогичность, соображения, касающиеся отмены или изменения обязательства, не идентичны тем,

---

180/ Проект 1964 года, статья 61.

/...

которые применяются к праву. И действительно, соответствующие позиции сторон и третьего государства в двух случаях изменены. Комиссия также считала, что следует принимать во внимание возможность того, что инициатива по отмене или изменению обязательств скорее может исходить от третьего государства, чем от участников договора; и что в этом случае третье государство, приняв на себя обязательство, не может отменить или изменить его без согласия сторон, если они не договорились об ином. В соответствии с этим она решила вновь сформулировать статью в двух пунктах, один из которых касался бы обязательства, а другой - права. Комиссия также решила, что статья скорее должна касаться отмены или изменения обязательства или права третьего государства, чем положения договора, из которого вытекает обязательство или право, так как отмена или изменение положения как такового является вопросом, который касается лишь сторон в договоре, а в настоящей статье рассматривается проблема взаимоотношений между участниками договора и третьим государством.

3) В пункте 1 определяется, что обязанность третьего государства может быть изменена или отменена только со взаимного согласия участников договора и третьего государства, если не установлено, что они условились об ином. Как указывалось в предыдущем пункте, безусловно, правильно, если именно третье государство стремится к отмене или изменению обязанностей. Положение осложняется, если к отмене или изменению обязанностей стремятся участники договора. Если участники договора просто отказываются от своего права настаивать на выполнении обязанности, можно утверждать, что согласие третьего государства было бы излишним; и в этом случае, безусловно, маловероятно, что могут возникнуть какие-либо трудности. Однако Комиссия считала, что в международных отношениях вероятность таких случаев мала и что чаще обязательство третьего государства может создать более сложные отношения, что сделало бы желательным изменение обязательств со взаимного согласия. В соответствии с этим

Комиссия пришла к заключению, что общее правило, сформулированное в этом пункте, должно содержать требование о взаимном согласии участников и третьего государства, если не установлено, что они условились об ином.

4) По причинам, указанным выше, пункт 2 касается отмены или изменения права третьего государства участниками договора. Комиссия приняла во внимание взгляды некоторых правительств о том, что текст 1964 года заходит слишком далеко в ограничении полномочий участников договора отменить или изменить положение, направленное в пользу третьего государства и предоставляющее последнему право налагать вето на любые изменения положения договора. Она считала, однако, что есть противоречащие друг другу точки зрения, которые следует принять во внимание. Несомненно, было бы желательно, чтобы государства не воздерживались от создания прав в пользу третьих государств - в особенности в таких вопросах, как навигация по международным водным путям - из-за опасения, что они могут ограничить свою свободу действий в будущем. Однако не менее важно, чтобы такие права были в достаточной мере надежными и твердыми. Кроме того, обоснованно звучит аргумент о том, что, если участники договора хотят, чтобы права третьих государств были отменены, они могут оговорить это в договоре или во время переговоров с третьим государством. Учитывая эти противоречивые соображения и вышеупомянутую точку зрения, изложенную некоторыми правительствами, Комиссия изменила формулировку пункта 2, с тем чтобы предусмотреть, что право третьего государства не может быть отменено, если установлено, что не было намерения отменять его или подвергать изменениям без согласия третьего государства. Тот факт, что право не может быть отменено, обычно должен устанавливаться или условиями, или характером положения договора, создающего право, или соглашением или согласием, достигнутым между сторонами и третьим государством.

Статья 34[181/]

Постановления в договоре, которые становятся обязательными через международный обычай

Статьи 30-33 никоим образом не мешают какому-либо постановлению, записанному в договоре, стать обязательным для третьего государства как норма международного права, основанная на обычае.

Комментарий

1) Общепризнана роль, которую в некоторых случаях играет обычай в расширении сферы применения норм, содержащихся в договоре, действие которого не ограничивается государствами-участниками. Договор, заключенный между определенными государствами, может формулировать норму или устанавливать режим для территорий, рек или морей, которые впоследствии другие государства начинают считать общепризнанными и которые становятся обязательными для других государств в качестве обычая, как, например, гаагские конвенции о нормах ведения сухопутной войны[182/], соглашения о нейтралитете Швейцарии и различные договоры, касающиеся международных речных и морских путей. Подобным же образом конвенция, целью которой является кодификация существующих норм обычного права, может считаться общепринятой формулировкой соответствующих норм обычного права даже государствами, не участвующими в ней.

2) Однако ни в одном из этих случаев нельзя сказать, что сам договор имеет правовые последствия для третьих государств. Есть

181/ Проект 1964 года, статья 62.

182/ По мнению Международного военного трибунала в Нюрнберге, они содержат нормы, которые стали общеобязательными нормами обычного права.

случаи, когда, без установления каких-либо договорных отношений между собой и сторонами в договоре, другие государства признают сформулированные в договоре нормы в качестве обязательной нормы обычного права. Короче говоря, для таких государств источником обязательной силы этих норм является обычай, а не договор. По этой причине Комиссия сочла, что этот вопрос не следует включать в проект статьи в виде вопроса о договоре, имеющем правовые последствия для третьих государств. Поэтому она не сформулировала никаких особых положений, касающихся действий обычая в расширении сферы применения договорных норм на государства, не являющиеся его участниками. С другой стороны, учитывая важность процесса и характер положений статей 30-33, Комиссия решила включить настоящую статью в общую оговорку о том, что ничто, содержащееся в этих статьях, не препятствует тому, чтобы договорные нормы становились обязательными для государств, не являющихся участниками договора, в качестве норм международного права, основанных на обычае.

3) Комиссия хотела подчеркнуть, что положение, содержащееся в настоящей статье, является лишь оговоркой, направленной на то, чтобы исключить любой возможный вывод из статей 30-33 об отрицании проектом статей законности вышеупомянутого процесса. С тем, чтобы заявить абсолютно ясно, что в этом состоит единственная цель настоящей статьи, Комиссия слегка изменила формулировку текста, предварительно принятого в 1964 году.

4) Комиссия рассмотрела вопрос о том, следует ли рассматривать отдельно, как особые случаи, договоры, создающие так называемые "объективные режимы", т.е. обязанности и права, действующие erga omnes[183/]. Некоторые члены Комиссии высказались в пользу такого направления, выразив мнение, что концепция договоров, создающих объективные режимы, существует в международном праве и заслуживает специального внимания в проекте статей. По их мнению, договора,

183/ См. в целом Sir G.Fitzmauric`s Fifth Report on the Law of Treaties, I.L.C. Yearbook, 1960,vol.II pp. 69-107; and Sir H. Waldock`s Third Report, A/CN.4/167, article 63 and commentary.

которые основаны на этой концепции, являются договорами о нейтрализации или демилитаризации определенных территорий или районов, или договорами, предусматривающими свободу навигации по международным рекам и морским путям; и они указали на Договор об Антарктике как последний пример такого договора. Однако другие члены Комиссии, признавая, что в определенных случаях права и обязанности по договорам могут стать действительными erga omnes, не считали эти случаи результатом существования особой концепции или института права договоров. Они считали, что эти случаи являются результатом либо применения принципа, содержащегося в статье 32, либо результатом привнесения международного обычая в договор, находящийся в процессе, который является предметом оговорки в настоящей статье. Поскольку формулирование правила, признающего возможность создания объективных режимов непосредственно договором, может не получить всеобщего признания, Комиссия решила оставить этот вопрос в стороне при составлении нынешних статей права договоров. Она считала, что положение статьи 32 относительно договоров, целью которых является создание права в пользу всех государств вообще, вместе с процессом, упоминающимся в настоящей статье, создает настолько широкую правовую основу для установления договорных обязательств и прав, действительных erga omnes, насколько это возможно сделать в настоящий момент. В соответствии с этим, Комиссия решила не предлагать никакого специального положения по поводу договоров, создающих так называемые объективные режимы.

ЧАСТЬ IV: ПОПРАВКИ К ДОГОВОРАМ И ИЗМЕНЕНИЕ ДОГОВОРОВ

Статья 35[184]/

Общее правило, касающееся поправок к договорам

Договор может быть изменен по соглашению между сторонами. Нормы, изложенные в части II, применяются и в отношении такого соглашения, если договор не предусматривает иного.

Статья 36[185]/

Поправки к многосторонним договорам

1. Если договор не предусматривает иного, при изменении многосторонних договоров следует руководствоваться нижеследующими пунктами.

2. Каждый участник должен уведомляться о любом предложении, касающемся изменения многостороннего договора между всеми сторонами, причем каждая сторона имеет право участвовать в:

a) решении о предпринимаемых действиях в отношении такого предложения;

b) в переговорах и заключении любого соглашения об изменении договора.

3. Каждое государство, имеющее право быть участником договора, также имеет право быть участником измененного договора.

4. Соглашение об изменении не налагает никаких обязательств на государство, уже являющееся участником договора, но не становящееся участником соглашения об изменении; в отношении такого государства применяется пункт 4[b] статьи 26.

184/ Проект 1964 года, статья 65.

185/ Проект 1964 года, статья 66.

5. Любое государство, которое становится участником договора после вступления в силу соглашения об изменении в случае отсутствия заявления об ином намерении со стороны этого государства:

a) считается участником измененного договора; и

b) считается участником неизмененного договора в отношении любой стороны в договоре, не связанной соглашением об изменении.

Комментарий

Введение

1) Развитие международной организации и исключительно большое увеличение числа многосторонних договоров оказали значительное влияние на процесс изменения договоров. В первую очередь, изменение большого количества многосторонних договоров сейчас является вопросом, касающимся всякой международной организации. Это очевидно имеет место, когда договор является учредительным документом организации, например, конвенция Международной организации труда, или когда договор составлен внутри организации. Но это также относится в некоторой степени к договорам, заключаемым под эгидой какой-либо организации, и секретариат организации выступает в качестве депозитария для выполнения его процедурных положений. Во всех этих случаях составление документа о внесении поправки производится при помощи аппарата организации или входит в функции депозитария. В результате этого в значительной степени обеспечивается право каждой стороны на проведение с ней консультаций относительно изменения или пересмотра договора. Во-вторых, увеличение числа многосторонних договоров привело к повышенному сознанию важности предварительного обеспечения в самом договоре возможности изменения его в будущем. В-третьих, рост числа многосторонних договоров с весьма большим количеством участников сделал почти невозможным ограничение процесса их изменения такими изменениями, которые вступают в силу по соглашению всех сторон-участников первоначального договора; это привело к растущей практике введения в силу соглашений об изменении между теми государствами, которые согласны на изменение, оставляя в то же самое время существующий договор в силе в отношении других сторон-участников прежнего договора. Так, в 1906 году Женевская конвенция 1864 года об улучшении участи раненых в действующих армиях была пересмотрена в результате принятия новой конвенции, которая специально предусматривала, что после того, как она будет должным образом ратифицирована, она заменит собой Конвенцию 1864 года в отношениямх между договаривающимися сторонами, но что Конвенция 1864 года должна оставаться в силе в отношениях между

участниками этой Конвенции, которые не ратифицировали новую конвенцию. Подобное положение было включено в Гаагскую конвенцию 1907 года о законах и обычаях сухопутной войны, которая пересмотрела предшествующую конвенцию 1899 года. Впоследствии было много примеров подобной процедуры, каковы, в частности, Протоколы Организации Объединенных Наций о пересмотре некоторых конвенций, заключенных под эгидой Лиги Наций.

2) Статьи об изменении, содержащиеся в многосторонних договорах, могут иметь весьма различные формы, как это видно из примеров, приведенных в Handbook of Final Clauses[186/]. Несмотря на их многообразие, многие статьи об изменении далеко не исчерпывающе рассматривают юридические и правовые аспекты поправок. Некоторые из них, например, всего лишь определяют условия, при которых предложение об изменении может выдвигаться, не предусматривая процедуры рассмотрения такого предложения. Другие также определяют процедуру рассмотрения предложения, не касаясь условий, при которых изменение может быть принято и вступит в силу, или же в них не определяется точное влияние на участников существующего договора. Что касается статей в отношении принятия и вступления в силу изменения, то некоторые статьи требуют признания этого изменения всеми участниками договора, однако многие статьи признают достаточной некоторую форму квалифицированного большинства. В общем, широкое разнообразие статей затрудняет разработку из договорной практики подробных обычных правил, касающихся изменения многосторонних договоров; поэтому Комиссия считала, что было бы нецелесообразно пытаться составить всеобъемлющий кодекс правил, относящийся к изменению договоров. С другой стороны, Комиссии представлялось желательным, чтобы в проект статей была включена формулировка некоторых общих правил, касающихся процедуры изменения.

3) В некоторых договорах использован термин "amendment"- "поправка" или "изменение" в отношении отдельных положений договора и термин

186/ ST/LEG/6, pp. 130-152.

"пересмотр" относительно общего пересмотра всего договора[187]. Хотя эта формулировка в известной степени удобна, она не применяется единообразно в практике государств; в правовых процедурах не существует какой-либо разницы. Поэтому Комиссия полагала достаточным говорить в настоящей статье об "изменениях"* как о термине, охватывающем как изменение конкретных положений, так и общий пересмотр договоров, в целом[188]. Что касается термина "пересмотр", то Комиссия признала, что этот термин обычно используется в практике государств, а также в некоторых договорах. Тем не менее, ввиду нюансов, придававшихся перед второй мировой войной выражению "пересмотр договоров", Комиссия предпочла термин "изменение" (amendment). Этот термин используется здесь для обозначения официального изменения договора, имеющего целью изменить его положения в отношении всех участников. Более общий термин "изменение" (modification) применен в статье 37 в связи с соглашением inter se, заключенным между некоторыми участниками, и имеет целью изменить положения договора только в отношениях между ними, а также в связи с изменением положений договора в результате практики участников в применении его.

187/ Статьи 108 и 109 Устава: см. также Handbook of Final Clauses (ST/LEG/6), стр. 130 и 150.

* Прим. пер. Слово "amendment" означает на русском языке как "изменение", так и "поправка", в зависимости от контекста.

188/ Так, хотя глава XVIII Устава озаглавлена "Поправки", в статье 109 говорится о "пересмотре" Устава.

Комментарий к статье 35

4) Статья 35 предусматривает, что договор может быть изменен путем соглашения между его участниками и что в отношении его применяются правила, изложенные в Части II, если только договор не предусматривает иного. Что касается современной практики изменения многосторонних договоров другим многосторонним договором, который вступает в силу в отношении только тех государств, которые связаны его положениями, то Комиссия не сделала определения о том, что соглашение должно заключаться между всеми участниками, как это происходит в случае прекращения договора в силу статьи 51. Комиссия полагала, что процедура принятия текста и вступления в силу соглашения об изменении должна регулироваться лишь статьями 8,21 и 22 Части II. С другой стороны, Комиссия стремилась к тому, чтобы статья 36 определяла строгие правила, гарантирующие право каждой стороны на участие в процедуре внесения поправок. Изменение договора обычно производится путем заключения другого договора в письменной форме, и это отражено в положении о том, что правила Части II применяются к соглашению об изменении. Однако, как объясняется в пункте 3 комментария к статье 51, Комиссия не считает, что теория "acte contraire" имеет какое-либо место в международном праве. Соглашение об изменении может принять любую форму по выбору участников первоначального договора. Комиссия признала, что договор может иногда изменяться даже по устному соглашению или молчаливому согласию, о котором свидетельствует поведение участников при осуществлении договоров. В соответствии с этим, заявляя, что правила Части II, касающейся заключения, вступления в силу и регистрации договоров, применяются к соглашению об изменении, Комиссия не имела в виду, что изменение договора по устному или молчаливому согласию, является недопустимым. Наоборот, она отметила, что юридическая сила устного соглашения, видоизменяющего договор, будет охраняться положением подпункта b статьи 3, и она предусмотрела специальное

положение в статье 38 об изменении договора последующей практикой участников при его осуществлении.

Комментарий к статье 36

5) Эта статья касается сложной процедуры изменения многосторонних договоров. Комиссия рассматривала вопрос о том, разрабатывать ли какое-либо правило специально для двусторонних договоров, и пришла к выводу, что это не будет служить какой-либо полезной цели. Там, где речь идет только о двух сторонах, вопрос, по существу, сводится к ведению переговоров и заключению соглашения между ними, и правила, содержащиеся в Части II, достаточны для регулирования процедуры и охраны позиций отдельных сторон. Более того, хотя Комиссия считала, что один из участников имеет определенную обязанность должным образом и добросовестно рассматривать предложение другой стороны об изменении договора, она считала, что такой принцип будет трудно сформулировать в качестве правовой нормы, не создавая при этом возможности для односторонней денонсации договоров под тем предлогом, что другая сторона якобы не обратила серьезного внимания на предложение об изменении.

6) Статья 36 касается только изменения **stricto sensu** многосторонних договоров, т.е. намерения составить официальное соглашение между всеми участниками в целом для изменения договора, заключенного между ними, а не соглашения между некоторыми участниками в целях изменения действия этого договора лишь между этими участниками. Комиссия признала, что документ об изменении, составленный между всеми участниками, может нередко вступать в силу только в отношении некоторых из них ввиду того, что другие участники не ратифицировали, не признали или не одобрили этот документ. Тем не менее Комиссия считала, что есть существенная разница между соглашениями об изменении, направленном на изменение договора между участниками вообще, и соглашениями, предназначенными ab initio для изменения действия договора в отношениях только между некоторыми его участниками. Хотя документ об изменении может точно так же оказаться действующим

/...

только в отношениях между некоторыми участниками, Комиссия считала, что следует провести точное различие между процедурой изменения stricto sensu и соглашениями inter se,изменяющими действие договора в отношениях между ограниченным числом участников. Поэтому соглашения inter se рассматриваются отдельно в статье 37, в то время как первая фраза пункта 2 настоящей статьи подчеркивает, что эта статья касается только предложений об изменении договора в отношениях между всеми участниками.

7) В пункте 1 всего лишь подчеркивается то, что изложенные в статье правила являются остаточными нормами в том смысле, что они применяются лишь в отсутствие конкретного положения в договоре, излагающего альтернативное правило. Современные многосторонние договоры, как указывается в пункте 3 данного комментария Комиссии, нередко содержат некоторые положения, касающиеся их изменения, и правила, содержащиеся в настоящих статьях, должны быть ясно обусловлены любыми такими конкретными положениями в договоре.

8) В пункте 2 предусматривается, что любое предложение об изменении многостороннего договора между всеми участниками должно быть доведено до сведения каждого участника и что каждый участник имеет право принимать участие в решении относительно мер, если таковые будут иметь место, которые должны быть приняты в связи с этим предложением, и участвовать в заключении любого соглашения для изменения договора. Договоры раньше часто изменялись или пересматривались некоторыми участниками без консультаций с другими участниками. Это привело некоторых юристов к выводу, что нет общего правила, дающего право каждому участнику многостороннего договора принимать участие в любых переговорах об изменении договора, и что соответственно участники многостороннего договора не имеют юридического обязательства приглашать всех первоначальных участников для участия в таких переговорах. Хотя Комиссия признала, что существует достаточно примеров, когда с отдельными участниками договора не консультировались в отношении пересмотра данного договора, она не считает, что практика

государств подтверждает такой вывод или что она сама должна встать на точку зрения.

9) Если какой-либо группе участников удалось когда-либо изменить договорный режим без консультации с другими участниками, то точно так же государства, которые не были причастны к такому решению, время от времени реагировали на тот факт, что с ними не консультировались, как на нарушение их прав участников договора. Более того, имеются многочисленные случаи, когда консультации проводились в действительности со всеми участниками. Комиссия считает, что сам характер правовых отношений, установленных договором, требует, чтобы с каждым участником консультировались в отношении любых изменений или пересмотра договора. Тот факт, что это в прошлом часто не соблюдалось - недостаточная причина для отхода от такого принципа, который как это кажется, вытекает непосредственно из принятого на себя участниками обязательства добросовестно выполнять договор. Могут существовать особые обстоятельства, которые могут оправдывать факт неприглашения отдельных участников на консультации, как, например, в случае с агрессором. Однако считается, что общее правило таково, что каждый участник имеет право быть приглашенным на консультации в отношении изменения договоров; и пункт 2 статьи 36 формулирует эту правовую норму.

10) Пункт 3, который был добавлен к статье на текущей сессии, предусматривает, что каждое государство, имеющее право стать участником договора, имеет также право стать участником измененного договора. Правило признает, что государства, имеющие право стать участниками договора, в частности те, которые принимали участие в его составлении, но еще не установили своего согласия быть им связанными, имеют определенную заинтересованность в изменении договора. Комиссия рассмотрела вопрос о том, следует ли выражать эту заинтересованность в форме фактического права на участие в переговорах и заключении соглашения об изменении или ограничить ее правом стать участником соглашения об изменении. По ее мнению, проблема заключается в том,

чтобы провести равновесие между правом участников приспосабливать договор для удовлетворения потребностей, вскрывшихся в результате опыта действия договора, и правом участвовавших в составлении текста государств стать участниками договора, который они помогали составить. Комиссия отдавала отчет в том, что на практике участники очень часто считают желательным ассоциировать государства, имеющие право стать участниками, с переговорами и заключением соглашения об изменении, с целью поощрения возможно более широкого участия в измененном договоре. Но она пришла к выводу, что следует признать право тех, кто обязался выполнять обязательства по договору, если они считают это нужным, действовать по своему усмотрению, чтобы отразить желаемые усовершенствования в соглашении об изменении. Поэтому она постановила, что пункт 3 не должен идти далее предоставления государствам, имеющим право стать участниками договора, права стать участниками его в измененной форме в результате соглашения об изменении; иными словами, пункт должен давать им право стать участниками одновременно и договора и соглашения об изменении.

11) В пункте 4 предусматривается, что соглашение об изменении договора не связывает участника договора, который не становится участником соглашения об изменении договора. И далее, ссылаясь на пункт 4b статьи 26, он предусматривает, что взаимные права и обязательства между участником договора, который стал связан соглашением об изменении, и участником договора регулируется неизменным договором. Этот пункт безусловно является лишь применением в отношении соглашений об изменении договора общего изложенного в статье 30 правила о том, что договор не налагает каких-либо обязательств на государства, не являющиеся его участниками. Тем не менее, без этого пункта можно было бы считать открытым вопрос относительно того, имеет ли в силу своей природы обязательную юридическую силу для участников договора документ, изменяющий первоначальный договор. В некоторых современных договорах общие правила, изложенные в этом пункте, действительно заменены отличающимся положением, изложенным в первоначальном договоре, или противоположным правилом, применяемым к договорам, заключенным внутри какой-либо международной организации[189/]. Статья 3 Женевской конвенции 1949 года о движении по дорогам, например, предусматривает, что любое изменение, принятое большинством двух третей участников конференции, вступит в силу в отношении всех участников, кроме тех, которые сделали заявление о том, что они не принимают это изменение. Статья 16 Международной конвенции по облегчению перевозки через границу железнодорожных грузов предусматривает, что изменения вступают в силу в отношении всех участников, если только против этих изменений не были выдвинуты возражения, по крайней мере, одной трети участников.

189/ См. the Handbook of Final Clauses (ST/LEG/6) pp.135-148.

12) Пункт 5, который также был добавлен на текущей сессии, касается значительно более сложного случая, когда государство становится участником договора после того, как соглашение об изменении договора вступило в силу по меньшей мере между несколькими участниками договора. Как указано ранее, на практике весьма обычен случай, когда соглашение об изменении договора ратифицируется лишь некоторыми участниками первоначального договора. В результате этого возникают две категории участников договора: а) государства, являющиеся участниками лишь неизмененного договора и b) государства, являющиеся участниками как договора, так и соглашения об изменении договора. Однако все в общем смысле являются участниками договора и имеют взаимные отношения по договору. Любое государство, являющееся участником лишь неизмененного договора, связано лишь одним этим договором в своих отношениях с любым таким государством, которое является участником как договора, так и соглашения об изменении договора, так как именно таков результат действия правила, изложенного в пункте 4. С другой стороны, в отношениях любых государств, являющихся участниками как договора, так и соглашения об изменении договора, применяется договор в измененном виде. Эта проблема касается позиции государства, которое становится участником первоначального договора лишь после того, как соглашение об изменении договора вступило в силу. Эта проблема поднимает два основных вопроса: 1) Должен ли новый участник договора становиться или, в отсутствие изъявления противоположного намерения, можно ли предполагать, что он стал участником как договора, так и соглашения об изменении договора? 2) Должен ли новый участник становиться или, в отсутствие выражения противоположного намерения, предполагаться ставшим участником неизмененного договора по отношению к любому другому государству-участнику договора, не являющемуся участником соглашения об изменении договора? Эти вопросы - далеко не теоретические вопросы, поскольку они могут возникать на практике каждый раз, когда изменяется общий многосторонний договор. Более того, Секретариат информировал Комиссию

о том, что государство довольно часто ратифицирует или иным образом устанавливает свое согласие на договор, не делая никакого указания относительно намерений в отношении соглашения об изменении договора; и в этих случаях ратификационная грамота, грамота об акцепте и т.д. рассматриваются Генеральным секретарем, как депозитарием, охватывающими договор с его поправками.

13) Некоторые современные договоры предусматривают и определяют вопрос путем конкретного положения, однако в большинстве договоров этого нет. Комиссия поэтому считала необходимым, чтобы настоящая статья излагала общие правила для применения в отсутствие какого-либо изъявления намерения в договоре или со стороны заинтересованного государства. Она полагала, что такое правило должно основываться на двух принципах: a) право государства после того, как оно стало участником договора, решать, стать ли участником только договора, договора плюс соглашения об изменении договора, или только измененного договора; b) в отсутствие какого-либо указания со стороны государства желательно принять решение, которое приведет максимальное количество государств к взаимным отношениям по договору. Пункт 5 поэтому предусматривает, что, если нет заявления о противоположном намерении, государство, становящееся участником после вступления в силу соглашения об изменении договора, должно считаться: a) участником договора с изменениями и b) также участником неизмененного договора в своих отношениях с любым участником договора, который не связан соглашением об изменении договора.

14) Текст статьи, предварительно принятый Комиссией в 1964 году, содержал положение (пункт 3 текста 1964 года), применяющее принцип nemo potest venire contra factum proprium к государствам, которые участвуют в составлении соглашения об изменении договора, но впоследствии не становятся его участниками. Результатом действия этого положения было помешать им возражать против вступления соглашения об изменении договора в силу в отношениях между теми государствами, которые стали участниками этого соглашения. После повторного рассмотрения этого положения в свете замечаний правительств Комиссия

/...

пришла к выводу о том, что его следует исключить. Признавая, что было бы весьма необычно, чтобы государства, которые участвуют в составлении соглашения об изменении договора, заявляли жалобу о вступлении соглашения в силу как о нарушении их прав по первоначальному договору, Комиссия сочла, что излагать абсолютное правило в смысле пункта 3 текста 1964 года, применимого к каждому случаю, было бы зайти слишком далеко.

Статья 37[190]

Соглашения об изменении многосторонних договоров только в отношении между определенными участниками

1. Два или более участника многостороннего договора могут заключить соглашение об изменении договора только в отношениях между собой, если:

a) возможность такого изменения предусматривается самим договором; или

b) такое изменение:

i) не влияет на пользование другими участниками их правами по договору или на выполнение ими своих обязательств;

ii) не относится к постановлению, отступление от которого является несовместимым с эффективным осуществлением задач и целей договора в целом; и

iii) не запрещается договором.

2. Если в случае, подпадающем под действие пункта 1a, договор не предусматривает иного, то указанные участники уведомляют других участников о своем намерении заключить соглашение и о тех изменениях договора, которые в нем предусматриваются.

190/ Проект 1964 года, статья 67.

Комментарий

1) Настоящая статья, как уже было указано в комментариях к статьям 35 и 36, касается не "изменения" (amendment) договора, а "соглашения inter se" о его "изменении" (modification), т.е. соглашения, заключенного только некоторыми участниками многостороннего договора и имеющего целью изменить его в отношениях только между ними. Ясно, что соглашение, в котором два участника или небольшая группа участников намереваются изменить договор только друг с другом, не предоставляя другим участникам возможности участия в таком соглашении, имеет несколько иную основу по сравнению с соглашением об изменении, составленном между всеми участниками, даже если в конечном итоге не все из них ратифицируют такое соглашение. Более вероятно, что соглашение inter se имеет такие цели и значение, которые несовместимы с целью и задачей договора. История дает целый ряд примеров соглашений inter se, которые в значительной степени изменяют режим договора и которые составлены вопреки возражениям заинтересованных государств. Не может быть также никакого сомнения в том, что применение и даже заключение соглашений inter se, несовместимых с целями и задачами договора, может поставить вопрос об ответственности государства. Поэтому в рамках настоящей статьи главным вопросом являются условия, при которых соглашения inter se могут считаться допустимыми.

2) В пункте 1a по необходимости признается, что соглашение inter se допустимо, если возможность такого соглашения предусмотрена в договоре, другими словами, если в договоре предусматривается возможность "выхода из него". В пункте ib говорится, что соглашение iner se допустимо в других случаях, если только будут выполнены три условия. Во-первых, изменение не должно затрагивать ни осуществления другими сторонами их прав, ни выполнения их обязательств, т.е. оно не должно ущемлять их прав и увеличивать их бремя. Во-вторых, оно не должно относиться к постановлению, отступление от которого было бы несовместимым с эффективным осуществлением задач и целей договора.

Например, соглашение iner se, изменяющее существенные положения договора о разоружении или о нейтрализации, будет несовместимо с целями и задачами такого договора и согласно настоящей статье будет недопустимо. В-третьих,изменение не должно быть таким изменением, которое запрещается договором, как, например, запрещение выхода из договора, содержащееся в статье 20 Берлинской конвенции 1908 года об охране литературной собственности. Эти условия являются не альтернативными, а совокупными. Второе и третье условия, конечно, в некоторой степени дублируют друг друга, поскольку соглашение inter se, несовместимое с целями и задачами договора, может считаться как фактически запрещенное договором. Тем не менее, Комиссия сочла желательным изложить принцип, содержащийся во втором условии, отдельно; всегда возможно такое положение, когда участники сами могут специально запретить какое-либо изменение iner se, исключая тем самым даже незначительные изменения, не входящие во второе условие.

3) Пункт 2 должен обеспечить сторонам дополнительную защиту от незаконных изменений договора некоторыми участниками, совершенных при помощи соглашения inter se, требуя от них заблаговременного извещения других участников о своем намерении заключить соглашение и об изменениях, которые в нем предусматриваются. Текст этого пункта, предварительно принятый в 1964 году, требовал бы от них извещения других участников лишь о фактическом заключении соглашения inter se. Однако при повторном рассмотрении пункта в свете замечаний правительств Комиссия пришла на текущей сессии к выводу, что правило должно требовать извещения до заключения соглашения. Комиссия полагала, что нет необходимости и даже нецелесообразно требовать извещения в то время, когда предложение лишь рождается и все еще находится на стадии изучения. Поэтому она выразила требование в смысле извещения о своем "намерении заключить соглашение и о предусматриваемых в нем изменениях договора" с целью указать,что извещение следует направлять другим участникам лишь, когда переговоры о соглашении inter se достигли зрелой стадии. Комиссия также пришла

/...

к выводу на настоящей сессии, что, когда договор предусматривает возможность соглашения iner se, желательно, чтобы намерение о заключении такого соглашения было сообщено другим участникам, если только сам договор не исключает необходимости такого извещения. Даже в таких случаях она считала, что другие стороны должны иметь разумную возможность убедиться в том, что соглашение inter se не превышает того, что предусматривается в договоре.

Статья 38[191/]

Изменение договоров в силу последующей практики

Договор может быть изменен в силу последующей практики применения договора, устанавливающей согласие участников в отношении изменения его постановлений.

Комментарий

1) Эта статья охватывает случаи, где участники по общему соглашению фактически применяют договор таким образом, который не предусмотрен в его положениях. Последующая практика применения договора, как изложено в статье 27, пункт 3b, является авторитетным свидетельством относительно его интерпретации, когда практика является соответствующей ему и устанавливает понимание относительно значения положений договора. Равным образом, совместимая практика, устанавливающая общее согласие участников на применение договора таким образом, который отличается от изложенного в некоторых положениях договора, может иметь значение изменения договора. В недавнем арбитражном разбирательстве между Францией и Соединенными Штатами о толковании соглашения о двусторонних транспортных услугах, касаясь последующей практики сторон, суд заявил:

191/ Проект 1964 года, статья 68.

"Такие действия могут в действительности быть приняты во внимание не только как полезное средство толкования соглашения, но как и нечто большее, а именно: как возможный источник последующих изменений, вытекающих из определенных действий или определенных позиций, имеющих отношение к юридическому положению сторон или к правам, на которые каждый из них вправе претендовать"[192/].

И суд в действительности пришел к выводу, что это соглашение было в некотором отношении изменено последующей практикой. Хотя иногда разница между толкованием и изменением договора последующей практикой может быть сглажена, в правовом аспекте эти процедуры являются совершенно отличными друг от друга. Поэтому значение последующей практики изменения договора разбирается в настоящей статье как случай изменения договоров.

2) Статья таким образом предусматривает, что договор может быть изменен последующей практикой применения договора, создающей соглашение между сторонами об изменении его положений. Формулируя правило таким образом, Комиссия была намерена указать, что последующая практика (даже если каждая сторона, возможно, и не участвовала сама активно в этой практике) должна быть таковой, чтобы создавать согласие сторон в целом на такое изменение.

3) Текст статьи, принятый в предварительном порядке в 1964 году, содержал два других пункта, признающих, что договор может быть изменен:

i) последующим договором, заключенным между сторонами и относящимся к тому же вопросу в той мере, в какой положения обоих договоров несовместимы; и

ii) последующим возникновением новой нормы обычного права, относящейся к вопросам, являющимся предметом договора, и обязывающей все стороны.

192/ Принято в Женеве 22 декабря 1963 г.; арбитры Р. Аго (председатель), П. Рейтер и Х.П. де Врис. (Мимеографированный текст решений суда, стр. 104-105).

/...

Во всяком случае, после повторного изучения этих пунктов в свете замечаний правительств Комиссия постановила опустить их. Она полагала, что случай изменения, осуществляемого через заключение последующего договора, касающегося того же вопроса, в достаточной степени охвачен положениями пунктов 3 и 4 статьи 26. Что касается случая изменения договора в результате создания новой нормы обычного права, то она заключила, что этот вопрос будет в любом конкретном случае зависеть в значительной степени от конкретных обстоятельств и намерений участников договора. Она далее полагала, что вопрос составляет часть общего предмета об отношении между нормами договорного и обычного права, который настолько сложный, что вряд ли Комиссия может рассматривать только один его аспект в настоящей статье.

ЧАСТЬ V: НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ, ПРЕКРАЩЕНИЕ И ПРИОСТАНОВЛЕНИЕ ДЕЙСТВИЯ ДОГОВОРОВ

Раздел 1 - Общие положения

Статья 39[193/]

Действительность и сохранение договоров в силе

1. Действительность договора может оспариваться только на основе применения настоящих статей. Договор, недействительность которого устанавливается на основании настоящих статей, является ничтожным.

2. Договор может быть прекращен или денонсирован участником или участник может выйти из него только в результате применения постановлений самого договора или настоящих статей. Это же правило применяется к приостановлению действия договора.

Комментарий

1) Основные положения настоящей части проекта статей касаются целого ряда оснований, по которым может быть поднят вопрос о недействительности или прекращении договора или выходе участника из договора, или прекращении его действия. Комиссия поэтому полагала, что желательно в качестве гарантии стабильности договоров подчеркнуть в общем положении в начале этой части, что действительность и сохранение договора в силе является нормальным состоянием вещей, которое может быть устранено лишь на основании настоящих статей или в соответствии с условиями, предусмотренными в настоящих статьях.

2) Пункт 1, таким образом, предусматривает, что действительность договора может оспариваться только на основе применения настоящих статей.

3) Пункт 2 по необходимости несколько отличен в своей формулировке, поскольку договор нередко содержит конкретные положения, касающиеся его прекращения или денонсации, выхода участников из соглашения или

193/ Проект 1963 года, статья 30.

/...

прекращения действия его положений. Этот пункт поэтому предусматривает, что договор может быть прекращен или денонсирован или участник может выйти из него или его действия могут быть прекращены лишь в результате применения условий договора или настоящих статей.

4) Слова "применение настоящих статей", использованные в обоих пунктах, относятся, что следует подчеркнуть, к проекту статей в целом, а не только лишь к конкретной статье, касающейся конкретных оснований недействительности или прекращения, о которых идет речь в любом данном случае. Иными словами, они относятся не только лишь к статье, касающейся оснований для недействительности или прекращения, относящихся к данному случаю, но также и к другим статьям, регулирующим условия осуществления этой статьи; например, статья 4 (договоры, являющиеся учредительными актами международных организаций), статья 41 (разделение договорных положений), статья 42 (утрата права ссылаться на основание недействительности, прекращения и т.д.) и, особенно, статьи 62 (процедура, которой следует придерживаться) и 63 (документы об объявлении недействительности).

5) Слова "только на основе применения настоящих статей" и "только в результате применения настоящих статей", использованные соответственно в двух пунктах, также имеют целью указать, что основание для недействительности, прекращения, денонсации, выхода из договора или приостановления его действия, предусмотренные в проекте статей, исчерпывают все такие основания помимо любых таких случаев, специально предусмотренных в самом договоре. В этой связи Комиссия рассматривала вопрос о том, следует ли признавать в качестве определенного основания для прекращения договоров "устарелость" или "неупотребление". Но она пришла к выводу о том, что в то время как "устарелость" или "неупотребление" могут фактически вызвать прекращение договора, юридической основой такого прекращения, когда оно происходит, является согласие участников отказаться от договора, которое следует понимать из их поведения в отношении договора. По мнению Комиссии, поэтому, случаи "устарелости" или "неупотребления" можно рассматривать

в качестве входящих в положения, охваченные пунктом b статьи 53, по которым договор может быть прекращен "в любое время с согласия всех участников". Хотя изменение юридического лица участника в результате его исчезновения как отдельного международного лица может явиться фактической причиной прекращения двустороннего договора, это не составляет, по-видимому, определенного юридического основания для прекращения договора, которое необходимо охватить в настоящих статьях. Двусторонний договор, не имеющий двух участников, может просто прекратить свое существование, в то время как многосторонний договор в таких обстоятельствах может лишь потерять участника. Комиссия также рассмотрела вопрос о том, следует ли учитывать возможное значение преемственности государств или международной ответственности государства в отношении прекращения договоров. Однако, не занимая какой-либо позиции по существу этих вопросов, Комиссия постановила, что, в случае преемственности государств и международной ответственности государства, оба вопроса, находящиеся в настоящее время на отдельном рассмотрении, следует исключить из настоящих статей о праве договоров. Поскольку такие случаи, возможно, могут иметь значение в других частях права договоров, Комиссия далее постановила сделать в статье 69 общую оговорку, касающуюся их и относящуюся к проекту статьи в целом.

Статья 40[194/]

Обязательства, вытекающие из других норм международного права

Недействительность, прекращение или денонсация договора, приостановление его действия или выход из него одного из участников на основе применения настоящих статей или постановлений самого договора ни в коей мере не уменьшает обязанности любого государства выполнять любое записанное в договоре обязательство, которое накладывается на него в соответствии с какой-либо другой нормой международного права.

194/ Новая статья. Аналогичное положение было включено в пункт 4 статьи 53 проекта 1963 года, но было ограничено там случаями прекращения.

Комментарий

1) Эта статья не фигурировала в настоящей общей форме среди статей Части II, представленной правительствам в 1963 году. Подобное положение было включено в пункт 4 статьи 53, но оно ограничивалось там случаями прекращения. В этом контексте Комиссия сочла, что, хотя этот вопрос можно рассматривать в качестве аксиомы, желательно подчеркнуть, что прекращение договора не будет освобождать участников от заключенных в договоре обязательств, которые также распространяются на них согласно любой другой норме международного права. При новом изучении статей о недействительности и приостановлении действия договоров на второй части своей семнадцатой сессии[195] Комиссия пришла к выводу, что этот вопрос не менее желательно подчеркнуть в этом контексте; поэтому она постановила опустить пункт 4 статьи 53 в проекте 1963 года и заменить его общей статьей в начале данной части, применяющей правила в каждом случае, где договор перестает действовать, прекращается или денонсируется или его действие приостанавливается.

Статья 41[196]

Разделение договорных положений

1. Предусмотренное в договоре право участника денонсировать договор, выйти из него или приостановить его действие может быть использовано только в отношении всего договора, если договор не предусматривает иного или если его участники не условились об ином.

2. На признаваемое в настоящих статьях основание для недействительности, прекращения, выхода из договора или приостановления его действия можно ссылаться только в отношении всего договора, кроме случаев, предусмотренных в нижеследующих пунктах или в статье 57.

3. Если такое основание касается только отдельных постановлений, то на него можно ссылаться только в отношении этих постановлений, где:

a) названные постановления отделимы от остальной части договора в отношении их применения; и

b) принятие этих постановлений не составляет существенного основания для согласия другого или других участников договора в целом.

195/ См. 842-е заседание.

196/ Проект 1963 года, статья 46.

4. При условии соблюдения положений пункта 3, в случаях, подпадающих под действие статей 46 и 47, государство, имеющее право ссылаться на обман или коррупцию, вправе делать это либо в отношении всего договора, либо лишь в отношении его отдельных постановлений.

5. В случаях, подпадающих под действие статей 48, 49 и 50, разделение положений договора не допускается.

Комментарий

1) До последнего времени вопрос об отделимости одних постановлений договора от других рассматривался почти исключительно в связи с правом прекращения договора вследствие нарушения его другим его участником. Однако некоторые из современных авторитетов высказываются за признание принципа отделимости в случаях недействительности договоров, а также при определении последствий, которые имеет для договоров война. Они категорически утверждают, что в некоторых случаях исключение из договора какого-либо из его постановлений или приостановление действия такого постановления возможно без нарушения равновесия прав и обязанностей, установленных другими постановлениями этого договора. В подтверждение своих утверждений эти авторитеты ссылаются на некоторые высказывания Постоянной палаты международного правосудия относительно толкования самостоятельных частей договоров[197/]. При рассмотрении вопроса о возможности отделения одних постановлений договора от других с целью толкования возникают совершенно иные проблемы, чем при применении принципа такой отделимости в случаях недействительности или прекращения договоров. Однако, если практика обоих судов проливает мало света на эти последние вопросы, то совершенно ясно, что некоторые из судей в своих отдельных мнениях по делу о Norwegian Loans[198/] и по делу Interhandel[199/] признали, что принцип отделимости одних постановлений международного договора от других был применим в случае ссылки на недействительность сделанного на основании факультативной клаузулы одностороннего заявления, вследствие оговорки, действительность которой оспаривалась.

197/ e.g. the Free Zones Case, Series A/B No. 46, p.140; the s.s. Wimbledon case, Series A, No. 1, p. 24.

198/ I.C.J. Reports 1957, pp. 55-59.

199/ I.C.J. Reports 1959, pp. 57, 77-78 and 116-117.

2) В этих обстоятельствах Комиссия постановила, что она должна рассмотреть de novo уместность и полезность признания принципа отделимости положений договора в контексте недействительности, прекращения и приостановления действия договоров. Она далее постановила, что с целью определения уместности применения принципа в таком контексте каждая статья должна поочередно быть изучена, поскольку в различных статьях вполне могут применяться различные соображения. Комиссия пришла к выводу, что, за некоторыми исключениями, желательно допустить применимость принципа отделимости в применении оснований недействительности, прекращения и приостановления действия договора. В целом Комиссии представлялось неуместным, чтобы договоры между суверенными государствами могли быть недействительными, прекращаться или приостанавливаться в действии полностью даже в тех случаях, где основание для недействительности, прекращения или приостановления может относиться к весьма второстепенным положениям договора. Комиссии представлялось также, что иногда в таких случаях должна быть возможность исключить эти положения, существенно не затрагивая равновесия интересов участников договора. С другой стороны, Комиссия признала, что характер общего согласия для всех договоров, будь то договорные или нормоустанавливающие, требует, чтобы принцип отделимости положений не применялся таким образом, чтобы существенно изменять основу обязательства, на которой было дано согласие на договор. Поэтому она стремилась найти решение, которое уважало бы первоначальную основу договора, а также помешало бы сведению договора на нет на основаниях, которые не являются существенной основой согласия.

3) Комиссия полагала, что принцип отделимости положений не должен применяться к праву денонсации, прекращения и т.д., предусмотренному в договоре. В отношении предусмотренного в договоре права условия для осуществления права должны излагать участники и, если они не предусмотрели конкретно права на денонсацию, прекращение и т.д. лишь частей договора, предполагается, что они имели в виду право,

относящееся ко всему договору. Пункт 1 статьи поэтому предусматривает, что право, предусмотренное в договоре, осуществимо лишь в отношении всего договора, если в договоре не предусматривается иное или если участники не согласятся о другом.

4) Комиссия, выступая за признание принципа отделимости в связи с применением оснований для недействительности, прекращения и т.д., считала желательным подчеркнуть, что единство положений договора является высшим правилом. Поэтому пункт 2 статьи излагает, что на основание для недействительности, прекращения и т.д. можно ссылаться лишь в отношении всего договора, за исключением случаев, предусмотренных в последующих пунктах, и в случаях нарушения договора.

5) В пункте 3, затем, излагается, что если основания относятся к конкретным условиям, которые явно отделимы от остальной части договора в отношении их применения и согласие на которое не является существенной основой согласия другого участника или участников договора в целом, то на это основание можно ссылаться лишь в отношении этих условий. Таким образом, если эти условия выполняются, то этот пункт требует отделения недействительных, прекращенных, денонсированных или приостановленных условий от остальной части договора и сохранения остальной части в силе. Вопрос о том, удовлетворено ли условие, изложенное в подпункте b - не является ли принятие условия существенным основанием для согласия на договор в целом,- по необходимости будет вопросом, для установления которого необходимо обратиться к вопросу существа этих условий, их отношения к другим условиям, к подготовительной работе и к обстоятельствам заключения договора.

6) Пункт 4, ставя вопрос об отделимости постановлений в зависимость от условий, содержащихся в пункте 3, излагает иную норму для случаев обмана (статья 46) и коррупции (статья 47). В этих случаях ссылка на основание для недействительности может, конечно, делаться лишь государством,которое явилось жертвой обмана или коррупции, и Комиссия полагала, что оно должно иметь выбор: либо объявить недействительным весь договор, либо конкретные постановления, к которым относится обман или коррупция.

/...

7) Пункт 5 полностью исключает из принципа отделимости случаи принуждения представителя (статья 48) и принуждения государства (статья 49). Комиссия считает, что если договор получен путем принуждения государства или его представителя, имеются все основания рассматривать его в качестве абсолютно недействительного во всех его частях. Только таким образом, по мнению Комиссии, будет возможно обеспечить, что принужденные государства при решении своих будущих договорных отношений с государством, которое принудило его, смогут сделать это в обстановке, полностью свободной от принуждения.

8) Пункт 5 также полностью исключает из принципа отделимости случай договора, который в случае его заключения будет противоречить jus cogens (статья 50). Некоторые члены Комиссии считали, что нежелательно предписывать, чтобы весь договор низводился до основания в случаях, где лишь одна часть, притом малая часть договора, противоречит норме jus cogens. Комиссия, однако, придерживалась той точки зрения, что нормы jus cogens имеют настолько фундаментальный характер, что в случае заключения участниками договора, который противоречит в каком-либо из его положений уже существующей норме jus cogens, договор должен считаться полностью недействительным. В таком случае участники имеют выбор пересмотреть договор с тем, чтобы привести его в соответствие с правом, и, если они не сделали этого, право должно признать весь договор ничтожным.

Статья 42[200/]

Утрата права ссылаться на основание для недействительности, прекращения, выхода из договора или приостановления его действия

Государство не вправе больше ссылаться на основание для недействительности, прекращения, выхода из договора или приостановления его действия на основе статей 43-47 включительно или статей 57-59 включительно, если после того, как ему стало известно о фактах:

a) оно определенно согласилось, что договор в каждом отдельном случае действителен или сохраняет силу, или остается в действии; либо

b) оно должно в силу его поведения, считаться молчаливо согласившимся с тем, что договор в каждом отдельном случае действителен или сохраняет силу, или остается в действии.

Комментарий

1) Основой того принципа, что никакому участнику договора не должно разрешаться получить выгоду в результате его собственной непоследовательности, является в сущности добросовестность и добропорядочное отношение (allegans contraria non audiendus est). Значение этого принципа в международном праве всеми признается и было прямо признано самим Международным Судом в двух недавних решениях[201/].

2) Этот принцип[202/] имеет особое значение в праве договоров. Как уже упоминалось в предыдущих комментариях, основания, по которым договора могут считаться недействительными, прекращаться или их действие приостанавливаться, влекут за собой некоторую опасность

200/ Проект 1963 года, статья 47.

201/ The Arbitral Award made by the King of Spain, I.C.J. Reports 1960, pp.213-4; The Temple of Preah Vihear, I.C.J. Reports 1962, pp.23-32.

202/ См. мнение судей Альфаро и Фицмориса в деле о The Temple of Preah Vihear, I.C.J. Reports 1962, pp.39-51, 62-5.

злоупотреблений. Другая опасность заключается в том, что какое-либо государство после того, как оно удостоверится, что при заключении договора имело место существенное заблуждение, что его представитель превысил свои полномочия или что договор нарушен другим его участником и т.д., может продолжать применение договора таким образом, будто ничего не случилось, и возбудить соответствующий вопрос лишь много времени спустя, когда оно пожелает, по совершенно иным причинам, положить конец своим обязательствам по этому договору. Рассматриваемый сейчас принцип ставит предел случаям, в которых такие утверждения могут заявляться с какой-либо видимостью правомерности. Именно такую роль играл этот принцип в деле Temple и в деле Arbitral Award of the King of Spain. Поэтому, признавая общий характер принципа, Комиссия полагала, что ввиду того особого значения, которое он имеет в области, относящейся к недействительности и прекращению договоров, этот принцип следует упомянуть в данной части права договоров.

3) Наиболее очевидным является тот случай, когда после того как заинтересованный участник уверится в возможном основании для недействительности, прекращения, выхода из договора или прекращения его действия, он специально соглашается с тем, что договор в данном случае остается в силе или действует. Очевидно, что при таких обстоятельствах государства следует рассматривать как отказавшиеся раз и навсегда от своего права приводить это конкретное основание для недействительности, прекращения договора, выхода из договора или его приостановления; в подпункте a этой статьи именно это и предусматривается.

4) Подпункт b предусматривает, что право ссылаться на основание для недействительности, прекращения и т.д. также не будет более осуществляться, если после того, как государство удостоверилось в фактах, его поведение было таковым, что оно рассматривается в качестве молчаливого согласия на действительность договора и его сохранение в силе или действии. В таком случае государству не разрешается занимать правовую позицию, противоречащую позиции, которую, как оно

/...

своим поведением дало основание для других участников предполагать, оно занимает в отношении действительности, сохранения в силе или поддержания действия договора. Комиссия отметила, что во внутригосударственных системах права этот принцип выливается в специальные формы, в которых отражаются технические особенности соответствующих систем. Она полагала, что эти технические особенности принципа во внутригосударственном праве не обязательно должны учитываться при применении этого принципа в области международного права. По этой причине она предпочла не пользоваться такими терминами внутригосударственного права, как "лишение права возражения".

5) Комиссия полагала, что применение нормы в любом данном случае обязательно будет обращаться к фактам и что руководящим соображением будет добросовестность. Если это так, то принцип не будет действовать, если государства, о которых идет речь, не знали о фактах, дающих основание для права, или не были в состоянии свободно осуществлять свое право заявить о ничтожности договора. По последней причине Комиссия считала, что принцип не должен применяться вообще во всех случаях принуждения представителя (статья 48) или принуждения самого государства (статья 49). Значение и последствия принуждения в международных отношениях имеют такую серьезность, что Комиссия полагала, что согласие, полученное таким образом, следует рассматривать как абсолютно недействительное с целью обеспечить, чтобы жертва принуждения впоследствии смогла оказаться в положении свободно определить свои будущие отношения с государством, которое вынудило ее. Признание применения настоящей статьи в случае принуждения могло, по ее мнению, ослабить защиту, даваемую статьями 48 и 49 жертвам принуждения. Комиссия также не сочла целесообразным распространение этого принципа на случаи "jus cogens" или "вытекающие из jus cogens"; и, очевидно, он не будет применим в отношении прекращения согласно праву, полученному по договору, или прекращению по соглашению. Поэтому она ограничила действие нормы статьями 43-47 и 57-59.

Раздел 2 - Недействительность договоров

Статья 43[203]

Положения внутреннего права, касающиеся компетенции заключать договор

Государство не вправе ссылаться на то, что его согласие быть связанным договором было выражено в нарушение того или иного положения его внутреннего права, касающегося компетенции заключать договора, как на основание недействительности его согласия, если данное нарушение его внутреннего права не является очевидным.

Комментарий

1) Ограничения, устанавливаемые конституциями для осуществления права заключать договора, принимают различные формы[204]. В некоторых конституциях имеется в виду лишить главу исполнительной власти права заключать договора вообще или договора определенной категории без предварительного согласия законодательного органа. В других предусматривается, что договора не имеют силы закона в государстве, если не "утверждены" или не подтверждены в каком-то порядке законодательным органом. В-третьих содержатся основные законы, которые могут быть изменены только в особом порядке изменения конституции и которые таким образом косвенно устанавливают ограничение права главы исполнительной власти заключать договора. Юридически возможно проведение во внутреннем законе различия между теми категориями постановлений, которые устанавливают конституционные ограничения права правительства заключать договора, и теми, которые ограничивают только право правительства применять договор как внутренний закон государства без того или иного подтверждения этого договора законодательной властью. Можно считать, что первые относятся фактически к праву главы исполнительной власти заключать договора,

---

203/ Проект 1963 года, статья 31.

204/ См. United Nations Legislative Series. Laws and Practices concerning the Conclusion of Treaties (ST/LEG/SER.B/3).

а вторые - только к праву проводить такие договора в жизнь после их заключения. Данная статья относится к вопросу о том, насколько подобные конституционные ограничения могут отражаться с точки зрения международного права на действительность согласия на договор, изъявленного таким должностным лицом государства, которого можно было бы считать уполномоченным на изъявление этого согласия. По этому вопросу мнения расходятся.

2) Некоторые юристы утверждают, что международное право предоставляет внутреннему закону каждого государства решение вопроса о том, какие органы и в каком порядке должны определять и изъявлять волю государства связать себя договором; и основные законы, регулирующие определение изъявления согласия государства на договор, всегда должны приниматься во внимание при рассмотрении вопроса о том, обязывает ли соответствующее государство данный международный акт подписания,ратификации, акцепта, подтверждения или присоединения. С этой точки зрения внутренние законы, ограничивающие право государственных органов заключать договора, должны считаться частью международного права и, таким образом, вызывать недействительность или по крайней мере оспоримость всякого согласия на договор, данного в международном плане в нарушение конституционных ограничений. Должностное лицо, действующее в целях связать свое государство обязательствами в нарушение конституции, не имеет никаких полномочий ни с точки зрения международного права, ни с точки зрения внутреннего закона на изъявление согласия этого государства на договор. Если стать на эту точку зрения, то возникает такое положение, при котором другие государства не вправе будут полагаться на полномочия принимать за соответствующее государство обязательства, которые можно считать принадлежащими главе государства, премьер-министру, министру иностранных дел и т.д. согласно статье 6; им придется в каждом случае удостоверяться, что постановления конституции соответствующего государства не были нарушены, или рисковать тем, что договор впоследствии окажется недействительным.

3) В 1951 году Комиссия сама приняла статью, основанную на этой точке зрения[205]. Однако некоторые члены Комиссии весьма критически отнеслись к идее включения конституционных ограничений в международное право, а помощник Генерального секретаря по правовым вопросам высказал опасения по поводу тех трудностей, которые возникли бы в результате этого для депозитария. При обсуждении вопроса на соответствующей сессии было указано, что в основу решения Комиссии положены не юридические принципы, а утверждение в том, что никакой другой нормы государства не примут.

4) Другие юристы, исходя из идеи включения конституционных ограничений в международное право, признают необходимость некоторых оговорок в этой доктрине, для того чтобы она не подрывала прочности договоров. По мнению этой группы, честное отношение к вещам требует, чтобы принимались во внимание только общеизвестные конституционные ограничения, знакомство с которыми можно разумно ожидать от государств. Согласно этой точке зрения государство, оспаривающее действительность договора по конституционным основаниям, может ссылаться только на те постановления конституции, которые всем известны. Компромиссное решение, основанное на первоначальной гипотезе недействительности, согласно международному праву, противоречащего конституции подписания, ратификации договора и т.д., связано с известными трудностями. Если какое-либо ограничение, установленное внутренним законом государства, должно считаться согласно международному праву ограничивающим полномочия главы государства или каого-либо другого должностного лица государства на изъявление согласия этого государства на договор, то не ясно, на основании какого принципа "общеизвестное ограничение" имеет в этом отношении силу, а "необщеизвестное" - не имеет. По внутреннему закону государства юридическое

205/ Статья 2; "Международный договор приобретает для государства обязательную силу вследствие подписания, ратификации, присоединения или какого-либо иного изъявления воли государства в соответствии с его конституционным правом и практикой через посредство уполномоченного на это органа". (I.L.C Yearbook. 1951, vol. II, p.73)

значение ограничений обеих категорий состоит в том, что они лишают соответствующее должностное лицо полномочий на заключение договора. Еще значительнее практические трудности, так как во многих случаях совершенно невозможно провести ясное различие между общеизвестными и необщеизвестными ограничениями. Некоторые конституционные положения можно толковать субъективно, такие, как, например, требование, согласно которому "политические" или "особо важные" договора должны представляться законодательному органу; в текстах некоторых законов неясно, к чему относится ограничение: к полномочиям на заключение договоров или к силе и значению таких договоров согласно внутреннему закону. Однако даже в тех случаях, когда соответствующие постановления кажутся несложными и точными, внешняя ясность и очевидность ограничений могут быть весьма обманчивыми. Когда в самой конституции содержатся строгие и точные, по-видимому, ограничения, признается тем не менее необходимым предоставление главе исполнительной власти широкой свободы заключать договор в упрощенной форме, не соблюдая установленного внутренним законом строгого порядка, причем такое осуществление права заключать договора согласуется с буквой закона либо в порядке толкования, либо путем установления известной политической договоренности. Далее, конституционная практика, касающаяся договоров в упрощенной форме, имеет тенденцию к известной гибкости, и вопрос о том, соблюдать ли в отношении определенного договора порядок, установленный конституцией, становится при таких обстоятельствах объектом политического решения главы исполнительной власти, а его решение может впоследствии оспариваться в законодательном органе или судебных учреждениях. Поэтому во многих случаях может оказаться затруднительным сказать с какой-либо определенностью в случае спора, будет ли данный договор признан подпадающим согласно внутреннему закону под соответствующее ограничение и признает ли какой-либо международный судебный орган соответствующее постановление внутреннего закона "общеизвестным" и "ясным" с точки зрения международного права.

/...

5) Третья группа юристов считает, что международное право предоставляет каждому государству решать, какие органы и в каком порядке должны определять его намерение заключить договор, а само учитывает только внешнее изъявление этого намерения в международном плане. Согласно этой точки зрения международное право определяет порядок и условия, на которых государство выражает в международном плане свое согласие на договора, а также регулирует условия, при которых различные категории государственных учреждений и должностных лиц признаются полномочными действовать в этом порядке от имени своих государств. Поэтому, если должностное лицо, которое согласно международному праву уполномочено обязывать свое государство, изъявило в установленном порядке согласие этого государства на какой-либо договор, этот договор считается согласно международному праву обязательным для этого государства. Согласно этой точки зрения, несоблюдение требований внутреннего закона может повлечь за собой недействительность договора в качестве внутреннего закона и вызвать ответственность соответствующего должностного лица согласно внутреннему закону. Но это не затрагивает действительности договоров в международном праве, поскольку должностное лицо выступало в рамках его полномочий по международному праву. Некоторые из этих авторов[206/] отмечают жестокость этого правила в тех случаях, когда государство-контрагент фактически знало о несоблюдении внутреннего закона или когда отсутствие конституционного полномочия было настолько явным, что другое государство должно считаться знавшим о нем. Поскольку, по мнению этой третьей группы, основной принцип заключается в том, что государство вправе предполагать правомерность действий, совершаемых в пределах полномочий и принадлежащих определенному должностному лицу согласно международному праву, достаточно логичен вывод, что государство не может исходить из подобного предположения, если оно знает или юридически должно считаться знающим, что в конкретном случае этих полномочий не существует.

206/ The UNESCO "Survey on the Ways in which States interpret their International Obligations", p.8.

6) Постановления международных судебных органов и практика государств, хотя они не имеют вполне решающего характера, подкрепляют очевидно положения, основанные на мнении третьей группы. Следует признать, что международная судебная практика не очень обширна. В арбитражном решении Cleveland[207] (1888 г.) и в решении по делу George Pinson[208] (1928 г.), хотя этот вопрос фактически не разрешается, но содержатся замечания, указывающие на то, что постановления конституции имеют отношение к действительности договоров. С другой стороны, решения по делам Franco-Swiss Custom[209] (1912 г.) и Rio Martin[210] (1924 г.) содержат определенные постановления арбитров об отказе учесть ссылки на нарушение конституционных ограничений и о признании действительными соответствующего протокола и обмена нотами, а в решении по делу Metzger[211] содержатся замечания в том же смысле. Далее, в тех высказываниях, которые содержатся в решениях по делам о Eastern Greenland[212] и Free Zones[213] и не имеют прямого отношения к нашему вопросу, имеется очевидно указание на то, что международное судебное учреждение не склонно было бы производить дальнейшие исследования, когда речь идет о таком должностном лице государства, которое предполагается согласно международному праву имеющим полномочия обязывать свое государство; в упомянутых делах это были министр иностранных дел и представитель в международном судебном процессе.
7) В практике государств имеются случаи заявлений о том, что договора были недействительными по конституционным основаниям, но ни в одном из этих случаев подобное заявление не было признано правильным другой стороной в споре. Далее, в трех случаях - принятие Люксембурга в Лигу Наций, инцидент с Политисом и членство Аргентины - Лига Наций, по-видимому, действовала на основании того принципа, что

207/ Moore, International Arbitrations, vol 2, p. 1946.

208/ United Nations Reports of International Arbitral Awards, vol.V, p.327.

209/ Ibid., vol. XI, p.411.

210/ Ibid., vol.II, p.724.

211/ Foreign Relations of the United States, 1901, p.262.

212/ P.C.I.J., Series A/B, No.53, pp. 56-71 and p.91.

213/ P.C.I.J., Series A/B, No.46, p.170. /...

согласие, данное в международном плане таким должностным лицом государства, которое предполагается имеющим надлежащие полномочия, не становится недействительным в результате последующего установления отсутствия у этого должностного лица полномочия связывать свое государство. Затем, в одном случае депозитарий (правительство Соединенных Штатов) исходил очевидно из предположения, что внешне правильное уведомление о присоединении к соглашению может быть аннулировано ввиду отсутствия конституционного полномочия только в случае согласия других участников соглашения. Представители государств не имеют обыкновения допрашивать при заключении договоров друг друга относительно их конституционных полномочий на подписание договора или депонирование ратификационных грамот, грамот об акцепте и т.д.

8) То мнение, что невыполнение постановлений конституции не должно, как правило, считаться обстоятельством, лишающим силы согласие, изъявленное в надлежащей форме органом или должностным лицом, которое предполагается имеющим полномочия на изъявление такого согласия, - подкрепляется, по-видимому, также двумя другими соображениями. Во-первых, международное право предусматривает несколько относящихся к заключению договоров процедур (ратификация, акцепт и подтверждение) специально для того, чтобы дать возможность государствам как следует обдумать определенный договор, прежде чем решать, следует ли соответствующему государству принимать в этом договоре участие, а также для того, чтобы дать ему возможность учесть постановления конституции государства. Если в договоре предусмотрено, что он подлежит ратификации, акцепту или подтверждению, то из этого следует, что участвовавшие в переговорах государства сделали все, что можно от них разумно ожидать в смысле учета конституционных требований друг от друга. Едва ли имеется разумное основание считать, чтобы после этого каждое правительство следило за тем, как поступает с этим договором каждое другое правительство в своем внутреннем плане. Поскольку выражение каких бы то ни было сомнений в том, поступает ли

другое правительство во внутренней своей сфере согласно конституции, определенно считалось бы недопустимым вмешательством в его дела. Эти соображения относятся также и к случаям присоединения, когда правительство имеет полнейшую возможность изучить договор и соблюсти требования конституции, прежде чем совершать какое-либо действие в международном плане с целью заявить о присоединении своего государства к этому договору. Если договор приобретает обязательную силу по подписании, то опять-таки именно правительство дает разрешение воспользоваться этим порядком. Цель договора известна правительству еще до начала переговоров. При современных способах сношений ему, как правило, известно содержание договора до того, как его представитель приступает к подписанию; более того, в случаев необходимости, его представителю может быть предписано подписать договор "ad referendum". Следует признать, что в тех случаях, когда договор становится обязательным по подписании, а особенно в тех случаях, когда речь идет о договоре упрощенной формы, риск нарушения постановлений конституции по недосмотру может быть несколько большим. Однако даже в этих случаях правительство располагает необходимыми способами контролировать действия своего представителя и выполнять все требования конституции. Другими словами, в любом случае ответственность за любое нарушение постановлений конституции при заключении договора должна лежать явно на правительстве соответствующего государства.

9) Второе соображение заключается в том, что большинство дипломатических инцидентов, во время которых государства ссылались на требования своих конституций как на основание для признания договора недействительным, относилось к тем случаям, когда государства желали освободиться от своих договорных обязательств по совершенно другим причинам. Если после заключения договора правительство встречается с подлинными конституционными затруднениями и возбуждает соответствующий вопрос немедленно, оно, как правило, имеет возможность устранить вытекающие из конституции препятствия внутренними

мерами и получить тем временем, если это необходимо, надлежащие отсрочки от других участников договора. Встретившись со спором согласно национальному закону относительно конституционной действительности договора, правительство обычно старается урегулировать свое положение по такому договору, принимая соответствующие меры во внутреннем или международном плане.

10) На пятнадцатой сессии некоторые члены Комиссии выразили мнение о том, что международное право должно учитывать внутреннее право в той степени, чтобы признавать, что внутреннее право определяет, какие органы компетентны в данном государстве осуществлять право на заключение договоров. С этой точки зрения всякий договор, заключенный каким-либо органом или представителем, не имевшим согласно внутреннему праву правомочий заключать его, будет недействителен, ибо отсутствуют полномочия по внутреннему праву давать согласие государства на заключение этого договора. Большинство членов Комиссии, однако, полагало, что сложность и неопределенность применения положений внутреннего права относительно заключения договоров создают слишком большую опасность для прочности договоров. Они полагали, что в основу данной статьи должен быть положен тот принцип, что несоблюдение какого-либо постановления внутреннего права относительно полномочий на заключение договоров не отражается на действительности согласия, данного в надлежащей форме каким-либо органом или должностным лицом государства, компетентным, согласно международному праву, давать такое согласие. При этом некоторые члены Комиссии стали на ту точку зрения, что нежелательно ослаблять каким-либо образом этот основной принцип, допуская какие-либо исключения из него. Другие члены Комиссии, однако, полагали, что было бы допустимым разрешить исключение в случаях, где нарушение внутреннего права относительно полномочий на заключение договоров является совершенно очевидным. Они имели в виду случаи, подобные имевшим место в прошлом, когда глава государства заключал договор на свой собственный риск в нарушение совершенно ясного постановления конституции. Они считали, что допущение такого исключения не умалит

/...

значения основного принципа, так как другое государство не вправе утверждать, будто оно полагалось на согласие, данное при подобных обстоятельствах. Эта точка зрения преобладала в Комиссии.

11) Подавляющее большинство правительств, сделавших замечания по этой статье, указывали на их одобрение позиции, занятой Комиссией по этой проблеме, а именно, что нарушение положения внутреннего права относительно компетенции заключать договора не может приводиться в качестве повода для признания недействительным согласие, если только нарушение это не было очевидным. Некоторые правительства предложили, что текст должен указывать, с одной стороны, для кого нарушение должно быть "очевидным" для цели признания действительными исключения и, с другой стороны, что составляет собой "очевидное" нарушение. Комиссия полагала, однако, что нет необходимости далее определять конкретно, для кого нарушение должно быть очевидным. Правило, отраженное в этой статье, заключается в том, что, когда нарушение внутреннего права относительно компетенции заключать договора будет объективно очевидным для любого государства, нормально и добросовестно занимающегося этим вопросом, согласие на вступление в договор, которое,как утверждается, было дано от имени государства, может быть взято обратно. По мнению Комиссии, слово "очевидно", согласно его обычному значению, достаточно для указания объективного характера, применяемого в критерии. Она также придерживалась мнения, что было бы неосуществимым и нецелесообразным попытаться определить заранее случаи, в которых нарушения внутреннего права можно считать "очевидными", поскольку вопрос должен зависеть в значительной степени от конкретных условий в каждом случае.

12) С целью подчеркнуть исключительный характер случаев, когда может проводиться это основание для недействительности, Комиссия постановила, что правило должно быть изложено в отрицательной форме. Статья, таким образом, предусматривает, что "государство не вправе ссылаться на то, что его согласие быть связанным договором было

выражено в нарушение того или иного положения его внутреннего права, касающегося компетенции заключать договора, как на основание недействительности его согласия, если данное нарушение его внутреннего права не является очевидным".

Статья 44[214]/

Специальные ограничения полномочий на выражение согласия государства

Если полномочия какого-либо представителя на выражение согласия своего государства быть связанным тем или иным конкретным договором подлежат специальному ограничению, то на несоблюдение им этого ограничения нельзя ссылаться как на основание недействительности выраженного им согласия, если об этом ограничении не было доведено до сведения других ведущих переговоры государств до выражения им такого согласия.

Комментарий

1) Эта статья касается случаев, когда какой-либо представитель имеет целью совершить какое-либо действие, обязательное для его государства, но фактически не имеет полномочий поступать таким образом, поскольку в этом конкретном случае его полномочия подлежат специальным ограничениям, им не соблюденным.

2) Если договор не приобретает обязательной силы без последующей ратификации, акцептования или подтверждения, то всякое превышение представителем своих полномочий при установлении текста договора будет автоматически предметом рассмотрения на последующих этапах - при ратификации, акцептовании или подтверждении. Соответствующее государство может тогда сделать определенный выбор - отклонить установленный его представителем текст или же ратифицировать, акцептовать или подтвердить договор; в последнем случае оно неизбежно будет считаться подтвердившим акт, совершенный его представителем без полномочий и, следовательно, устранившим последствия первоначального отсутствия полномочий. Поэтому данная статья относится только к тем случаям, когда полномочие отсутствует при совершении представителем определенного акта с целью окончательно зафиксировать согласие

214/ Проект 1963 года, статья 32, пункт 2.

своего государства принять на себя соответствующие обязательства. Другими словами, она относится к тем случаям, когда представитель, уполномоченный выразить согласие своего государства принять на себя обязательства по конкретному договору при определенных условиях или с определенными оговорками или ограничениями, превышает свое полномочие, не соблюдая этих оговорок.

3) Комиссия сочла, что в целях обеспечения выполнения международных договоров следует считать, что специальные указания, данные государством своему представителю, имеют силу для ограничения его полномочий по отношению к другим государствам только в тех случаях, если они были сообщены им каким-либо подходящим образом для заключения соответствующим государством данного договора. То, что именно такова норма, на основании которой действовали государства, находит подтверждение в малочисленности случаев, когда какое-либо государство стремилось отказаться от действия своего представителя посредством ссылки на неоглашенные ограничения в отношении его полномочия. Поэтому в статье предусматривается, что специальные ограничения полномочий представителя не влияют на выражение им согласия на какой-либо договор, если об этих ограничениях не было сообщено другому государству-участнику до выражения им такого согласия.

Статья 45[215]/

Заблуждение

1. Государство вправе ссылаться на заблуждение в договоре как на основание недействительности его согласия быть связанным этим договором, если заблуждение касается факта или ситуации, которые, по предположению этого государства, существовали при заключении договора и представляли собой существенную основу для его согласия быть связанным данным договором.

215/ Проект 1963 года, статья 34.

2. Пункт 1 не применяется, если названное государство своим поведением способствовало возникновению этого заблуждения или обстоятельства были таковы, что поставили это государство в известность о возможном заблуждении.

3. Заблуждение, относящееся только к формулировке текста договора, не влияет на его действительность; в этом случае применяется статья 74.

Комментарий

1) Во внутригосударственном праве заблуждение занимает довольно важное место как обстоятельство, вследствие которого исчезает реальность согласия на сделку. Некоторые категории известных внутригосударственному праву заблуждений мало вероятны в международном праве. Далее, процесс заключения договора имеет такой характер, что опасность ошибки по важным вопросам существа сводится к минимуму. Поэтому такие случаи, когда делались ссылки на относящееся к существу договора заблуждение, отражающееся на действительности договора, не были частыми. Почти во всех зарегистрированных случаях речь шла о заблуждениях, относившихся к области географии, и большинство из них относилось к ошибкам в географических картах. В некоторых случаях затруднения устранялись заключением новых договоров. В других случаях было признано, что заблуждение отражалось не на действительности, а на применении договора, и вопрос разрешался путем арбитражного разбирательства.

2) Последствия заблуждения обсуждались в Постоянной палате Международного правосудия по делу о Восточной Гренландии и в Международном Суде по делу Temple of Preah Vihear. В первом из этих дел[216/] Суд ограничился указанием на то, что министр иностранных дел Норвегии дал определенный и безоговорочный ответ и не признал, очевидно, что в данном случае имело место соответствующее заблуждение. Судья Анцилотти, также считая, что в этом случае не было заблуждения,

216/ P.C.I.J. (1933), Series A/B No. 53, pp. 71 and 91.

заявил: "Однако, даже если исходить на минуту из предположения, что г-н Илен заблуждался относительно тех результатов, которые может иметь распространение датского суверенитета, то следует признать, что это заблуждение не имело такого характера, чтобы оно могло вызвать недействительность соглашения. Когда делается ссылка на заблуждение, заблуждение должно быть извинительным, а вряд ли кто-нибудь может допустить, что какому-либо правительству не известны юридические последствия расширения суверенитета ..."[217].

3) На первой стадии дела Temple[218] Суд разъяснил: "Всякое подобное заблуждение было бы, очевидно, заблуждением в праве, но так или иначе Суд не считает, что в данном деле действительно идет речь о заблуждении. Далее, основное юридическое значение заблуждения, в тех случаях когда заблуждение существует, заключается в том, что оно может отразиться на реальности согласия, которое считалось имевшим место". Ссылка на заблуждение была сделана также и на второй стадии процесса, когда дело рассматривалось по существу. Это заблуждение, которое относилось к области географии, имело место при особых в некотором роде обстоятельствах. Никакого заблуждения не существовало при заключении первоначального договора, в котором стороны согласились о том, что в определенном районе границей должна служить линия определенного водораздела. Заблуждение касалось последующего согласия с делимитацией границы на карте. Что касается указанного заблуждения, то Суд разъяснил: "Согласно установленной норме права ссылка на заблуждение не может служить основанием для признания недействительным какого-либо согласия, если сторона, которая делает эту ссылку, своим поведением способствовала возникновению этого заблуждения или могла его избежать, или обстоятельства были таковы, что поставили эту сторону в известность о возможном заблуждении"[219].

217/ Ibid., p. 92.

218/ I.C.J. Reports 1961, p. 30.

219/ I.C.J. Reports 1962, p. 62. См. также отдельное мнение сэра Джеральда Фитцмориса (Ibid., p. 57).

4) Решение по делу о Восточной Гренландии и по делу Temple проливает свет на вопрос о том, каковы условия, при которых заблуждение не разрушает реальности согласия, а не о том, каковы условия, при которых оно разрушает эту реальность. Тем не менее, в решении по делу Readaptation of the Mavrommatis Jerusalem Concessions[220], которое относится к концессии, а не к договору, Суд нашел, что заблуждение относительно обстоятельства, не составляющего условие соглашения, не является достаточным для того, чтобы лишить силы согласие на договор; и всеми, очевидно, признается, что, для того чтобы лишить силы согласие государства на договор, заблуждение должно относиться к обстоятельству, являющемуся главной основой его согласия на договор.

5) Комиссия установила, что по некоторым системам права проводится различие между обоюдным заблуждением и односторонним, но не сочла правильным проводить такое различие в международном праве. Поэтому данная статья в такой же мере относится к заблуждению одной стороны, как и к обоюдному заблуждению - заблуждению обеих или всех сторон.

6) В пункте 1 изложена общая норма, согласно которой сторона может ссылаться на то, что ее согласие недействительно вследствие заблуждения относительно обстоятельства или положения вещей, которое считалось стороной существовавшим в то время, когда договор заключался, и которое было главной причиной ее согласия на договор. Комиссия отдавала себе отчет в том, что заблуждение в договоре может иногда относиться к смешанным вопросам факта и права и что не всегда легко бывает провести границу между вопросами права и вопросам факта. Тем не менее, она считала, что включение в данную статью положения о допущении заблуждения в праве в качестве достаточной причины для недействительности согласия в опасной степени ослабило бы стабильность договоров. Поэтому в данном пункте речь идет лишь о заблуждениях, касающихся "факта" или "ситуации".

220/ P.C.I.J., Series A No. 11.

7) Согласно пункту 1, заблуждение может отражаться на согласии только в том случае, если это заблуждение является существенным в том смысле, что оно относится к обстоятельству, служившему главной причиной изъявления согласия на договор. Далее, такое заблуждение не делает договор автоматически недействительным, но дает той стороне, согласие которой на договор было вызвано заблуждением, право сослаться на это заблуждение как на основание недействительности ее согласия. С другой стороны, если недействительность договора установлена в соответствии с настоящими статьями, то в результате считается, что договор будет недействителен ab initio.

8) Согласно пункту 2, исключение из правила составляют те случаи, когда введенная в заблуждение сторона в какой-то мере сама виновата в своем заблуждении. Это исключение изложено в той форме, которую использовал Суд в фразе, содержащейся в его решении по делу Temple, которая приведена выше, в конце пункта 3. Комиссия сочла, тем не менее, что не лишено основания утверждение о том, что формулировка Судом исключения "если сторона своим поведением способствовала возникновению этого заблуждения или могла его избежать, или обстоятельства были таковы, что поставили эту сторону в известность о возможном заблуждении", является настолько широкой, что она оставляет мало места для применения этой нормы. Это особенно относится к словам "или могла его избежать". Поэтому не подвергая сомнению формулировку Судом исключения в данном конкретном случае, Комиссия пришла к выводу о том, что при выработке общей нормы, касающейся последствий заблуждения в праве договоров, эти слова следует опустить.

9) В пункте 3, во избежание каких-либо недоразумений, затронуты ошибки, касающиеся формулировки текста, а не ошибки в договоре. В этом пункте просто подчеркивается, что такая ошибка не отражается на действительности согласия и что она подпадает под постановление статьи 74 об исправлении ошибок в текстах договоров.

Статья 46[221/]

Обман

Государство, которое заставили заключить договор в результате обманных действий другого ведущего переговоры государства, вправе ссылаться на обман как на основание недействительности своего согласия быть связанным таким договором.

Комментарий

1) Ясно, что случаи, когда правительства прибегают к умышленному обману для того, чтобы добиться заключения договора, должны быть очень редки, а всякое недобросовестное искажение существенных фактов, вызывающее существенное заблуждение, подпадает под постановления предшествующей статьи, относящейся к заблуждению. Поэтому возникает вопрос, есть ли необходимость в отдельной статье, которая относилась бы специально к обману. В итоге Комиссия нашла, что лучше оставить постановления об обмане и заблуждении в разных статьях. Обман, когда он имеет место, подрывает самые корни соглашения и имеет несколько иное значение, чем ненамеренное искажение фактов или заблуждение. Он не только лишает силы согласие другой стороны на условия соответствующего соглашения; он разрушает самую основу взаимного доверия между сторонами.

2) Понятие обмана известно большинству систем права, но содержание этого понятия не во всех системах одинаково. В международном праве малочисленность прецедентов означает, что в практике государств и в практике международных судебных учреждений мало можно найти руководящих указаний в отношении того, какое содержание должно иметь понятие обмана. В этих условиях Комиссия рассмотрела вопрос, следует ли предпринять попытку точно установить признаки обмана в праве договоров. Комиссия, однако, пришла к заключению, что достаточно сформулировать общую концепцию обмана в праве договоров, оставив выработку точного его определения практике и решениям международных судебных органов.

221/ Проект 1963 года, статья 33.

3) В этой статье употреблено английское выражение "fraud", французское "dol" и испанское выражение "dolo" как наиболее подходящие из существующих на этих языках терминов для обозначения той концепции, к какой эта статья относится. Использование этих выражений не имеет своей целью сказать, что все подробные признаки обозначаемых ими понятий внутригосударственного права обязательно существуют в международном праве. В этой статье указан тот широкий принцип, который обозначается каждым из этих терминов, а не подробности применения его во внутригосударственном праве. Таким образом, термины, употребленные в каждом из трех текстов, должны были, по замыслу, иметь одинаковое содержание и значение в международном праве. Комиссия стремилась выбрать выражение, не являющееся специальным термином и имеющее по возможности эквивалентное значение: fraudulent conduct, conduite frauduleuse и conducta fraudulenta. Этими выражениями имелось в виду обозначить всякое ложное заявление, искажение фактов или иные обманные действия, при помощи которых какое-либо государство побуждают дать свое согласие на договор, которого в противном случае оно не дало бы.

4) По мнению Комиссии, обман не влечет за собой недействительности договора ipso facto, но дает пострадавшей стороне право сослаться, если она желает, на обман, делающий ее согласие недействительным. В этой статье и изложено соответствующее постановление.

Статья 47[222/]

Подкуп представителя государства

Если выражение согласия государства быть связанным договором было получено в результате прямого или косвенного подкупа его представителя другим ведущим переговоры государством, то первое государство вправе ссылаться на такой подкуп как на основание недействительности своего согласия быть связанным таким договором.

222/ Новая статья.

Комментарий

1) В проекте статей относительно недействительности договоров, предварительно принятом Комиссией в 1963 году и переданном правительствам для замечаний, не содержится никаких постановлений, специально касающихся подкупа представителя государства другим участвующим в переговорах государством. Единственным положением, содержащимся в тексте 1963 года, которое может касаться подкупа представителя, является статья 33 относительно обмана. На второй части семнадцатой сессии в связи с пересмотром статьи 35 (принуждение, применяемое лично к представителю) - нынешняя статья 48 - некоторые члены Комиссии, однако, выразили сомнение в том, может ли подкуп представителя рассматриваться соответствующим образом как случай обмана. Поэтому Комиссия приняла решение вновь рассмотреть этот вопрос на настоящей сессии с целью возможного включения дополнительно специального положения относительно подкупа в любую из прежних статей 33 или 35.

2) На нынешней сессии некоторые члены Комиссии высказывались против включения в проект статей какого бы то ни было специального положения относительно "подкупа". По мнению этих членов, такое положение является излишним, особенно ввиду того, что использование подкупа, в случае если он имеет место, по их мнению, подпадет под действие предыдущей статьи 46 как случай обмана. По их утверждению, подкуп не является независимой причиной вызванного заблуждением согласия, а лишь одним из возможных средств получения согласия с помощью "обмана" или "dol". Поэтому он будет охватываться выражением "fraudulent conduct" (conduite frauduleuse, conducta fraudulenta) в статье 46.

3) Большинство членов Комиссии, однако, считало, что подкуп представителя другим участвующим в переговорах государством подрывает согласие, которое представитель намеревается выразить от имени своего правительства вполне определенным образом, отличающим данный случай от случая обмана. И вновь, хотя подкуп представителя в некоторой степени может быть аналогичным принуждению его посредством действий,

применяемых лично к нему, Комиссия сочла, что случаи угрозы или применения силы в отношении представителя являются обстоятельством такой важности, что желательно рассматривать оба эти основания недействительности договоров в отдельных статьях. Она не считала также, что "подкуп" можно совершенно исключить из проекта статей. По ее мнению, на практике попытки подкупа возможны в большей степени, чем попытки принуждения представителя; и с учетом огромного количества заключенных в настоящее время договоров и большого разнообразия методов их заключения, желательно специальное положение по данному вопросу. Поэтому она решила включить "подкуп" в новую статью, помещенную между статьей, касающейся "обмана",и статьей относительно "принуждения, применяемого к представителю государства".

4) Сильная форма выражения "подкуп" используется в статье исключительно для того, чтобы указать, что только действия, рассчитанные на оказание значительного влияния на желание данного представителя заключить договор, могут рассматриваться как делающие недействительным выражение согласия, которое он дал от имени своего государства. Комиссия не имела в виду, что,в соответствии с настоящей статьей, небольшая любезность или расположение по отношению к представителю в связи с заключением договора могут рассматриваться как предлог для недействительности договора.

5) Равным образом, фраза "прямого или косвенного подкупа другим ведущим переговоры государством" используется в статье с тем, чтобы сделать ясным, что простой факт подкупа представителя не является достаточным. Комиссия считала, что подкуп другим ведущим переговоры государством, если он будет иметь место, по-видимому, будет скрыт. Однако она считала, что действия подкупа, для того чтобы составлять основу для недействительности договора, должны прямо или косвенно быть вменены в вину другому участвующему в переговорах государству.

6) Комиссия считала далее, что в отношении своих юридических признаков "подкуп" следует отнести скорее к "обману", чем к "принуждению представителя". Поэтому по смыслу пункта 4 статьи 41 - относительно

разделения положения договоров, а также пункта 3 статьи 65 относительно последствий недействительности договора, случаи подкупа рассматриваются на той же основе, что и случаи обмана.

Статья 48[223]/

Принуждение представителя государства

Выражение согласия государства быть связанным договором, которое было получено в результате принуждения его представителя действиями или угрозами, направленными против него лично, не имеет никакой юридической силы.

Комментарий

1) Существует общее согласие о том, что принуждение или угрозы в отношении отдельных лиц, направленные против них лично или против их личных качеств и имеющие целью заставить их подписать, ратифицировать, акцептовать или подтвердить договор, безусловно, делают недействительным полученное таким образом согласие. Истории известен ряд случаев применения принуждения не только к участникам переговоров, но и к членам законодательных учреждений с целью добиться подписания или ратификации договора. Правда, в некоторых случаях нельзя провести определенную грань между принуждением главы государства или министра, как средством принуждения самого государства, и таким принуждением, которое направлено против них лично. Например, в 1939 году к президенту Гаха и министру иностранных дел Чехословакии была применена самая крайняя мера давления, для того чтобы вынудить их подписать договор об учреждении германского протектората над Богемией и Моравией, но, вместе с тем, имели место и серьезнейшие угрозы в отношении государства. Тем не менее, хотя эти две формы принуждения могут иногда применяться вместе, между ними существует различие с юридической точки зрения. Поэтому Комиссия поместила соответствующие постановления в отдельные статьи.

223/ Проект 1963 г., статья 35.

2) Данная статья относится к принуждению отдельных представителей "действиями или угрозами, направленными против него лично". Этим выражением имеется в виду обозначить любую форму принуждения или угрозы принуждением представителя, относящуюся к нему лично, а не как к органу его государства. Оно обозначает, таким образом, не только угрозу против его личности, но и угрозу разрушить его карьеру оглашением обстоятельств, указывающих на его неразборчивость в частной жизни, а равно и угрозы причинением вреда члену семьи такого представителя с целью оказать давление на последнего.

3) Комиссия уделила внимание вопросу о том, должно ли принуждение представителя, в отличие от принуждения государства, сделать договор ipso facto ничтожным или же оно должно только давать ему право ссылаться на принуждение его представителя как на основание недействительности его согласия на данный договор. Комиссия пришла к выводу, что принуждение представителя государства к заключению договора является обстоятельством такой важности, что в этой статье должна быть предусмотрена абсолютная недействительность полученного таким образом согласия на договор.

Статья 49[224]/

Принуждение государства посредством угрозы силой или ее применения

Договор является ничтожным, если его заключение явилось результатом угрозы силой или ее применения в нарушение принципов Устава Организации Объединенных Наций.

Комментарий

1) Согласно классической доктрине, которая предшествовала Уставу Лиги Наций, на действительности договора не отражалось то обстоятельство, что этот договор был следствием угрозы силой или ее применения. Эта доктрина была, однако, просто отражением общего отношения

224/ Проект 1963 г., статья 36.

международного права той эпохи к правомерности применения силы при разрешении международных споров. Начиная с Устава Лиги и Парижского пакта все больший авторитет стало приобретать мнение, согласно которому впредь не следует признавать такие договоры юридически действительными. Такое существующее в праве мнение нашло свое подкрепление и было консолидировано подтверждением уголовного характера агрессивной войны в статутах союзных военных трибуналов, учрежденных для суда над военными преступниками стран оси, совершенно определенным запрещением угрозы силой или ее применения, содержащимся в пункте 4 статьи 2 Устава Организации Объединенных Наций, и практикой самой Организации Объединенных Наций. Комиссия находит, что указанные обстоятельства дают основание для вывода, что недействительность договора, являющегося следствием неправомерной угрозы силой или ее неправомерного применения, есть принцип, составляющий lex lata в современном международном праве.

2) Правда, некоторые юристы, не оспаривая морального значения этого принципа, колеблются признать его нормой права. Они опасаются, что признание этого принципа как нормы права может открыть возможность уклонений от договора, поощряя необоснованные ссылки на принуждение, и что такая норма будет неэффективна, поскольку угроза или принуждение, вынудившие к заключению договора, вынудят также и выполнять этот договор, независимо от того, считает ли право этот договор действительным или недействительным. Комиссия не считает эти возражения возражениями такого рода, которые бы послужили причиной для исключения из настоящих статей такого основания недействительности, которое вытекает из самых основных постановлений Устава, поскольку его значение в праве договоров, как и в других отраслях международного права, нельзя в настоящее время подвергать сомнениям.

3) Если понятие принуждения ограничить (а Комиссия полагает, что его следует ограничить) угрозой или применением силы в нарушение принципов Устава, то возможность злоупотреблений этим основанием недействительности, чтобы уклониться от договорных обязательств,

будет не больше, чем в отношении других оснований. Некоторыми членами Комиссии было высказано мнение, что в данной статье следовало указать, что понятие принуждения охватывает любые другие формы давления, как, например, угрозы удушения экономики страны. Комиссия, однако, решила определить принуждение как "угрозу силой или ее применение в нарушение принципов Устава" и находит, что вопрос о том, какие именно действия подпадают под это определение, должен быть разрешен на практике при толковании соответствующих постановлений Устава.

4) Далее, если государства и могут иногда иметь вначале успех, достигая той цели, ради которой они прибегают к угрозам силой или к ее применению, то при теперешних условиях нельзя исходить из предположения, будто не должна иметь ни смысла, ни эффективности норма, согласно которой договор, являющийся следствием подобных противоправных средств, считается недействительным. Существование, универсальный характер и эффективное функционирование Организации Объединенных Наций сами по себе обеспечивают необходимую обстановку для применения нормы, изложенной в данной статье.

5) Комиссия сочла, что эта норма должна быть изложена по возможности в простой и категорической форме. Поэтому данная статья гласит, что "договор является ничтожным, если его заключение явилось результатом угрозы силой или ее применения в нарушение принципов Устава Организации Объединенных Наций". Изложенные в Уставе принципы относительно угрозы силой или ее применения являются, по мнению Комиссии, нормами общего международного права, имеющими теперь универсальное применение. Поэтому юридически правильно и целесообразно изложить эту статью языком принципов Устава. Вместе с тем слова "нарушение принципов Устава", а не "нарушение Устава" были использованы для того, чтобы не создавать впечатления, что эта статья должна применяться только к членам Организации Объединенных Наций. Очевидно, что та же норма будет применяться в случае принуждения отдельного

государства выразить свое согласие на принятие обязательств по многостороннему договору. Комиссия обсудила вопрос о том, следует ли добавить второй пункт к статье, специально говорящей о применении этой нормы к такому случаю, но пришла к выводу, что в этом нет необходимости, поскольку недействительность полученного таким образом согласия вне всякого сомнения подразумевается в общей норме, изложенной в данной статье.

6) Комиссия сочла далее, что договор, являющийся следствием угрозы силой или ее применения в нарушение принципов Устава, должен считаться ничтожным, а не только оспоримым, по требованию пострадавшей стороны. Содержащиеся в Уставе запрещения угрозы силой или ее применения являются нормами международного права, в соблюдении которых юридически заинтересовано каждое государство. Даже если возможно такое положение, при котором какое-либо государство, освободившись от влияния угрозы силой или ее применения, пожелает выполнять договор, участие в котором было получено от него подобными средствами, то, по мнению Комиссии, необходимо считать такой договор в праве ничтожным ab initio. Таким образом соответствующее государство сможет принять решение о сохранении договора, находясь в положении правового равенства в отношении другого государства. Поэтому если договор будет оставлен в силе, то будет иметь в сущности место заключение нового договора, а не признание действительным договора, добытого средствами, нарушающими самые основные принципы Устава Организации Объединенных Наций.

7) Вопрос относительно времени в деле применения настоящей статьи был затронут в замечаниях правительств с двух точек зрения: a) нежелательность придания обратной силы содержащейся в данной статье норме для договоров, заключенных до введения современного права, в отношении угрозы силой или ее применения; и b) время, с которого это право следует рассматривать вступившим в силу. Комиссия считала, что не существует вопроса в отношении обратной силы статьи применительно к действительности договоров, заключенных до введения современного права[225]. "Юридический факт следует оценивать в свете существовавшего

225/ См. также пункт 6 комментария к статье 50.

/...

в тот период права"[226/]. Настоящая статья касается условий имеющего силу заключения договора - иными словами, условий создания договором юридической связи. Развитие права, регулирующего условия выполнения юридического акта, не лишает действительности юридический акт, уже имевший место в соответствии с находившимся ранее в силе законом. Поэтому сформулированную в настоящей статье норму не следует понимать как лишающую действительности ab initio мирный договор или другой договор, добытый принуждением до существования современного права в отношении угрозы силой или ее применения.

8) Что касается времени, с которого современное право следует считать имеющим силу по смыслу настоящей статьи, то Комиссия полагала нелогичным и неприемлемым формулировать данную норму как могущую быть примененной только с момента заключения какой-либо конвенции по праву договоров. Как указано выше в пункте 1, недействительность договора, являющегося следствием неправомерной угрозы силой или ее неправомерного применения, есть принцип, составляющий lex lata. Далее, каковы бы ни были различия в отношении состояния права до создания Организации Объединенных Наций, значительное большинство специалистов международного права без колебаний считает, что в пункте 4 статьи 2, наряду с другими положениями Устава, авторитетно излагается современное обычное право в отношении угрозы силой или ее применения. Формулировкой настоящей статьи признается, по смыслу, что норма, которую она излагает, применима во всяком случае ко всем договорам, заключенным со времени вступления в силу Устава. Вместе с тем Комиссия не считала, что в ее функции при кодификации современного права договоров входит определение того, в какое именно время в прошлом какая-либо существующая в другой отрасли международного права общая норма стала таковой. Поэтому она не сочла необходимым идти дальше временного указания посредством ссылки в статье на "принципы Устава Организации Объединенных Наций".

226/ Арбитражные решения по делу Island of Palmas, Reports of International Arbitral Awards, vol. II, p. 845.

Статья 50[227/]

Договоры, противоречащие императивной норме общего международного права (jus cogens)

Договор является ничтожным, если он противоречит императивной норме общего международного права, отклонение от которой недопустимо и которая может быть изменена только последующей нормой общего международного права, носящей такой же характер.

Комментарий

1) Мнение о том, что в конечном итоге не существует норм международного права, от которых государства не могли бы освободить себя посредством договора, все более трудно отстаивать, хотя некоторые юристы отрицают существование каких-либо норм jus cogens в международном праве, поскольку, с их точки зрения, даже наиболее общие нормы все-таки не являются универсальными. Комиссия указала, что положение Устава в отношении запрещения угрозы силой или ее применения само по себе представляет яркий пример нормы международного права, имеющий характер jus cogens. Далее, хотя некоторые правительства в своих замечаниях и выразили сомнение в отношении желательности включения этой статьи, если она не сопровождается положением о независимом решении, то только одно поставило под сомнение существование норм jus cogens в современном международном праве. Поэтому Комиссия пришла к выводу, что при кодификации права договоров ей следует исходить из того положения, что в настоящее время существуют определенные нормы, от которых государства не вправе отступать вовсе посредством договорных соглашений и которые могут быть изменены только другой нормой такого же характера.

2) Нелегко формулировать настоящую статью, поскольку не существует простого критерия, посредством которого можно было бы установить,

---

227/ Проект 1963 года, статья 37.

какие именно общие нормы международного права имеют характер jus cogens. Кроме того, большинство общих норм международного права не имеет такого характера, и государства могут посредством договоров освобождаться от обязанности применять их. Поэтому было бы слишком смело заявлять, что договор является ничтожным, если его положения противоречат какой-либо норме общего международного права. В равной степени было бы неправильно говорить, что какое-либо положение в договоре обладает характером jus cogens лишь потому, что стороны обусловили запрещение нарушать это положение, так что другой договор, противоречащий этому положению, становится ничтожным. Такое положение может быть включено в любой договор в отношении любого важного вопроса по самым различным соображениям, которые могут казаться убедительными для сторон. Заключение стороной какого-либо более позднего договора, отходящего от такого положения, может, без сомнения, затронуть вопрос о ее ответственности за нарушение более раннего договора. Однако нарушение этого положения, просто само по себе, не делает договора ничтожным (см. статью 26). По мнению Комиссии, не форма общей нормы международного права, а особый характер существа вопроса, которого она касается, придает ей характер jus cogens.

3) Нормы, имеющие характер jus cogens, появились сравнительно недавно, а международное право находится в процессе быстрого развития. Комиссия считала, что правильно предусмотреть в общей форме, что договор является ничтожным, если он противоречит норме jus cogens, с тем чтобы полное содержание этой нормы было разработано в практике государств и международных судебных органов. Некоторые члены Комиссии полагали, что, возможно, полезно указать для иллюстрации некоторые наиболее очевидные и лучше всего установившиеся нормы jus cogens, для того чтобы выявить на этих примерах общую природу и содержание того правила, которое содержится в данной статье. Были упомянуты следующие примеры: a) договор, направленный на неправомерное применение силы вопреки принципам Устава; b) договор,

направленный на совершение какого-либо иного действия, имеющего, согласно международному праву, уголовный характер; с) договор, направленный на совершение или попустительство каким-либо действиям (например работорговле, пиратству или геноциду), в борьбе с которыми каждое государство призвано участвовать. Другие члены Комиссии выразили ту точку зрения, что, если привести примеры, создастся нежелательное впечатление, будто содержание этой статьи относится только к тем случаям, когда речь идет о действиях, являющихся, согласно международному праву, преступлениями. В качестве других возможных примеров были упомянуты договоры, нарушающие права человека, равноправие государств или принцип самоопределения. Комиссия решила не включать в данную статью примеров норм jus cogens по двум соображениям. Во-первых, упоминание некоторых из договоров, являющихся ничтожными вследствие противоречия норме jus cogens, может, даже при самой тщательной редакции, вызвать неправильное понимание позиции в отношении других договоров, не упоминаемых в этой статье. Во-вторых, если бы Комиссия сделала попытку составить, хотя бы и на основе отбора, перечень таких норм международного права, которые должны считаться имеющими характер jus cogens, то ей пришлось бы, возможно, заняться продолжительным изучением вопросов, лежащих за пределами данных статей.

4) Поэтому в этой статье просто предусматривается, что является ничтожным договор, "противоречащий императивной норме общего международного права, отклонение от которой недопустимо и которая может быть изменена только последующей нормой общего международного права, носящей такой же характер". Из этого положения ясно, что предусматриваемая в данной статье недействительность договора имеет место только в тех случаях, когда норма, которой договор противоречит, является такой императивной нормой общего международного права, от которой не допускается никаких отступлений даже по соглашению между соответствующими государствами. С другой стороны, было бы определенно неправильно считать даже нормы jus cogens

неприкосновенными и не подлежащими изменениям в свете новых обстоятельств. Поскольку изменение какой-либо нормы jus cogens теперь будет,вероятнее всего, осуществляться посредством какого-либо общего многостороннего договора, Комиссия считала желательным указать, что такой договор не будет подпадать под эту статью. Поэтому в данной статье нормы jus cogens определяются как такие императивные нормы общего международного права, от которых не допускается никаких отступлений "и которые могут быть изменены только последующей нормой общего международного права, носящей такой же характер".

5) Комиссия полагает желательным изложить свою точку зрения в отношении двух вопросов, затронутых в замечаниях правительств. Первый, упомянутый выше, касается трудности применения статьи удовлетворительным образом, если она не будет сопровождаться какой-либо системой принятия независимых решений или каким-либо положением относительно авторитетного определения того, какие нормы являются нормами jus cogens. Комиссия считала, что вопрос о способах разрешения какого-либо спора, касающегося недействительности договора, если он будет иметь особое значение по смыслу настоящей статьи, представляет собой общий вопрос, касающийся применения всех статей в отношении недействительности, прекращения и приостановления действия договора. Она стремилась, в той мере, насколько это практически целесообразно, с учетом существующего в мире мнения относительно приемлемости принудительных мер мирного разрешения споров, охватить этот вопрос процедурными гарантиями, изложенными в статье 62. Эта статья имеет своей целью исключить принятие произвольного решения в отношении недействительности, прекращения или приостановления действия договора каким-либо отдельным государством, подобно тому, как это нередко имело место в прошлом, и обеспечить применение таких средств мирного разрешения споров, которые указаны в статье 33 Устава. По мнению Комиссии, положение в отношении случаев нарушения нормы jus cogens по существу аналогично положению в отношении других оснований недействительности, на которые ссылается государство.

6) Второй вопрос заключается в не обладающей характером обратной силы норме настоящей статьи. Эту статью следует рассматривать в связи со статьей 61 (возникновение новой нормы jus cogens),и, по мнению Комиссии, не возникает вопроса в обратной силе настоящей статьи. Она касается случаев, когда договор является ничтожным в момент его заключения в силу того факта, что его положение противоречит уже существующей норме jus cogens. Этот договор является полностью ничтожным, поскольку его фактическое заключение противоречит императивной норме общего международного права, от которой никакое государство не может отказаться даже посредством взаимного согласия. С другой стороны, статья 61 касается случаев, когда договор, будучи действительным по его заключении, становится ничтожным и прекращает свое действие в силу последующего установления новой нормы jus cogens, которой противоречат его положения. Слова "утрачивает силу и прекращает действие" делают, по мнению Комиссии, совершенно ясным, что возникновение новой нормы jus cogens не должно иметь обратной силы в отношении действительности какого-либо договора. Недействительность имеет место лишь с момента установления новой нормы jus cogens. Характер отсутствия обратной силы в нормах статей 50 и 61 подчеркивается далее в статье 67,в пункте 2 которой предусматривается в ясно выраженной форме, что прекращение договора в результате появления новой нормы jus cogens не имеет последствий обратной силы.

Раздел 3 - Прекращение и приостановление действия договоров

Статья 51[228/]

Прекращение договора или выход из него с согласия участников

Договор может быть прекращен или участник может выйти из него:

a) в соответствии с постановлением самого договора, допускающим такое прекращение или выход; или

b) в любое время с согласия всех участников.

Комментарий

1) В большинстве новейших договоров содержатся постановления, в которых либо указывается срок или день прекращения договора или же условие или событие, по наступлении которого договор прекращается, либо предусматривается право денонсировать договор или отказаться от договора. В этих случаях прекращение договора наступает в силу постановлений самого этого договора, и вопрос о том, как и когда это происходит, является, в сущности, вопросом толкования и применения договора. В данной статье изложены основные нормы, регулирующие прекращение договоров в силу применения их собственных постановлений.

2) Соответствующие постановления договоров весьма различны[229/]. Во многих договорах предусматривается, что они остаются в силе в течение определенного числа лет или до наступления определенного срока или события. В других предусматривается прекращение договора при наступлении отменительного условия. В различных договорах устанавливаются определенные периоды времени весьма различной

228/ Проект 1963 года, статья 38.

229/ См. Handbook of Final Clauses, (ST/LEG.6) стр. 52-73.

продолжительности. Периоды от одного года до двенадцати лет - обычное явление. Однако иногда встречаются более продолжительные периоды - до двадцати, пятидесяти и даже девяноста девяти лет. Более обычны в современной практике договоры, в которых указывается довольно краткий первоначальный период их существования, - например пять или десять лет, - но одновременно предусматривается сохранение ими силы после истечения этого периода, когда возникает право денонсации договора или отказа от него. Эти постановления обычно имеют форму либо указания на сохранение договора на определенное время и предоставление права денонсации договора с предупреждением за шесть или двенадцать месяцев, либо возобновления договора на последовательные новые сроки в несколько лет, с предоставлением участникам права денонсации или отказа, при условии предупреждения за шесть месяцев до истечения каждого такого срока. В некоторых договорах не указывается никакого срока, а просто предусматривается право денонсировать договор или отказаться от него с обязательным предупреждением или без такового. Иногда договор, в котором указан один определенный срок его продолжительности (например пять или десят лет), предусматривает право денонсации или отказа даже в течение этого срока.

3) Комиссия считала, что, каковы бы ни были положения того или иного договора в отношении прекращения его действия, все его участники имеют возможность сообща соглашаться о прекращении этого договора. Она считала также, что та или иная форма, которую может иметь такое соглашение, является вопросом, подлежащим решению самих сторон в каждом отдельном случае. Иногда высказывалась та точка зрения, что соглашение о прекращении какого-либо договора должно либо быть облечено в ту же форму, в которую был облечен прекращаемый им договор, либо по крайней мере быть договором одинакового веса. Комиссия, однако, пришла к выводу, что эта теория

отражает конституционную практику определенных государств[230], а не норму международного права. По мнению Комиссии, в международном праве неприемлема теория "acte contraire". Заинтересованные государства всегда решают вопрос о форме того, каким образом им достичь соглашения о прекращении договора. Поступая подобным образом, они, без сомнения, будут учитывать требования своих собственных конституций; что же касается международного права, то оно требует только, чтобы они пришли к соглашению о прекращении этого договора. Вместе с тем Комиссия считала важным подчеркнуть, что, когда действие какого-либо договора прекращается иначе, нежели в соответствии с его положениями, необходимо согласие всех сторон. Прекращение договора, в отличие от его изменения, неизбежно лишает всех его участников всех их прав, и поэтому необходимо согласие всех этих участников.

4) Комиссия тщательно обсудила вопрос о том, следует ли считать, во всяком случае в течение определенного периода после принятия текста договора, достаточным согласие всех участников договора для его прекращения. Она учитывала, что другие государства, которые все еще вправе вступить в число участников такого договора, проявляют к этому вопросу определенный интерес; и она изучила возможность предусмотреть такое положение, по которому до истечения определенного числа лет необходимо согласие не менее двух третей всех государств, принявших указанный текст. Было высказано мнение, что такое положение может оказаться особенно необходимым в отношении договоров, вступивших в силу по сдаче на хранение лишь очень небольшого числа документов о регистрации и т.д. Хотя в замечаниях некоторых правительств не высказывается отрицательного отношения к включению такого положения, Комиссия пришла к выводу, что оно может привести к нежелательному осложнению в вопросе о применении нормы, касающейся прекращения действия договора в силу согласия его сторон. Она не считала также, что этот вопрос приводил когда-либо на

230/ См. замечание представителя Соединенных Штатов на 49-м заседании Социального комитета Экономического и Социального Совета (E/AC.7/SR.49, стр. 8), на которое обратил внимание сэр Джеральд Фитцморис.

/...

практике к трудностям. Поэтому она решила не включать в настоящую статью никаких положений по данному вопросу.

5) Таким образом, данная статья ограничивается двумя ясными и простыми нормами. Договор может быть прекращен или тот или иной его участник может положить конец участию в договоре по соглашению двояким путем: a) в соответствии с самим договором и b) в любое время с согласия всех участников.

Статья 52[231]

Сокращение числа участников многостороннего договора ниже числа, необходимого для вступления договора в силу

Если в договоре не предусматривается иное, многосторонний договор не прекращается по причине только того, что число его участников стало меньше числа, предусмотренного в договоре в качестве необходимого условия вступления его в силу.

Комментарий

1) В некоторых случаях многосторонний договор, который может быть денонсирован или от которого можно отказаться, предусматривает прекращение самого этого договора, если в результате денонсации или отказа число участников сокращается ниже определенного числа. Например, Конвенция о политических правах женщин[232] предусматривает, что действие ее "прекращается со дня вступления в силу денонсации, после которой число сторон в Конвенции оказывается меньше шести". В некоторых случаях минимальное число остающихся участников, необходимое для сохранения договора, еще ниже - например пять для Таможенной конвенции о временном вводе коммерческих перевозочных средств[233] и три для Конвенции об обмере и регистрации судов,

---

231/ Проект 1963 года, пункт 3b статьи 38.

232/ United Nations Treaty Series, vol. 193, p. 135. art. 8.

233/ Handbook of Final Clauses (ST/LEG.6), p. 58.

обслуживающих внутреннее судоходство[234]. В других случаях требуется большее число участников. Ясно, что такого рода постановлениями устанавливается отменительное условие, и прекращение договора в случае, если оно имеет место, подпадает под подпункт а статьи 51.

2) Возникает другой вопрос, утрачивает ли автоматически силу многосторонний договор, вступление которого в силу было поставлено в зависимость от ратификации, акцепта и т.д. определенным минимальным числом государств, если впоследствии число участников становится меньше этого минимума в результате денонсаций или отказов от договора. Комиссия считает, что сокращение числа участников ниже этого минимума, необходимого для вступления договора в силу, не обязательно имеет такой результат. Соответствующие постановления договора относятся исключительно к условиям вступления его в силу, и если участвующие в переговорах государства желают, чтобы минимальное число участников, устанавливаемое для этой цели, оставалось постоянным условием сохранения договора в силе, то для них легко и естественно предусмотреть это. Правда, в некоторых случаях договор, устанавливающий низкий минимум для своего вступления в силу, устанавливает тот же минимум и для прекращения договора. Однако не существует соответствующей общей практики, и показательно, очевидно, то, что в тех случаях, когда устанавливается более высокий минимум, - например в десять или двадцать участников, - подобные условия не являются обычным явлением. Во всяком случае, если число участников, необходимое для вступления договора в силу, так велико, то очевидно нежелательно, чтобы действие договора прекращалось вследствие сокращения числа участников ниже этого числа. Если остающиеся участники не желают сохранять договор в силе при сократившемся числе участников, они сами могут прекратить его, совместно или раздельно, осуществив свое право денонсировать этот договор или отказаться от него.

234/ Ibid., pp. 72-73.

3) Многосторонние договоры чаще не включают упомянутый в предыдущем пункте вопрос, ставя таким образом под сомнение вопрос о продолжении действия договора. Поэтому Комиссия сочла желательным, чтобы в проекте статей содержалось общее положение по этому вопросу. По изложенным выше причинам в настоящей статье в качестве общей нормы излагается, что, если в договоре не предусматривается иное, многосторонний договор не прекращается по причине только того, что число его участников стало меньше числа, предусмотренного в договоре в качестве необходимого условия вступления его в силу.

Статья 53[235/]

Денонсация договора, не содержащего никаких постановлений о его прекращении

1. Договор, который не содержит никаких постановлений о его прекращении и который не предусматривает денонсации или выхода из него, не подлежит денонсации и исключает выход из него, если не установлено, что участники намеревались допустить возможность денонсации или выхода.

2. Участник уведомляет не позднее чем за двенадцать месяцев о своем намерении денонсировать договор или выйти из него в соответствии с пунктом 1 настоящей статьи.

Комментарий

1) Статья 53 относится к прекращению договоров, которые не содержат никаких постановлений об их продолжительности или об их прекращении и не упоминают ни о каком праве их участников денонсировать договор или отказаться от него. Подобные договоры не составляют необычного явления; недавними примерами являются четыре Женевских конвенции по морскому праву и Венская конвенция о дипломатических сношениях. Речь идет о том, следует ли считать, что они могут быть прекращены только по общему согласию или что отдельные их

235/ Проект 1963 года, статья 39.

участники должны, при каких-либо условиях, считаться косвенно наделенными правом отказаться от этого договора, сделав об этом надлежащее уведомление.

2) В принципе ответ на этот вопрос должен зависеть от намерения сторон в каждом конкретном случае, и самый характер некоторых договоров исключает возможность предположения, что договаривающиеся государства имели в виду допустить одностороннюю денонсацию или односторонний отказ от этих договоров по желанию отдельного участника. Примерами таких договоров могут служить мирные договоры и договоры об определении границ. Многие договоры не принадлежат, однако, к той категории, относительно которой может быть сказано, что допущение одностороннего права денонсации или отказа противоречит характеру договора. Несомненно, возможна точка зрения, согласно которой, поскольку участники договоров во многих случаях прямо предусматривают одностороннее право денонсации или отказа, их молчание по этому вопросу в других случаях следует истолковывать как исключающее возможность такого права. Некоторые авторы, исходя из Лондонской декларации 1871 года и известной практики государств, придерживаются того мнения, что отдельный участник договора может денонсировать этот договор или отказаться от него только в том случае, если такая денонсация или такой отказ предусмотрены в самом договоре или если на них согласились все другие участники. Однако ряд других авторов[236/] считает, что право денонсации или отказа может соответствующим образом подразумеваться на основании некоторых положений в определенных категориях договоров.

3) О трудности этой проблемы можно ясно судить по тому, как обсуждался на Женевской конференции по морскому праву вопрос о включении постановлений о денонсации в четыре конвенции, которые

236/ Sir G. Fitzmaurice, Second Report on the Law of Treaties, International Law Commission Yearbook, 1957, vol. II, p. 22.

разрабатывались на этой конференции[237/]. Ни в одной из этих конвенций постановлений о денонсации не содержится. В них предусматривается только, что по истечении пяти лет, считая со дня вступления в силу, любой участник может в любое время потребовать пересмотра соответствующей конвенции, а Генеральная Ассамблея должна решить, следует ли и какие, если следует, принять меры в связи с этим требованием. Редакционный комитет, представляя проект постановления о пересмотре, указал на то, что включение такого постановления "делает излишним какое-либо постановление о денонсации". До этого были внесены предложения о включении постановления о денонсации, и эти предложения были возобновлены на пленарном заседании, несмотря на мнение, высказанное Редакционным комитетом. Некоторые делегаты считали допущение денонсаций совершенно несоответствующим самой природе конвенций, кодифицирующих право. Другие считали, что право денонсации все равно существует на основании обычного права. Третьи находили, что желательно прямо предусмотреть денонсацию, для того чтобы учесть таким образом возможность изменения обстоятельств. Предложение о включении такого постановления в "кодификационные" конвенции было отклонено 32 голосами против 12, при 23 воздержавшихся. Подобное же предложение было внесено в связи с Конвенцией о рыболовстве и охране ресурсов, в которой излагались совершенно новые нормы права. В этом случае противники указанного постановления утверждали, что праву денонсации не должно быть места в конвенции, которой устанавливаются новые нормы права и которая является результатом переговоров. С другой стороны, сторонники этого постановления находили, что именно ввиду того обстоятельства, что этой конвенцией создаются новые нормы права, оправдывается и даже необходимо включение права денонсации. Это предложение было, в свою очередь, отклонено 25 голосами против 6, причем воздержалось не менее 35 делегатов. Как уже сказано, никаких постановлений о денонсации в эти конвенции включено не было, а на состоявшихся после этого Венских конференциях по дипломатическим и консульским сношениям решение о

237/ United Nations Coference on the Law of the Sea, Official records, vol. II, pp. 19, 56 and 58.

невключении такого постановления в конвенцию по этим вопросам было принято без обсуждения. Однако всякое искушение сделать из происходившего на этих конференциях общий вывод относительно намерения сторон, касающегося денонсации "нормативных" договоров, наталкивается на то, что в других конвенциях, например в Конвенции о геноциде и в Женевских конвенциях 1949 года об обращении с военнопленными и об улучшении участи раненых и больных, право денонсации прямо предусматривается.

4) Некоторые члены Комиссии полагали, что в определенных категориях договоров, например в союзных договорах, право денонсации или отказа после надлежащего предупреждения должно предполагаться, если нет указаний на противоположное намерение. Другие члены Комиссии стали на ту точку зрения, что, хотя отсутствие в договоре постановления о денонсации или об отказе не исключает возможности предполагать, что право денонсации или отказа существует, о существовании такого права нельзя делать вывод из одного только характера договора. По мнению этих членов Комиссии, вопрос о намерении сторон является в сущности вопросом факта, который должен разрешаться не только на основании характера договора, но на основании всех обстоятельств дела. Эта точка зрения преобладала в Комиссии.

5) В настоящей статье указано, что договор, не предусматривающий ни прекращения его, ни денонсации или отказа от него, не допускает ни денонсации, ни отказа, "если не установлено, что участники допускали возможность денонсации или выхода". Согласно этой норме, характер договора является лишь одним из элементов, который должен приниматься во внимание, и право денонсации или отказа не должно предполагаться, если из всех обстоятельств дела не вытекает, что участники договора были намерены допустить возможность односторонней денонсации или одностороннего отказа.

6) Комиссия считала необходимым, чтобы любому предполагаемому праву денонсации или отказа от договора предшествовал разумный период для уведомления. Иногда в положениях о прекращении договора

указывается срок в шесть месяцев. Однако это имеет обычное место в тех случаях, когда речь идет о договоре категории возобновляемых договоров, от которого можно отказаться посредством уведомления, данного до или во время возобновления договора. В тех случая, когда договоры продолжаются неопределенное время с условием права на отказ, это время уведомления обычно составляет период не позднее чем за двенадцать месяцев, хотя, по общему признанию, в некоторых случаях совершенно не требуется никакого периода уведомления. Формулируя общую норму, Комиссия сочла желательным указать на более длительный, нежели на короткий, период с тем, чтобы обеспечить соответствующую защиту интересов других участников договора. Поэтому она сочла необходимым в пункте 2 определить, что о намерении денонсировать договор или выйти из него, в соответствии с настоящей статьей, должно быть дано уведомление не позднее чем за двенадцать месяцев.

Статья 54[238/]

Приостановление действия договора с согласия участников

Приостановление действия договора в отношении всех участников или в отношении какого-либо отдельного участника возможно:

a) в соответствии с положением договора, допускающим такое приостановление;

b) в любое время с согласия всех участников.

Комментарий

1) В этой статье в вопросе о приостановлении действия договора проводится параллель с положениями статьи 51 относительно прекращения договора. Иногда в договорах предусматривается, что при определенных обстоятельствах или условиях возможно приостановление действия договора или некоторых из его положений. Независимо от того, содержит ли договор такое положение, ясно, что приостановление действия договора или некоторых его положений возможно в любое время с согласия всех участников. Равным образом, возможно также приостановить действие договора с согласия всех сторон в отношении какого-либо определенного участника (или группы участников), который испытывает временные затруднения в осуществлении своих обязательств по данному договору.

2) С другой стороны, вопрос о том, возможно ли приостановление действия многостороннего договора посредством согласия только некоторых из его участников, порождает совершенно другую проблему условий, при которых допустимо приостановление действия договора inter se двумя участниками или группой участников. Этот вопрос, сложный по своему характеру, рассматривается в следующей статье.

238/ Проект 1963 года, статья 40.

3) Таким образом, в настоящей статье предусматривается, что приостановление действия договора в отношении всех участников или какого-либо отдельного участника возможно либо в соответствии с договором, либо в любое время с согласия всех участников.

Статья 55[239/]

Временное приостановление действия многостороннего договора путем заключения соглашения только между некоторыми участниками

Если многосторонний договор не содержит никакого положения о приостановлении его действия, два участника или большее число их вправе заключить соглашение о временном приостановлении действия договора только в отношениях между собой, если такое приостановление:

a) не влияет на пользование другими участниками своими правами, вытекающими из договора, или на выполнение ими своих обязанностей; и

b) не препятствует эффективному осуществлению в отношениях между всеми участниками задач и целей договора.

Комментарий

1) При пересмотре содержащейся в проекте 1963 года статьи 40[240/] на второй части семнадцатой сессии в январе 1966 года Комиссия пришла к выводу, что, в то время как для прекращения договора необходимо в принципе согласие всех участников, такое согласие не обязательно, когда речь идет о приостановлении действия договора. Поскольку многие многосторонние договоры действуют главным образом в форме двусторонних отношений участников, Комиссия считала, что возможность приостановления inter se действия многостороннего договора в некоторых случаях требует дальнейшего изучения[241/]. На настоящей сессии

239/ Новая статья.

240/ Статья 40 тогда включала "прекращение или приостановление действия договоров соглашением".

241/ См. 829-е и 841-е заседания.

Комиссия считала, что этот вопрос аналогичен вопросу, порождаемому изменением inter se многосторонних договоров, но что, поскольку в обоих случаях ситуация не совсем одинакова, нельзя провести полной аналогии между приостановлением inter se действия договора и его изменением inter se. Комиссия решила, что этот вопрос желательно рассмотреть в данной статье и сопроводить его гарантиями, необходимыми для защиты положения других участников.

2) Поэтому в настоящей статье предусматривается, что при отсутствии какого-либо конкретного положения в договоре по этому вопросу два участника или большее их число вправе согласиться на временное приостановление действия положений договора только в отношениях между собой при двух условиях. Первое условие заключается в том, что такое приостановление не влияет на пользование другими участниками своими правами, вытекающими из договора, или на выполнение ими своих обязанностей. Второе условие заключается в том, что такое приостановление не препятствует эффективному осуществлению в отношениях между всеми участниками задач и целей договора. Статья 37, касающаяся изменения договора только в отношениях между определенными участниками, содержит третье условие, состоящее в необходимости заблаговременно направить официальное уведомление о намерении изменить договор. Хотя Комиссия не считала, что такое требование должно быть сделано отдельным условием временного приостановления действия договора, его отсутствие в настоящей статье не должно расцениваться таким образом, что соответствующие участники не имеют определенного общего обязательства уведомлять других участников об их временном приостановлении действия договора inter se.

Статья 56[242/]

Прекращение или приостановление действия договора, вытекающие из заключения последующего договора

1. Договор считается прекращенным, если все его участники заключат новый договор по тому же вопросу, и:

a) из договора следует или иным путем установлено, что участники желали, чтобы этот вопрос в дальнейшем регулировался последующим договором; или

b) постановления последующего договора настолько несовместимы с постановлениями предыдущего договора, что оба договора невозможно применять одновременно.

2. Действие предыдущего договора считается лишь приостановленным, если из договора следует или иным путем установлено, что таково было желание участников при заключении последующего договора.

Комментарий

1) Настоящая статья относится к тем случаям, когда участники договора, прямо не прекращая или не изменяя первого договора, заключают другой, настолько противоречащий первому, что можно считать, что они желали отменить первый. Если в обоих договорах участвуют одни и те же стороны, то не может быть никаких сомнений в том, что, заключая второй договор, они вправе отменить первый, поскольку именно такова сущность нормы, содержащейся в статье 51. Даже в том случае, когда в этих двух договорах участвуют не одни и те же стороны, ситуация определенно остается прежней, если в число участников последующего договора входят все участники предыдущего, так как то, что участники предыдущего договора вправе сделать между собой, они вправе сделать и совместно с другими государствами. Единственный вопрос, таким

242/ Проект 1963 года, статья 41.

образом, заключается в том, можно ли - и при каких условиях - считать, что заключение последующего договора, противоречащего предыдущему, должно расцениваться как косвенно прекратившее предыдущий договор. Этот вопрос является в основном вопросом толкования обоих договоров с целью установить намерения их участников относительно сохранения в силе предыдущего договора.

2) Поэтому целью пункта 1 является сформулировать те условия, при которых следует понимать, что участники договора имели намерение прекратить его путем заключения последующего договора, который ему противоречит. В основу текста обоих положений пункта 1 положена формулировка, которой судья Анцелотти воспользовался, выражая свое особое мнение по делу Electricity Company of Sofia and Bulgaria[243], заявив:

> "Здесь не было прямой отмены договора. Однако общепризнано, что помимо прямой отмены существует также отмена косвенная, вытекающая из того обстоятельства, что новые положения противоречат предыдущим или что весь вопрос, являющийся объектом последних, будет регулироваться в будущем новыми положениями".

Правда, упомянутое дело относилось к возможной коллизии между односторонними заявлениями, сделанными согласно факультативной статье и международным договором, и сам Суд не согласился с мнением судьи Анцелотти, согласно которому между этими двумя актами были противоречия. Тем не менее, те два критерия, которые были предложены судьей Анцелотти для ответа на вопрос, имела ли место косвенная отмена, представляются большинству членов Комиссии содержащими самое существо проблемы.

3) В пункте 2 предусматривается, что предыдущий договор не считается прекращенным, если обстоятельства свидетельствуют о том, что последующий договор имел целью только приостановить действие этого предыдущего договора. Правда, судья Анцелотти в своем вышеупомянутом

243/ P.C.I.J. (1939), Series A/B No. 77, p. 92.

/...

особом мнении указал, что заявления, сделанные на основании факультативной статьи, хотя, по его мнению, и противоречат предыдущему договору, не отменили, так как этот договор был заключен на неопределенное время, тогда как действие указанных заявлений ограничивалось определенными сроками. Нельзя, однако, сказать, чтобы существовал общий принцип, согласно которому последующий договор, заключенный на определенный срок, не отменяет предыдущего, в котором прямо предусматривается, что он заключен на более продолжительный срок или на неопределенное время. Все зависит полностью от намерения государств при заключении второго договора, и вероятно, что в большинстве случаев их намерение состоит в том, чтобы прекратить, а не приостановить действие предыдущего договора.

4) В статье 26 также идет речь о связи между последующими договорами, относящимися к одному и тому же вопросу. В пунктах 3 и 4а этой статьи говорится, что предыдущий договор применяется только в той мере, в какой его постановления совместимы с постановлениями последующего договора. Практический результат этих пунктов, без сомнения, заключается во временном отрицании и, таким образом, во временном прекращении действия содержащихся в предыдущем договоре несовместимых положений, поскольку действует последующий договор. Однако в статье 26 речь идет лишь об очередности несовместимых обязательств договоров, которые оба считаются имеющими силу и действующими. Эта статья не относится к случаям, когда ясно, что намерение сторон заключалось в отмене предшествующего договора или полном приостановлении его действия путем заключения последующего договора; поскольку в таком случае не существует двух групп несовместимых договорных положений, имеющих силу и действующих, а существуют только положения последующего договора. Другими словами, статья 26 находит свое применение только после того, как в соответствии с настоящей статьей было определено, что участники не имели намерения отменить предыдущий договор или полностью приостановить его действие. С другой

стороны, настоящая статья не касается очередности являющихся несовместимыми положений договоров, а касается случаев, из которых ясно следует, что намерение участников при заключении последующего договора заключалось либо в окончательной, либо во временной замене режима предыдущего договора режимом последующего договора. В этих случаях настоящая статья полностью прекращает или приостанавливает действие предыдущего договора, так что он либо теряет силу, либо не прекращает действовать. Короче говоря, в настоящей статье речь идет лишь о случаях прекращения или приостановления действия договоров, связанных с заключением последующего договора.

Статья 57[244]/

Прекращение или приостановление действия договора вследствие его нарушения

1. Существенное нарушение **двухстороннего** договора одним из его участников дает право другим участникам ссылаться на это нарушение как на основание для прекращения или приостановления действия договора в целом или в части.

2. Существенное нарушение многостороннего договора одним из его участников дает право:

a) другим участникам по единодушному согласию между ними приостановить или прекратить действие договора либо:

i) в отношениях между собой и государством, нарушившим договор, либо:

ii) в отношениях между всеми участниками;

b) участнику, особо пострадавшему в результате нарушения, ссылаться на это нарушение как на основание для прекращения действия договора в целом или частично в отношениях между ним и государством, нарушившим договор;

c) любому другому участнику приостановить действие договора в отношении самого себя, если договор носит такой характер, что существенное нарушение его положений одним участником радикально меняет положение каждого участника в отношении дальнейшего выполнения им своих обязанностей, вытекающих из договора.

3. Существенное нарушение договора по смыслу настоящей статьи состоит:

a) в таком расторжении договора, которое не предусмотрено настоящими статьями; или

b) в нарушении положения, имеющего существенное значение для выполнения задач и целей договора.

4. Предыдущие пункты не затрагивают никаких положений в договоре, которые применяются в случае нарушения.

244/ Проект 1963 года, статья 42.

Комментарий

1) Подавляющее большинство юристов признает, что нарушение договора одним из его участников может дать другому участнику право отменить этот договор или приостановить выполнение своих собственных обязательств по этому договору. Нарушение договорного обязательства, так же как и нарушение любого другого обязательства, дает основание для возникновения у другой стороны права прибегнуть к репрессалиям без применения силы, и эти репрессалии могут должным образом относиться к правам, которыми пользуется на основании этого договора нарушившая его сторона. Мнения расходятся, однако, относительно пределов права отменить договор и условия, при которых это право может осуществляться. Некоторые юристы, ввиду отсутствия эффективного международного аппарата для обеспечения соблюдения договоров, больше считаются с необходимостью для невиновной стороны иметь такое право в качестве санкции за нарушение договора. Они склонны придавать указанному праву безоговорочный характер, считая, что невиновная сторона вообще может отменить договор в случае его нарушения. Другие юристы придают больше значения опасности ссылок какого-либо государства на крайне незначительные или даже несуществующие нарушения договора просто для того, чтобы найти предлог для денонсации договора, который она находит в данный момент обременительным для себя. Эти юристы склонны ограничивать право денонсации случаями "существенных" или "фундаментальных" нарушений и ставить осуществление этого права в зависимость от процедурных условий.

2) Практика государств не оказывает существенной помощи в определении действительных пределов или соответствующих условий применения этого права. Во многих случаях денонсирующее договор государство решало покончить с договором по совершенно другим причинам и, использовав утверждение о его нарушении главным образом в качестве предлога для оправдания своих действий, отказывалось от проведения серьезного обсуждения затронутых правовых принципов. Другая сторона обычно оспаривала денонсацию, ссылаясь главным образом на определенные

факты; и хотя иногда казалось, что формулировки, которыми она пользовалась, означали отрицание ею возможности односторонней денонсации договора вообще, на самом деле, очевидно, скорее это было протестом против односторонних и произвольных утверждений денонсирующего государства, чем отрицанием права денонсировать договор в тех случаях, когда установлены серьезные его нарушения.

3) Внутригосударственные суды нередко в своих высказываниях признавали принцип, согласно которому нарушение договора может дать невиновной стороне право денонсировать его. Однако такие высказывания этих судов почти всегда относились к тем случаям, когда их правительства фактически не прибегали к денонсации договоров, и эти суды не считали необходимым глубже исследовать условия применения этого принципа[245/].

4) В деле об Отводе вод из реки Маас[246/] Бельгия утверждала, что, возведя определенные сооружения вопреки условиям договора 1863 года, Голландия отказалась от права ссылаться на этот договор в своих отношениях с Бельгией. Бельгия не пробовала денонсации этого договора, но ссылалась, в качестве защиты от претензии Голландии, на право приостановить действие одного из положений этого договора вследствие имевшего, как она утверждала, место нарушения этого положения Голландией, хотя и основывала эту ссылку скорее на принципе "inadimplenti non est adimplendum". Суд, признав, что Голландия не нарушала договора, не высказался по поводу утверждения Бельгии. Однако судья Анцелотти высказал в своем особом мнении точку зрения, состоящую в том[247/], что принцип, который был положен в основу утверждения Бельгии, "настолько правилен, настолько справедлив, настолько общепризнан, что должен применяться также и в международных отношениях".

245/ E.G. Ware v. Hylton (1796), 3 Dallas 261; Charlton v. Kelly, 229 U.S.447; Lepeschkin v. Gosweiler et Cie., Journal du droit international (1924) Vol.51, p.1136; In re Tatarko, Annual Digest and Reports of Public International Law Cases, 1949, No.110, p.314.

246/ P.C.I.J. (1937), Series A/B No.70.

247/ Ibid., p.50; cf. Judge Hudson, pp.76-7.

Единственным другим решением, которое имеет, по-видимому, большое значение в данном случае, является арбитражное решение по делу Такна-Арика[248]. В этом деле Перу утверждало, что, воспрепятствовав выполнению статьи 3 Анконского договора, предусматривавшей проведение при известных обстоятельствах плебисцита в спорном районе, Чили освободило Перу от обязательств по этой статье. При рассмотрении доказательств арбитр[249] отклонил утверждение Перу, заявив:

> "Совершенно очевидно, что если злоупотребления администрации могли бы привести к прекращению подобного соглашения, то было бы необходимо установить, что в результате правонарушений властей создались такие тяжелые условия, которые сделали невозможным достижение цели этого соглашения, а, по мнению арбитра, наличия столь серьезного положения доказано не было".

Это заявление основано, очевидно, на предположении, что только "фундаментальное" нарушение статьи 3 со стороны Чили могло дать Перу основания утверждать, что оно свободно от обязательств, вытекающих из этой статьи.

5) Комиссия нашла, что нарушение договора, каким бы серьезным такое нарушение ни было, не прекращает такого договора ipso facto и что государство не вправе просто сослаться на нарушение договора и объявить его прекращенным. Вместе с тем, Комиссия считала, что в известных пределах и при наличии известных гарантий право участника договора ссылаться на нарушение договора как на основание для его прекращения или приостановления его действия должно быть признано. Некоторые члены Комиссии полагали, что Комиссии опасно поддерживать подобное право, если осуществление его не контролируется обязательным обращением в Международный Суд. Комиссия, признавая важность обеспечения надлежащими гарантиями против произвольной денонсации договора на основании якобы имевшего место нарушения, пришла к выводу, что вопрос об обеспечении гарантиями против произвольных действий носит общий характер и относится к нескольким статьям. Поэтому

248/ Reports of International Arbitral Awards, Vol.II, pp.929 and 943-4.

249/ Президент Кулидж.

/ ...

Комиссия решила сформулировать в данной статье основные условия, при которых договор может быть прекращен или действие его может быть приостановлено вследствие его нарушения, и рассмотреть вопрос о процедурных гарантиях в статье 62.

6) В пункте 1 предусматривается, что "существенное" нарушение двустороннего договора одним из его участников дает другому участнику право ссылаться на это нарушение как на основание для прекращения этого договора или для приостановления его действия в целом или частично. Формула "ссылаться ... как на основание" имеет целью подчеркнуть, что возникающее на основании этой статьи право не является правом произвольно объявить договор прекратившимся. Если другой участник договора оспаривает наличие нарушения или "существенный" характер этого нарушения, то между сторонами возникает "разногласие" на которое распространяются обычные лежащие на сторонах согласно Уставу и общему международному праву обязательства стараться разрешить вопрос мирными средствами. Комиссия считала, что в случае существенного нарушения договора другой участник его может прибегнуть к таким действиям, как прекращение договора или приостановление его действия в целом или частично. Право на эту меру возникает согласно праву договоров, независимо от какого-либо права на репрессалии, в силу того принципа, что от участника договора нельзя требовать выполнения обязательств по нему, в то время как другая сторона не выполняет обязательств, взятых по тому же договору. Это право, разумеется, не влияет на право пострадавшей стороны предъявить в международном плане требование о возмещении ущерба на основании ответственности другой стороны за нарушение договора.

7) Пункт 2 относится к случаям существенного нарушения многостороннего договора, и здесь Комиссия нашла необходимым провести различие между правом других участников договора реагировать на это нарушение совместно и правом отдельного участника договора, особенно пострадавшего в результате нарушения, реагировать на это нарушение самостоятельно. В подпункте а предусматривается, что другие участники

могут, по единодушному согласию между ними, приостановить или прекратить действие договора либо в отношениях между собой и государством, нарушившим договор, либо вообще в отношениях между всеми участниками. Что касается реакции со стороны отдельного участника, то Комиссия признала, что его положение в таком случае аналогично тому, которое имеет место, когда речь идет о двустороннем договоре, но что он имеет право приостановить действие договора в целом или частично, только в отношениях между ним и нарушившим договор государством. Когда речь идет о многостороннем договоре, следует учитывать интересы других участников, и право на приостановление действия договора обычно обеспечивает достаточную защиту тому государству, которое особо пострадало в результате нарушения договора. Кроме того, ограничение права отдельного участника правом приостановления договора представлялось Комиссии особенно необходимым в отношении генеральных многосторонних договоров, имеющих нормативный характер. Возник даже вопрос о том, допустимо ли приостановление, когда речь идет о нормативных договорах. Однако, по мнению Комиссии, несправедливо было бы разрешать государству, нарушившему договор, продолжать требовать его выполнения потерпевшей стороной, когда оно само нарушает свои вытекающие из этого договора обязательства по отношению к этому государству. Более того, даже такие договора, как Конвенция о геноциде и Женевские конвенции об обращении с военнопленными, больными и ранеными, прямо предусматривают право денонсации, независимо от какого бы то ни было нарушения конвенции. Комиссия пришла к выводу, что в связи с этим к генеральным договорам нормативного характера не следует относиться иначе, чем к другим многосторонним договорам лишь из-за их характера. Поэтому в подпункте b указывается, что в случае существенного нарушения многостороннего договора любой участник, особенно пострадавший в результате этого нарушения, имеет право ссылаться на него как на основание для прекращения действия договора в целом или частично в отношениях между ним и государством, нарушившим договор.

/ ...

8) В подпункте c пункта 2 речь идет о вопросе, поднятом в замечаниях правительств относительно договоров особого типа, как, например, договоров о разоружении, где нарушение одним участником может подорвать весь режим договора в отношениях между всеми его участниками. В случае существенного нарушения такого договора норм, содержащихся в подпунктах a и b пункта 2, может оказаться недостаточно для защиты интересов какого-либо отдельного его участника. Этот участник не смог бы приостановить выполнение своих договорных обязательств по отношению к государству, нарушившему договор, без одновременного нарушения своих обязательств по отношению к другим участникам договора. Вместе с тем, если он этого не сделает, но может оказаться не в состоянии защитить себя против угрозы, являющейся результатом вооружения государства, нарушившего договор. Комиссия считает, что в этих случаях, когда существенное нарушение договора одной стороной радикально меняет положение всех участников в отношении дальнейшего выполнения ими своих обязанностей, любой участник должен иметь право без предварительного согласия других сторон прекратить действие договора по отношению к самому себе и, как правило, в его отношениях со всеми другими сторонами в договоре. В подпункте c пункта 2 именно это и предусматривается.

9) В пункте 3 определяется характер нарушения, которое может явиться основанием для возникновения права прекратить договор или приостановить его действие. Некоторые специалисты в прошлом исходили, очевидно, из предположения, что всякое нарушение любого постановления договора является достаточным основанием для его денонсации. Комиссия, однако, пришла к единодушному мнению, что право прекратить договор или приостановить его действие может возникать только в случаях нарушений серьезного характера. Для указания на то, какое именно нарушение необходимо, она предпочла термин "существенное" термину "фундаментальное". Слово "фундаментальное" может быть понято как означающее, что только нарушение такого постановления, которое

непосредственно затрагивает главные цели договора, может как-то служить для другой стороны основанием прекратить договор. Однако другие постановления, которые какая-либо сторона считает важными для эффективного выполнения договора, могли иметь весьма существенное значение для побуждения этой стороны вступить вообще в данный договор, даже если эти постановления носят вспомогательный характер. Очевидно, что лишенный оснований отказ от выполнения договора - отказ, не санкционированный ни одним из положений настоящих статей,- будет автоматически представлять существенное нарушение договора; и это предусматривается в подпункте a определения. Другая и более общая форма существенного нарушения договора указана в подпункте b, где она определяется как нарушение постановления, имеющего существенное значение для выполнения задач и целей договора.

10) В пункте 4 просто оговариваются права участников договора, вытекающие из любых конкретных постановлений договора, которые применяются в случае нарушения.

Статья 58[250/]

Последующая невозможность выполнения

Участник вправе ссылаться на невозможность выполнять договор как на основание его прекращения, если эта невозможность вытекает из постоянного исчезновения или уничтожения объекта, необходимого для выполнения договора. Если такая невозможность является временной, на нее можно ссылаться лишь как на основание для приостановления действия договора.

Комментарий

1) Эта статья касается прекращения договора или приостановления его действия вследствие постоянного или временного полного исчезновения или уничтожения объекта, необходимого для его выполнения. Следующая статья касается прекращения договора вследствие коренного изменения обстоятельств, существовавших во время его заключения. Случаи наступления невозможности выполнения - это случаи ex hypothesi, когда происходит коренное изменение обстоятельств, существовавших во время заключения договора. Некоторые члены Комиссии считали, что не легко провести четкое различие между теми категориями случаев, которые предусматриваются в этих двух статьях, и высказывались за слияние этих статей в одну. Комиссия, однако, нашла, что "невозможность выполнения" и "коренное изменение обстоятельств" представляют собой, с юридической точки зрения, самостоятельные основания для того, чтобы считать договор прекратившимся, и должны трактоваться раздельно. Хотя вполне возможны смежные случаи, в которых эти две статьи будут перекрываться, не следует руководствоваться одними и теми же критериями при применении этих статей, и объединение их в одну статью может привести к недоразумениям.

2) В статье предусматривается, что можно ссылаться на постоянное исчезновение или уничтожение объекта, необходимого для выполнения

250/ Проект 1963 года, статья 43.

договора, как на основание для его прекращения. Практика государств дает немного примеров прекращения договоров на этом основании. Однако к той категории случаев, которая имеется в виду в этой статье, относятся погружение в воду острова, высыхание реки или разрушение плотины или гидроэлектрических установок, необходимых для выполнения договора.

3) В статье далее предусматривается, что, если невозможность выполнения носит временный характер, на нее можно ссылаться только как на основание для приостановления действия договора. Комиссия признает, что такие случаи могут рассматриваться просто как случаи, в которых можно ссылаться на force majeure в порядке защиты, с целью освобождения соответствующего участника договора от ответственности за невыполнение договора. Однако в случае постоянной невозможности исполнения повторяющихся обязательств договора представляется желательным признать как элемент права договоров, что действие договора может быть временно приостановлено.

4) То обстоятельство, что в данной статье рассматриваются сначала случаи прекращения договора, не должно означать, что прекращение должно считаться нормальным следствием в таких случаях или что существует презумпция, что исчезновение или уничтожение объекта, необходимого для выполнения договора, носят постоянный характер. Наоборот, Комиссия сочла необходимым подчеркнуть, что если неясно, носит ли невозможность выполнения постоянный характер, то право участника должно быть ограничено ссылкой на это как на основание для приостановления действия договора. Иными словами, она считала, что "приостановление действия договора", а не его "прекращение" является желательной процедурой, а не наоборот.

5) Комиссия признала, что в случаях, подпадающих под эту статью, в отличие от случаев нарушения договора, основание для прекращения договора, если такое основание установлено, может считаться автоматически влияющим на действительность договора. Однако она считала нужным изложить это правило не в форме постановления, согласно которому

договор автоматически прекращался бы, а в форме постановления, согласно которому участники договора имеют право ссылаться на невозможность выполнения договора как на основание для его прекращения. Проблема заключается в том, что могут возникать споры о том, действительно ли имеет место полное исчезновение или уничтожение объекта договора, и, при отсутствии имеющего обязательную силу постановления, не следовало бы безоговорочно принимать правило, согласно которому прекращение договора автоматически наступало бы непосредственно в силу применения нормы права. В противном случае возник бы риск произвольного утверждения якобы имеющей место невозможности выполнения договора лишь в качестве предлога для отказа от договора. По этой причине Комиссия сочла необходимым формулировать эту статью таким образом, чтобы в ней предусматривалось право ссылаться на невозможность выполнения, как на основание для прекращения договора, и обусловить это право процедурными требованиями статьи 62.

6) Комиссия признала, что полное прекращение международной личности одного из участников двустороннего договора часто приводится как пример невозможности его выполнения, но решила не включать это обстоятельство в данную статью по двум причинам. Во-первых, формулировка постановления о прекращении международной личности участника договора может вызвать недоразумения, если одновременно не будет разрешен или хотя бы упомянут вопрос о преемстве государств в правах и обязанностях по международным договорам. Вопрос о преемстве является сложным вопросом, который уже изучается Комиссией отдельно, и было бы нежелательным предрешать результаты этого изучения. Поэтому Комиссия не считала, что следовало бы касаться этого вопроса в настоящей статье, и, как уже упоминалось в пункте 5 комментария к статье 39, она решила включить этот вопрос в общее постановление статьи 69.

7) Некоторые правительства затронули в своих замечаниях вопрос о том, следует ли особо предусматривать, как в связи с настоящей статьей, так и в связи со статьей 59 (коренное изменение обстоятельств), случаи частичного выполнения договора и полученных одним из участников

преимуществ до появления оснований для прекращения договора. Комиссия, признавая, что в таких случаях могут возникнуть проблемы справедливого урегулирования, высказала сомнения в желательности попыток разрешения их путем включения общего постановления в статьи 58 и 59. По мнению Комиссии, невозможно пойти дальше постановлений пункта 2 статей 66 и 67, в которых рассматриваются последствия прекращения договора.

Статья 59[251]/

Коренное изменение обстоятельств

1. На коренное изменение обстоятельств, которое произошло в отношении обстоятельств, существовавших при заключении договора, и которое не предвиделось участниками, нельзя ссылаться как на основание для прекращения договора или выхода из него, если:

a) наличие таких обстоятельств не играло важную роль в согласии участников быть связанными договором; и

b) последствия изменений не могут радикально изменить сферу действия обязательств, все еще подлежащих выполнению по договору.

2. На коренное изменение обстоятельств нельзя ссылаться:

a) как на основание для прекращения или выхода из договора, устанавливающего границу;

b) если такое коренное изменение является результатом нарушения со стороны участника, действовавшего во исполнение договора или какого-либо другого международного обязательства, которые он должен был выполнить в отношении других участников договора.

Комментарий

1) Почти все современные юристы признают, хотя и неохотно, существование в международном праве того принципа, к которому относится

251/ Проект 1963 года, статья 44.

эта статья и который обычно называется доктриной rebus sic stantibus. Точно так же, как во многих системах внутригосударственного права признается, что, совершенно независимо от какой-либо фактической невозможности выполнения, договоры могут становиться неприменимыми вследствие коренного изменения обстоятельств, так и международные договоры могут становиться неприменимыми по тем же причинам. Однако большинство юристов категорически настаивает на необходимости ограничения этой доктрины узкими пределами и на строгом регулировании условий, допускающих возможность ссылаться на нее, ибо риск, сопряженный с этой доктриной в отношении надежности договоров, при отсутствии общей системы обязательной юрисдикции, является очевидным. Условия международной жизни постоянно меняются, и легко утверждать, что вследствие этих изменений договор стал неприменимым.

2) Доказательств признания этого принципа, как нормы обычного права, довольно много, но Международный Суд пока не высказался в категорической форме по этому вопросу. В деле о Свободных зонах[252/], признав, что факты ни в коем случае не давали основания для применения указанного принципа, Постоянная палата прямо оговорила за собой право высказаться по этому вопросу позднее. Она указала, что для нее отпала необходимость рассмотрения "какого-либо из таких принципиальных вопросов, возникающих в связи с теорией о прекращении договоров вследствие изменения обстоятельств, как, например, вопросы о том, в какой мере эта теория может считаться образующей нормы международного права, в каких случаях и в каком порядке эта теория должна соблюдаться, если она признается, и относится ли она к таким договорам, которыми устанавливаются права, подобные правам, полученным Швейцарией на основании договоров 1815 и 1816 годов".

3) Внутригосударственные суды, с другой стороны, нередко признавали значение этого принципа в международном праве, хотя, по той или иной причине, неизменно отрицали, в конечном счете, применимость этого

252/ P.C.I.J. (1932), Series A/B No. 46, pp. 156-8.

принципа в конкретных обстоятельствах рассматриваемого ими дела[253]. В решениях по этим делам содержатся положения о том, что указанный принцип относится только к таким изменениям обстоятельств, которые, если принять во внимание очевидные намерения сторон в соответствующий момент, рассматривались как подразумеваемое условие данного соглашения[254], что при наступлении соответствующего изменения договор расторгается не автоматически в силу объективного права, а только в том случае, если на указанную доктрину ссылается одна из сторон[255], и что на эту доктрину нужно сослаться в течение разумного срока после того, как изменение обстоятельств было впервые замечено[256]. Далее, в деле Бремен против Пруссии[257] германский Reichsgericht , не отрицая общего значения указанной доктрины, нашел ее полностью неприменимой в том случае, когда одна из сторон пытается освободиться не от всего договора, а только от некоторых его ограничительных постановлений, составлявших существенную часть соглашения об обмене территориями.

4) На принцип rebus sic stantibus нередко делались ссылки в практике государств - либо eo nomine, либо в форме указания на общий принцип, который, как утверждалось, дает основание для прекращения или изменения обязательств по договорам ввиду изменившихся обстоятельств.

253/ e.g. Hooper v. United States, Hudson, Cases on International Law, Second Edition, p. 930; Lucerne v. Aargau (1888), Arrets du Tribunal Fédéral Suisse, Vol.8, p.57; In re Lepeschkin, Annual Digest of Public International Law Cases, 1923-4, Case No. 189; Bremen v. Prussia, Ibid., 1925-6, Case No. 266; Rothschild and Sons v. Egyptian Government, Ibid., 1925-6, Case No.14; Canton of Thurgau v. Canton of St.Gallen, Ibid., 1927-8, Case No.289; Bertaco v. Bancel, Ibid., 1935-7, Case No.201; Stransky v. Zivnostenska Bank, International Law Reports, 1955, pp. 424-7.

254/ Lucerne v. Aargau; Canton of Thurgau v. Canton of St. Gallen; Hooper v. United States.

255/ In re Lepeschkin; Stransky v. Zivnostenska Bank.

256/ Canton of Thurgau v. Canton of St. Gallen.

257/ Annual Digest of Public International Law Cases, 1925-6, Case No. 266.

Подробное рассмотрение этой практики государств невозможно в настоящем докладе. Вообще говоря, в этой практике выявляется широкое признание той точки зрения, что коренное изменение обстоятельств может служить основанием для требования о прекращении или пересмотре договора, но вместе с тем заметна и определенная склонность оспаривать право участника договора на одностороннюю денонсацию договора на этом основании. Наиболее ясные указания на отношение государств к этому принципу можно, пожалуй, найти в заявлениях, представлявшихся Суду в случаях, когда делались ссылки на данную доктрину. В деле О декретах о гражданстве французское правительство утверждало, что договоры, заключаемые "на вечные времена", всегда должны прекращаться в силу статьи rebus sic stantibus, и настаивало на том, что французский протекторат над Марокко привел, вследствие этого, к прекращению некоторых англо-французских договоров[258/]. Британское правительство, оспаривая точку зрения французского правительства, отмечало, что наиболее убедительным из доводов, приведенных Францией, была ссылка на rebus sic stantibus [259/]. В деле О денонсации китайско-бельгийского договора 1865 года Китай ссылался в общей форме на изменение обстоятельств как на основание денонсации им договора, просуществовавшего уже шестьдесят лет, и подкреплял свои утверждения ссылкой на статью 19 Пакта Лиги Наций[260/]. Эта статья, однако, предусматривала, что Собрание Лиги должно "время от времени рекомендовать пересмотр членами Лиги договоров, ставших неприменимыми", и бельгийское правительство ответило, что ни в статье 19, ни в доктрине rebus sic stantibus не имеется в виду односторонняя денонсация договоров. Оно утверждало далее, что не может быть и речи о денонсации Китаем этого договора вследствие изменения обстоятельств, если Китай даже не попытается добиться пересмотра договора на основании статьи 19, что, поскольку на обе стороны

258/ P.C.I.J. Series, C No. 2, pp. 187-188.

259/ Ibid., pp. 208-209.

260/ Ibid., No. 16, I. p.52.

распространялась юрисдикция Палаты, для Китая было бы естественным, в случае спора, получить решение Палаты и что, если он этого не сделал, он не может денонсировать договор без согласия Бельгии[261]. В деле О свободных зонах[262] само французское правительство, которое сослалось на принцип rebus sic stantibus, утверждало, что он не допускает односторонней денонсации договора, который якобы устарел. Оно указало, что согласно соответствующей доктрине договор прекращается только "lorsque le changement de circonstances aura été reconnu par un acte faisant droit entre les deux Etats intéressés": и, далее, заявило: "cet acte faisant droit entre les deux Etats intéressés peut être soit un accord, lequel accord sera une reconnaissance du changement des circonstances et de son effect sur le traité, soit une sentence du juge international compétent s'il y en a un"[263]. Швейцария, подчеркивая существующие между юристами разногласия относительно этого принципа, оспаривала существование в международном праве какого-либо подобного права на прекращение договора вследствие изменившихся обстоятельств, решение об осуществлении которого могло бы быть принято каким-либо компетентным судебным органом. Однако она основывала свои доводы главным образом на трех утверждениях: a) те обстоятельства, которые якобы изменились, не были такими обстоятельствами, дальнейшее существование которых имелось в виду, когда стороны вступили в данный договор; b) доктрина ни в коем случае не применяется к договорам, создающим территориальные права; и c) Франция слишком долго медлила, после того как обнаружилось изменение обстоятельств[264]. Франция, по-видимому, не оспаривала того, что данная доктрина неприменима к территориальным правам. Вместо этого она провела различие между территориальными правами и возникающими в связи с урегулированием территориальных

261/ Ibid., pp.22-23; the case was ultimately settled by the conclusion of a new treaty.

262/ Ibid., Series A/B No. 46.

263/ Ibid., Series C No. 58, pp.578-579, 109-146, and 405-415; see also Series C No. 17, I, pp. 89, 250, 256, 283-284.

264/ Ibid., Series C No. 58, pp. 463-476.

вопросов "личными" правами[265]. Суд признал правильными утверждения швейцарского правительства, содержащиеся в пунктах a и c, но не высказался по вопросу о применении принципа rebus sic stantibus к договорам, создающим территориальные права.

5) На указанный принцип делались, прямо или косвенно, ссылки также во время дебатов в политических органах Организации Объединенных Наций. В этих дебатах обычно не оспаривалось существование этого принципа, хотя и подчеркивались условия, ограничивающие его применение. В свою очередь Генеральный секретарь в исследовании о действительности заключенных в эпоху Лиги Наций договоров о меньшинствах, полностью признавая существование указанного принципа в международном праве, подчеркивал исключительный и ограниченный характер его применения[266]. В своих замечаниях некоторые правительства высказали сомнение в том, насколько этот принцип может считаться уже принятой нормой международного права, в то время как другие подчеркивали, что этот принцип поставит под угрозу надежность договоров, если условия его применения не будут четко определены и если не будут предусмотрены достаточные гарантии против его произвольного применения.

6) Комиссия пришла к заключению, что этот принцип, если его применение будет тщательно ограничиваться и контролироваться, должен найти себе место в современном праве договоров. Договор может оставаться в силе в течение продолжительного времени, и выполнение его постановлений может стать слишком обременительным для кого-либо из его участников вследствие коренного изменения обстоятельств. Если в таком случае другая сторона будет упорно возражать против всяких изменений, то тот факт, что международное право не признает других правовых средств прекращения или изменения договора, кроме достижения нового соглашения между теми же сторонами, может привести к обострению отношений между соответствующими государствами, и недовольное государство, в конечном итоге, может решиться на принятие

265/ Ibid., pp. 136-143.

266/ E/CN.4/367, стр. 37, см. также E/CN.4/367/Add.1.

мер, противоречащих праву. Число случаев, требующих применения указанной нормы, вероятно, будет сравнительно небольшим. Как указывалось в комментарии к статье 51, большинство современных договоров заключается на небольшой срок или на ряд последовательных сроков, состоящих из нескольких лет, с правом денонсировать договор в конце каждого срока или с прямым или косвенным признанием права прекратить договор после уведомления. Во всех этих случаях либо договор прекращается автоматически, либо каждый участник, имея право прекратить договор, располагает также возможностью оказывать давление на другого участника с целью добиться пересмотра положений договора. Тем не менее, могут еще сохраняться и такие случаи, когда, при отсутствии соглашения, один из участников может, согласно договору, оказаться лишенным всяких законных возможностей освободиться от устаревших и обременительных постановлений договора. Именно в таких случаях доктрина rebus sic stantibus может сыграть роль рычага, чтобы побудить другого участника пойти на компромисс. Кроме того, несмотря на энергичные возражения, часто выдвигаемые против этой доктрины, доказательства ее признания в международном праве настолько серьезны, что служат, очевидно, свидетельством осознания необходимости существования в праве договоров такого способа защиты.

7) В прошлом этот принцип почти всегда существовал в виде молчаливого условия, наличие которого должно было предполагаться во всяком договоре "на вечные времена" и согласно которому договор прекращается в случае коренного изменения обстоятельств. Комиссия отметила, однако, что в настоящее время существует склонность считать это молчаливое условие фикцией, при помощи которой делается попытка примирить принцип расторжения договоров вследствие коренного изменения обстоятельств с нормой pacta sunt servanda. В большинстве случаев стороны не думали о возможности изменения обстоятельств, так как, если бы они имели ее в виду, они, вероятно, предусмотрели бы ее иным образом. Кроме того, Комиссия считала эту фикцию нежелательной, так как она увеличивает риск субъективных толкований и

злоупотреблений. По этой причине Комиссия нашла, что теорию молчаливого признания условия следует отвергнуть и что принцип следует формулировать как объективную норму права, в силу которой участник международного договора может, на основе справедливости и равенства, сослаться при известных условиях на коренное изменение обстоятельств как на основание для прекращения договора. Она решила, далее, что, с тем чтобы подчеркнуть объективный характер этой нормы, лучше не пользоваться выражением " rebus sic stantibus " ни в тексте данной статьи, ни даже в ее заголовке и таким образом избежать теоретических выводов из этого выражения.

8) Кроме того, Комиссия признала, что в прошлом юристы ограничивали применение этого принципа так называемыми бессрочными договорами, т.е. договорами, не содержащими никаких постановлений об их прекращении. Однако те мотивы, на основании которых указанные авторитеты поддерживали такое ограничение этого принципа, не представлялись Комиссии убедительными. Если договор заключается на десять, двадцать, пятьдесят или девяносто девять лет, то не следует исключать возможности коренного изменения обстоятельств, которое радикальным образом затронет основу договора. Катастрофические события нынешнего столетия показывают, какие коренные изменения обстоятельств могут происходить в течение каких-нибудь десяти или двадцати лет. Если теория, о которой идет речь, будет считаться нормой объективного права, в основе которой лежит справедливость и равенство, то,очевидно, исчезнут причины для проведения различия между "бессрочными" и "долгосрочными" договорами. Далее, практика не вполне подкрепляет мнение, что соответствующий принцип относится только к "бессрочным" договорам. Некоторые договоры временного характера действительно содержат постановления, равнозначные положению rebus sic stantibus 267/. На этот

267/ Например, статья 21 Договора об ограничении морских вооружений, подписанного в Вашингтоне 6 февраля 1922 г. (Hudson, International Legislation, vol. II, p.820); статья 26 Договора об ограничении морских вооружений, подписанного в Лондоне 25 марта 1936 г. (там же, vol.VII, p.280); и Конвенция о режиме проливов, подписанная в Монтре 20 июля 1936 г. (L.N.T.S., vol. 173, p.229).

/...

принцип ссылались иногда и в отношении договоров ограниченного характера, например, в резолюции Французской Палаты депутатов от 14 декабря 1932 года была сделана прямая ссылка на принцип rebus sic stantibus в отношении Франко-американского соглашения 1926 года о военных долгах[268/]. Поэтому Комиссия решила, что эта норма не должна относиться лишь к договорам, которые не содержат постановлений об их прекращении, хотя по совершенно очевидным соображениям эта норма либо никогда не будет применяться, либо будет применяться очень редко в отношении договоров, действие которых ограничено, или договоров, которые могут быть прекращены посредством уведомления.

9) В пункте 1 определяются условия, при которых можно ссылаться на изменение обстоятельств как на основание для прекращения договора или для выхода из многостороннего договора. Это определение содержит ряд ограничительных условий, а именно: 1) должно произойти изменение обстоятельств, существовавших во время заключения договора; 2) это изменение должно быть коренным; 3) изменение должно быть также таким, которое не было предусмотрено участниками договора; 4) существование данных обстоятельств должно было представлять собой существенную основу для согласия сторон принять на себя договорное обязательство; и 5) результат изменения должен быть настолько радикальным, чтобы изменить характер обязательств, все еще подлежащих выполнению по договору. Комиссия придавала большое значение четкой формулировке этих условий. Кроме того, она решила подчеркнуть исключительный характер этого обоснования прекращения договора или выхода из него, сформулировав данную статью в отрицательной форме: "на коренное изменение обстоятельств... нельзя ссылаться как на основание для прекращения договора или выхода из него, если" и т.д.

10) В Комиссии был поднят вопрос о том, не могут ли общие изменения обстоятельств, не имеющие никакого отношения к договору, привести

268/ См. текст этой резолюции в A-C. Kiss, Répertoire français de droit international, vol. 5, pp. 384-385.

в некоторых случаях к применению принципа коренного изменения обстоятельств. Однако Комиссия пришла к заключению, что на такие общие изменения можно ссылаться как на основание для прекращения договора или выхода из него только в том случае, если они повели к изменению обстоятельств, составлявших существенную основу согласия участников на заключение договора. Некоторые члены Комиссии высказались за включение постановления, из которого ясно вытекало бы, что на субъективные изменения в позиции или в политике правительства никогда нельзя ссылаться как на основание для прекращения договора, выхода из него или приостановления его действия. Они указывали на то, что в противном случае признание изложенного в данной статье принципа было бы серьезной угрозой надежности международных договоров. Другие члены Комиссии, не оспаривая того мнения, что на одни лишь изменения в политике правительства нельзя, как правило, ссылаться как на дающие основание для применения данного принципа, полагали, что заявлять, будто на изменение политики никогда, ни при каких обстоятельствах нельзя ссылаться как на основание для прекращения договора, значило бы заходить слишком далеко. В качестве примера они указывали на договор о союзе как на такой случай, когда радикальное изменение политической ориентации правительства какой-либо страны может сделать неприемлемым, с точки зрения обоих участников договора, дальнейшее существование договора. Комиссия считала, что определение "коренного изменения обстоятельств", которое дается в пункте 1, достаточно для устранения возможности злоупотреблений, заключающихся в попытках прекращения договора лишь на основании изменения политики, и что нет необходимости углубляться в этот вопрос при формулировании данной статьи.

11) Пункт 2 исключает из сферы применения этой статьи два случая. В первом речь идет о договорах, определяющих границу, договорах, которые обе стороны в деле о Свободных зонах так же, как и большинство юристов, признают, по-видимому, лежащими вне сферы применения соответствующей нормы. Некоторые члены Комиссии полагали, что полное исключение таких договоров из сферы применения этой нормы могло бы

завести слишком далеко и было бы, быть может, несовместимо с признанным в Уставе принципом самоопределения. Комиссия, однако, пришла к заключению, что договоры, определяющие границы, должны быть признаны исключением из общего правила, так как иначе вышеуказанная норма, вместо того чтобы быть орудием мирных изменений, стала бы источником опасных трений. Далее, Комиссия стала на ту точку зрения, что "самоопределение", которое имеется в виду в Уставе, есть независимый принцип и что возникали бы недоразумения, если бы в связи с правом договоров самоопределение было представлено как применение нормы, изложенной в настоящей статье. Исключая из сферы своего применения договоры, определяющие границы, эта статья не исключает применения принципа самоопределения ни в одном из случаев, когда существуют условия для правомерного его применения. Комиссия заменила выражение "договор, определяющий границу" выражением "договор, устанавливающий границу" с учетом замечаний правительств, т.е. более широким выражением, охватывающим договоры об уступке территории или проведении границ.

12) Во втором исключении, рассматриваемом в подпункте b пункта 2, имеется в виду, что на коренное изменение обстоятельств нельзя ссылаться, если оно произошло вследствие нарушения договора делающим эту ссылку участником или вследствие нарушения этим участником других международных обязательств по отношению к другим участникам договора. Это правило является, разумеется, просто применением общего принципа права, согласно которому участник не может извлекать выгоду из своего собственного правонарушения (дело Factory at Chorzow, P.C.I.J. (1927), серии A № 9, стр. 31). Ясно, что как таковое, оно применимо в любом случае, возникающем на основании какой-либо из статей. Тем не менее, учитывая особый риск того, что коренное изменение обстоятельств может быть результатом нарушения или ряда нарушений договора, Комиссия считала желательным специально исключить из сферы действия настоящей статьи коренное изменение обстоятельств, происшедшее таким образом.

13) Некоторые правительства подчеркивали в своих замечаниях опасность этой статьи для надежности договоров, если применение ее не будет обусловлено каким-либо независимым судебным постановлением. Многие члены Комиссии также подчеркивали значение, которое они придают обеспечению надлежащих процедурных гарантий против произвольного применения принципа коренного изменения обстоятельств как необходимому условию для принятия этой статьи. В общем Комиссия, однако, не считала, что связанный с настоящей статьей риск в отношении надежности договоров носит иной характер или отличается по степени от риска, связанного со статьями, касающимися различных оснований для признания договора недействительным, или со статьями 57, 58 и 61. Она не считала, что указанный принцип, сам по себе юридически действительный, мог бы или должен был бы быть отклонен на том основании, что существует риск того, что государство, действующее недобросовестно, могло бы прибегнуть к злоупотреблению этим принципом. Комиссия полагала, что сама цель кодификации заключается в том, чтобы свести к минимуму такого рода риск путем строгого определения и ограничения условий, допускающих обоснованную ссылку на этот принцип; именно это она и пыталась сделать в данной статье. Далее, учитывая чрезвычайно важное значение надежности договоров для безопасности международных отношений, она обусловила настоящую статью - так же, как и все другие статьи, касающиеся оснований для признания договора недействительным или его прекращения, - особыми процедурными гарантиями, изложенными в статье 62.

Статья 60[269]

Разрыв дипломатических отношений

Разрыв дипломатических отношений между участниками договора сам по себе не влияет на правовые отношения, установленные между ними договором.

Комментарий

1) В этой статье предусматривается только такая ситуация, которая возникает в случае разрыва дипломатических отношений между двумя участниками как двустороннего, так и многостороннего договора, между которыми до этого существовали нормальные дипломатические отношения. В силу причин, изложенных в пункте 29 настоящего доклада, вопрос о влиянии на договоры начала военных действий - что, очевидно, может иметь место в случае разрыва дипломатических отношений - не рассматривается в настоящих статьях. Точно так же любые проблемы, которые могут возникать в области договоров вследствие непризнания какого-либо правительства, по-видимому, не носят такого характера, чтобы их следовало включать в изложение общих норм права договоров. Считалось более уместным рассматривать их в контексте других тем, с которыми они тесно связаны, т.е. либо в связи с вопросом о правопреемстве государств или правительств (который исключен из настоящей дискуссии по соображениям, указанным выше в пункте 30 введения к настоящей главе), либо в связи с вопросом о признании государств и правительств, которые Комиссия решила в 1949 году включить в предварительный список тем, отобранных для кодификации[270].

269/ Проект 1964 года, статья 64.

270/ I.L.C. Yearbook, 1949, p.281.

2) Общее представление о том, что разрыв дипломатических отношений сам по себе не ведет к прекращению договорных отношений между соответствующими государствами[271/], пользуется широкой поддержкой. В самом деле, многие юристы не включают вопроса о разрыве дипломатических отношений в обсуждение оснований для прекращения или приостановления действия договора. То обстоятельство, что разрыв дипломатических отношений сам по себе не влияет на действие правовых норм, относящихся к другим аспектам международных сношений, действительно признано в статье 2 (3) Венской конвенции о консульских сношениях 1963 года[272/], в которой предусматривается, что: "разрыв дипломатических отношений ipso facto не влечет за собой разрыва консульских отношений"; в то же время Венская конвенция о дипломатических сношениях 1961 года содержит статью (статья 45), специально касающуюся прав и обязанностей сторон в случае разрыва дипломатических отношений. Поэтому, по-видимому, правильно считать, что в принципе разрыв дипломатических отношений сам по себе не влияет на сохранение в силе договора или на сохранение в силе обязательства сторон применять его в соответствии с правилом pacta servanda sunt.

3) В тексте статьи, принятой в предварительном порядке в 1964 году, содержался второй пункт, в котором ясно предусматривалось, что разрыв дипломатических отношений может быть использован в качестве основания для приостановления действия договора, "если разрыв приводит к исчезновению средств, необходимых для применения этого договора". Иными словами, допускалось исключение из общего правила в том случае, когда разрыв дипломатических отношений приводил к чему-то сходному с временной невозможностью выполнять договор из-за

271/ Cf. Sir Gerald Fitzmaurice, Second Report on the Law of Treaties (A/CN.4/107), article 5 (iii) and paragraph 34 of the commentary, I.L.C. Yearbook, 1957, vol. II, p. 42; and Fourth Report on Law of Treaties (A/CN.4/120), article 4, I.L.C. Yearbook, 1959, vol. II, p. 54.

272/ Конференция Организации Объединенных Наций о консульских сношениях, Официальные отчеты, том II, стр. 175.

отсутствия необходимых для этого средств. Некоторые правительства выразили в своих замечаниях беспокойство по поводу того, что это исключение, если ему не будет дано конкретного определения, может позволить использовать разрыв дипломатических отношений как предлог для уклонения от выполнения договорных обязательств. В свете этих замечаний Комиссия вновь рассмотрела этот вопрос. Она отметила, что в тексте статьи 58, касающейся последующей невозможности выполнения и пересмотренной на второй части семнадцатой сессии Комиссии, предусматривается приостановление действия договора на основании невозможности его выполнения лишь в случае временного "исчезновения или уничтожения объекта, необходимого для выполнения договора"; и что разрыв дипломатических отношений касается скорее "средств", чем "объекта".

4) Кроме того, Комиссия пересмотрела свое мнение по вопросу о признании временного разрыва нормальных дипломатических отношений как случая исчезновения средств, необходимых для выполнения договора. Она считала, что в настоящее время использование третьих государств или даже прямых путей как способа установления необходимой связи в случае разрыва дипломатических отношений стало настолько обычным, что не следует признавать отсутствие нормальных дипломатических каналов как исчезновение "средств" или "объекта", необходимых для выполнения договора. Она признала, что, как указывали некоторые члены Комиссии, разрыв дипломатических отношений может быть несовместим с осуществлением известного рода договоров политического характера, как например, договоры о союзе. Однако она пришла к заключению, что любые вопросы о прекращении или приостановлении действия таких договоров вследствие разрыва дипломатических отношений должны регулироваться общим положением существующих статей относительно прекращения, денонсации и приостановления действия договоров, а также выхода из состава участников договоров. Поэтому она решила ограничить настоящую статью общим положением о том, что разрыв дипломатических отношений сам по себе не влияет на правовые

отношения, установленные договором, и что все особые случаи должны регулироваться положениями других статей.

5) В соответствии с этим в данной статье лишь предусматривается, что разрыв дипломатических отношений между участниками договора не влияет сам по себе на правовые отношения между ними, установленные договором. Выражение "разрыв дипломатических отношений", фигурирующее в статье 41 Устава и в пункте 3 статьи 2 Венской конвенции 1963 года о консульских сношениях, используется вместо выражения "прекращение дипломатических сношений", содержащегося в статье 45 Венской конвенции 1961 года о дипломатических сношениях.

Статья 61[273/]

Возникновение новой императивной нормы общего международного права

Если устанавливается новая императивная норма общего международного права такого типа, о котором говорится в статье 50, то любой действующий договор, который оказывается в противоречии с этой нормой, утрачивает силу и прекращается.

Комментарий

1) Норма, изложенная в этой статье, является логическим выводом из нормы, содержащейся в статье 50, согласно которой является ничтожным договор, "противоречащий какой-либо императивной норме общего международного права, от которой не допускается никаких отступлений". В основу статьи 50 положено, как разъяснено в комментарии к ней, предположение, что в современном международном праве существует некоторое число основных норм международного общественного порядка, от которых никакое государство не может отступать даже по соглашению с другим государством. Совершенно очевидно, что если устанавливается новая норма такого характера,- новая норма jus cogens - то в результате становятся ничтожными не только будущие, но и существующие договоры. Это вытекает из того обстоятельства, что норма jus cogens есть высшая норма, лишающая правомерности любое действие или любую ситуацию, которые ей противоречат. Примером могут служить старые договоры, которые регулировали работорговлю и выполнение которых впоследствии перестало соответствовать международному праву в результате общего признания абсолютной неправомерности всех форм рабства.

2) Комиссия обсудила вопрос о том, следует ли включить указанную норму в статью 50, и решила, что эта норма должна быть помещена среди статей о прекращении договоров. Хотя в силу этой нормы договор становится недействительным, результатом ее применения не должна

273/ Проект 1963 года, статья 45.

быть ничтожность договора с самого начала, а только с того момента, когда устанавливается новая норма jus cogens ; иными словами, она не аннулирует договор, а запрещает его дальнейшее существование и выполнение. Именно по этой причине в данной статье предусматривается, что "Если устанавливается какая-либо новая императивная норма общего международного права", договор утрачивает силу и прекращается.

3) Равным образом, хотя Комиссия не считала, что принцип отделимости постановлений договора друг от друга применим в тех случаях, когда договор является, согласно статье 50, ничтожным с самого начала в силу существующей нормы jus cogens , она полагала, что, в тех случаях, когда некоторые постановления договора, который был полностью действителен в то время, когда он был заключен, оказываются впоследствии противоречащими какой-либо новой норме jus cogens , следует исходить из иных соображений. Если такие постановления правильно считать отделимыми от остальной части договора, то, по мнению Комиссии, можно считать, что остальная часть договора все еще остается в силе.

4) В пункте 6 своего комментария к статье 50 Комиссия уже подчеркивала, что норма jus cogens не имеет обратного действия и не лишает какой-либо существующий договор его силы до того, как эта норма была установлена в качестве нормы jus cogens. Это подчеркивается в настоящей статье, поскольку она касается влияния появления новой нормы jus cogens на действительность договора как основания для прекращения договора. Этот момент также подчеркивается в статье 67, которая ограничивает последствия прекращения договора вследствие утраты им силы, связывая это, согласно настоящей статье, с периодом после введения новой нормы jus cogens.

Раздел 4 - Процедура

Статья 62[274]

Процедура, которой следует придерживаться в случае недействительности, прекращения, приостановления действия договора или выхода из него

1. Участник, который заявляет о недействительности договора или который ссылается на основание для прекращения, приостановления действия договора или выхода из него в соответствии с положениями настоящих статей, должен уведомить других участников о своей претензии. В уведомлении должны быть указаны меры, которые предполагается предпринять в отношении договора, а также основания для этого.

2. Если по истечении определенного периода, который, за исключением случаев особой неотложности, не должен быть меньше трех месяцев с момента получений уведомления, ни один участник не выскажет возражения, то направивший уведомление участник имеет право в порядке, предусмотренном в статье 63, осуществить предложенные им меры.

3. Если, однако, последует возражение со стороны любого другого участника, то участники должны добиваться решения с помощью средств, предусмотренных в статье 33 Устава Организации Объединенных Наций.

4. Ничто в предыдущих пунктах не затрагивает прав или обязанностей участников по любым действующим постановлениям, являющимся обязательными для участников в деле урегулирования споров.

5. Без ущерба для статьи 42, то обстоятельство, что государство заранее не направило уведомление, предписанное в пункте 1, не мешает ему направить такое уведомление в ответ другой стороне, требующей выполнения договора или заявляющей о его нарушении.

Комментарий

1) Многие члены Комиссии считали эту статью ключевой статьей с точки зрения применения положений настоящей части доклада, касающейся недействительности, прекращения или приостановления действия договора. Они считали, что некоторые из оснований, по которым договоры могут считаться недействительными, прекращенными или приостановленными согласно указанным разделам, если на эти основания будет

274/ Проект 1963 года, статья 51.

разрешено произвольно ссылаться при наличии возражений со стороны другого участника, могут создать действительную опасность для обеспечения договоров. Они полагали, что такая опасность особенно серьезна, когда речь идет о требованиях денонсации договора или выхода из договора вследствие якобы имевшего место нарушения его другим участником или вследствие коренного изменения обстоятельств. Для того чтобы свести эту опасность к минимуму, Комиссия попыталась по возможности точно и объективно определить те условия, при которых можно ссылаться на различные основания. Однако, когда бы участник договора ни ссылался на одно из этих оснований, решение вопроса о том, оправдано ли его требование, почти всегда зависит от фактов, установление или оценка которых может вызывать споры. Поэтому Комиссия сочла необходимым в данной статье предусмотреть процедурные гарантии, исключающие возможность произвольной ссылки на недействительность, прекращение или приостановление действия договора, используемой лишь в качестве предлога для избавления от того или иного неудобного обязательства.

2) В спорах государства нередко пользуются выражениями, указывающими на то, что недействительность или прекращение договора могут быть установлены только с согласия обоих участников. Однако такое понимание вопроса ставит применение принципов, определяющих недействительность, прекращение или приостановление действия договоров, в зависимость от воли государства, заявляющего возражение, не в меньшей мере, чем произвольное утверждение о недействительности, прекращении или приостановлении действия договора ставит применение этих принципов в зависимость от воли государства, заявляющего претензию. Это - известная проблема урегулирования разногласий между государствами. Однако, что касается договоров, то имеется особое соображение, состоящее в том, что стороны в силу переговоров и заключающие договора устанавливают между собой такое отношение, при котором существуют определенные обязательства поступать добросовестно.

3) В 1963 году некоторые члены Комиссии энергично высказывались за рекомендацию поставить применение настоящих статей в зависимость от обязательного судебного урегулирования споров Международным Судом,

если стороны не договорятся об ином способе урегулирования. Однако другие члены Комиссии указывали на то, что Женевские конвенции по морскому праву и две Венские конвенции о дипломатических и консульских сношениях не предусматривают обязательной юрисдикции. Не отрицая значения обращения к Международному Суду как средству урегулирования споров, возникающих на основании данных статей, эти члены Комиссии высказали мнение, что, при теперешнем состоянии международной практики, Комиссия поступила бы нереалистично, предложив подобное решение процедурной проблемы. После продолжительного обсуждения вопроса Комиссия пришла к выводу, что ей сначала следует предусмотреть какой-то порядок, согласно которому участник договора, ссылающийся на недействительность договора или на какое-либо основание для его прекращения, должен сообщить об этом другим участникам и дать им надлежащую возможность высказать свое мнение, а затем оговорить, что, в случае заявления другим участником какого-либо возражения, следует искать урегулирования вопроса при помощи средств, указанных в статье 33 Устава. Другими словами, Комиссия считала, что при рассмотрении данной проблемы ей следует принять за основу общее обязательство государств по международному праву "разрешать свои международные споры мирными средствами таким образом, чтобы не подвергать угрозе международный мир и безопасность и справедливость", - обязательство, которое записано в пункте 3 статьи 2 Устава и средства выполнения которого указаны в статье 33 Устава.

4) В своих замечаниях правительства, по-видимому, придерживаются единого мнения относительно общей цели данной статьи, а именно: различные основания для недействительности,прекращения или приостановления действия договора необходимо обусловить процедурными гарантиями от их произвольного использования в целях избавления от неудобных договорных обязательств. Позиция некоторых правительств состоит в том, что в пунктах 1-3 данной статьи изложены недостаточно процедурные гарантии и что следует предусмотреть специальное положение, допускающее возможность независимого судебного решения, для тех случаев, когда стороны не могут достичь соглашения. Вместе с тем

/...

другие правительства высказали мнение, что в указанных пунктах предусматриваются гарантии, которые можно считать достаточными в свете нынешних взглядов международной общественности на допустимость обязательной юрисдикции. Комиссия вновь рассмотрела этот вопрос с учетом замечаний правительств и результатов обсуждения принципа, согласно которому "государства разрешают свои международные споры мирными средствами таким образом, чтобы не подвергать угрозе международный мир, безопасность и справедливость", которое происходило в двух специальных комитетах о принципах международного права, касающихся дружественных взаимоотношений и сотрудничества государств[275/]. Она также приняла во внимание другие сведения из недавней практики государств, в том числе из Устава и Протокола Организации африканского единства. Комиссия пришла к заключению, что данная статья, принятая в предварительном порядке в 1963 году, представляет собой максимальную степень договоренности, которой можно было достигнуть между правительствами и в Комиссии по этому вопросу. Поэтому она решила сохранить нормы, изложенные в тексте этой статьи в 1963 году некоторыми редакционными изменениями.

5) В пункте 1 предусматривается, что участник договора, заявляющий о недействительности договора или ссылающийся на какое-либо основание для прекращения, приостановления договора или выхода из него, должен придерживаться обычной процедуры, согласно которой он должен прежде всего сообщить другим участникам о своей претензии. При этом он должен указать меры, которые он намерен принять в отношении данного договора (т.е. денонсация, прекращение, приостановление действия и т.д.) и основания для принятия таких мер. Затем, согласно пункту 2, он должен предоставить другим участникам надлежащий срок для ответа. Кроме случаев особой срочности, этот срок не должен быть меньше трех месяцев. Вторая стадия процедуры зависит от того, заявил ли кто-либо из участников возражение. Если этого не было сделано или

275/ Доклад Специального комитета 1964 года (A/5746), глава IV; доклад Специального комитета 1966 года (A/6230), глава III.

если не поступило ответа по истечении установленного срока, то участник может принять меры, предложенные в порядке, предусмотренном в статье 63, т.е. посредством акта, надлежащим образом составленного и препровожденного другим участникам. С другой стороны, если возражение было заявлено, то участники должны, согласно пункту 3, добиваться решения вопроса с помощью средств, указанных в статье 33 Устава. Комиссия не нашла возможным предусматривать расширение процедурных постановлений за этими пределами, чтобы в той или иной мере или форме не коснуться вопроса о принудительном разрешении спорного вопроса между сторонами. Если после обращения к средствам, указанным в статье 33, стороны заходят в тупик, каждое правительство само оценивает оценивает ситуацию и действует добросовестно. Сохраняется также право каждого государства, независимо от того, состоит ли оно членом Организации Объединенных Наций или нет, передать, при известных условиях, спор в компетентный орган Организации Объединенных Наций.

6) Даже если по мотивам, упомянутым выше в настоящем комментарии, Комиссия и считала, что она не должна идти дальше статьи 33 Устава при определении процедурных гарантий от произвольных действий, она полагала, что установление процедурных постановлений данной статьи как составной части норм, касающихся недействительности, прекращения и приостановления действия договоров будет важным шагом вперед. Определенно выраженное подчинение материальных прав, вытекающих из постановлений различных статей, процедуре, предусматриваемой в данной статье, и те препятствия, которые ставятся этой процедурой на пути односторонних действий, будут, как предполагалось, обеспечивать значительную меру защиты от чисто произвольных утверждений о недействительности, прекращении или приостановлении действия договора.

7) В пункте 4 лишь предусматривается, что ничто в данной статье не отражается на положении участников согласно каким-либо другим постановлениям об урегулировании споров, имеющим силу для этих участников.

8) В пункте 5 оговаривается право любого участника направлять уведомление, предусмотренное в пункте 1, в ответ на требование

/...

о выполнении договора или на жалобу на его нарушение, даже если это государство и не прибегало раньше к процедуре, установленной в этой статье. Например, в случае, ошибки, невозможности выполнения или изменения обстоятельств вполне возможно, что государство не сошлется на указанное основание, прежде чем на него не будет предоставлена жалоба - иногда даже в суд.При условии соблюдении положений статьи 42, касающейся последствий бездействия, лишающих государство возможности ссылаться на основание для недействительности, прекращения или приостановления действия договора, было бы правильным предусмотреть, что одно лишь то обстоятельство, что участник не направил уведомления ранее, не должно помешать ему направить такое уведомление в ответ на требование о выполнении договора или на жалобу о якобы имевшем место нарушении договора.

Статья 63[276/]

Документы об объявлении недействительности, о прекращении и приостановлении действия договора или о выходе из него

1. Любой акт об объявлении недействительности, прекращения и приостановлении действия договора или о выходе из его в соответствии с постановлениями договора или положениями пунктов 2 или 3 статьи 62 осуществляется через посредство документа, препровождаемого другим участникам.

2. Если такой документ не подписан главой государства, главой правительства или министром иностранных дел, представителю государства, передающему этот документ, может быть предложено представить полномочия.

Комментарий

1) Эта статья и статья 64 заменяют со значительными изменениями статьи 49 и 50 проекта, принятого в предварительном порядке в 1963 году.

2) Статья 50 проекта 1963 года касалась лишь порядка представления уведомлений о прекращении, приостановлении действия или выходе из

276/ Проект 1963 года, статьи 49 и 50, пункт 1.

договора на основании права, предусмотренного в договоре. При рассмотрении вновь этой статьи Комиссия отметила, что процедура, регулирующая представление уведомлений о прекращении согласно договору, будет в достаточной мере охвачена в общей статье об уведомлениях и сообщениях - теперь ставшей статьей 73, - которую она решила включить в проект статей. Иными словами, Комиссия пришла к заключению, что эта новая статья устраняет необходимость в пункте 1 статьи 50 проекта 1963 года. В то же время она считала, что нужно общее постановление, касающееся документов, на основании которых может осуществляться, согласно положениям договора или пунктам 2 и 3 статьи 51 (теперешней статьи 62), акт об объявлении недействительности, о прекращении и приостановлении действия договора или о выходе из него. Это постановление содержится в пункте 1 данной статьи, которую, по мнению Комиссии, было бы логично поставить после статьи 62, так как постановление пункта 1 неизбежно будет применяться лишь после использования процедуры, предусмотренной в статье 62.

3) Пункт 2 данной статьи заменяет статью 49 проекта 1963 года, которая была озаглавлена "Полномочия на денонсацию международного договора, его прекращение и т.д." и которая фактически повела бы к тому, что правила относительно "полномочий" представлять государство при заключении договора одинаково применялись бы на всех этапах процедуры денонсации, прекращения, приостановления действия или выхода из договора. Одно правительство в своих замечаниях поставило вопрос о том, нельзя ли удовлетворительно решить эту проблему, просто сославшись на статью, касающуюся "полномочий". Тем временем Комиссия сама внесла значительные изменения в формулировку статьи о "полномочиях". Соответственно она пересмотрела весь вопрос о наличии полномочий на денонсацию, прекращение, приостановление действия или выход из договора, трактуемый в статье 49 проекта 1963 года. Она пришла к заключению, что в случае денонсации, прекращения и т.д. договора нет необходимости устанавливать правила о доказательстве наличия полномочий в отношении этапов уведомления и ведения переговоров, предусмотренных в пунктах 1-3 статьи 51 проекта 1963 г., так

как урегулирование этого вопроса возможно обычным дипломатическим путем. Поэтому она решила ограничить пункт 2 данной статьи вопросом о предоставлении полномочий для составления заключительного документа с целью объявления недействительности, прекращения и т.д. договора. Комиссия считала, что правило, касающееся доказательства наличия полномочий на денонсацию, прекращение и т.д. договора, должно быть аналогичным правилу, регулирующему "полномочия" выражать согласие государства на принятие договорных обязательств. В пункте 2 предусматривается поэтому, что "если такой документ не подписан главой государства, главой правительства или министром иностранных дел, представителю государства, передающему этот документ, может быть предложено представить полномочия".

4) Значение этой статьи заключается, по мнению Комиссии, в том, что она требует соблюдения известных формальностей для того, чтобы добиться объявления договора недействительным, для его прекращения и т.д. и тем самым предусматривает дополнительную гарантию обеспечения договора. В моменты напряженности общественное мнение иногда высказывалось за денонсацию или прибегало к угрозам денонсации договора, которые не были обращены непосредственно к соответствующему государству. Но нет сомнения в важности того, чтобы всякое такое заявление, имеющее целью прекращение или приостановление действия договора, из каких бы инстанций оно ни исходило, не заменяло официального акта, который представляется необходимым в силу дипломатических обычаев и соблюдения правовых норм.

Статья 64[277/]

Аннулирование уведомлений и документов, предусмотренных в статьях 62 и 63

Уведомление или документ, предусмотренные в статьях 62 и 63, могут быть аннулированы в любое время до вступления их в силу.

Комментарий

1) Эта статья заменяет или воспроизводит в основном пункт 2 статьи 50 проекта 1963 года.

2) Комиссия учла, что некоторые правительства высказали в своих замечаниях сомнение в желательности изложения этого правила в форме, допускающей полную свободу аннулировать уведомления о денонсации, прекращении, приостановлении действия или выходе из договора до его вступления в силу. Она также признала, что одна из целей постановлений договора, требующих известный период для уведомления, заключается в том, чтобы дать другим участникам возможность предпринять заранее необходимые шаги для приспособления к ситуации, созданной прекращением договора или выходом из него одного из участников. Но после тщательного пересмотра вопроса Комиссия пришла к заключению, что соображения в пользу поощрения аннулирования уведомлений и документов о денонсации, прекращении и т.д. настолько убедительны, что, как общее правило, следует допускать свободу делать это до того, как такое уведомление или такой документ вступает в силу. Комиссия также считала, что право аннулировать уведомление фактически косвенно вытекает из того обстоятельства, что оно не становится действительным до известной даты и что следует представить на усмотрение участников договора установление в договоре иного правила во всех тех случаях, когда в силу особого предмета договора это оказывается необходимым.

277/ Проект 1963 года, пункт 2 статьи 50.

Далее, если другие участники знают, что уведомление не имеет окончательного характера до истечения определенного периода, они несомненно будут принимать во внимание это обстоятельство во всех своих подготовительных мерах. Таким образом, правило, изложенное в настоящей статье, предусматривает, что уведомление или документы о денонсации, прекращении и т.д. могут быть аннулированы в любое время, если в договоре не предусматривается иного порядка.

Раздел 5 - Последствия недействительности, прекращения или приостановления действия договора

Статья 65[278/]

Последствия недействительности договора

1. Постановления недействительного договора не имеют никакой юридической силы.

2. Если же были совершены действия со ссылкой на такой договор:

   a) каждый участник вправе потребовать от другого участника восстановить, насколько это возможно, в их взаимных отношениях то положение, которое существовало бы, если бы не были совершены указанные действия;

   b) действия, совершенные добросовестно до ссылки не недействительность, не считаются незаконными лишь по причине недействительности договора.

3. В случаях, подпадающих под действие статей 46, 47, 48 или 49, пункт 2 не применяется к участнику, которому приписывается совершение обмана, принуждения или подкупа.

4. В случае недействительности согласия какого-либо государства быть связанным многосторонним договором вышеуказанные правила применяются в отношениях между этим государством и участниками договора.

Комментарий

1) Эта статья касается лишь юридических последствий недействительности договора. Она не касается никаких вопросов об ответственности или обязанности удовлетворения, возникающих вследствие действий, являющихся причиной недействительности договора. В случае обмана или принуждения, например, могут возникнуть вопросы об ответственности или удовлетворении, так же как и вопрос о недействительности. Однако

278/ Проект 1963 года, статья 52.

эти вопросы исключаются из сферы действия данных статей ввиду общего постановления статьи 69.

2) Комиссия считает, что установление недействительности договора по любой из причин, изложенных в разделе 2 части V, означало бы, что договор был недействительным ab initio, а не только с даты указания оснований для этого. Только в том случае, если договор становится недействительным или прекращается согласно статье 61 раздела 3 указанной части, он не был бы недействительным с самого момента его предполагаемого заключения. Чтобы не оставлять сомнения по этому вопросу, в пункте 1 данной статьи просто говорится, что постановления недействительного договора не имеют никакой юридической силы.

3) Если даже договор недействителен с самого начала, основания для его недействительности могут по вполне убедительным причинам не указываться до тех пор, пока участники в своих действиях добросовестно придерживаются в течение некоторого периода этого договора, как если бы он был вполне действительным. В таких случаях возникает вопрос о том, каким должно быть их юридическое положение в отношении таких действий. Комиссия полагает, что в тех случаях, когда ни один из участников не может считаться правонарушителем, поскольку речь идет о причине недействительности (т.е., когда ни одному участнику не приписывается совершение обмана, подкупа или принуждения), юридическое положение должно определяться на основе принятия во внимание как недействительности договора с самого начала, так и добросовестности участников. В соответствии с этим в пункте 2a предусматривается, что каждый участник вправе потребовать от другого участника восстановить, насколько возможно, в их взаимных отношениях то положение, которое существовало бы, если бы не были совершены указанные действия. В нем признается, что в принципе недействительность договора со дня его заключения должна полностью вступить в силу и что поэтому каждый участник может потребовать восстановления, насколько это возможно, существовавшего ранее положения status quo ante. В пункте 2b, однако, предусматривается защита участников от толкования

совершенных ими добросовестно на основании договора действий как неправомерных лишь в силу того факта, что договор оказался недействительным. Комиссия имела в виду, что слова "лишь по причине недействительности договора" должны были пояснить, что если такие действия являются незаконными по любым другим причинам, не имеющим отношения к недействительности договора, то этот пункт недостаточен, чтобы сделать их законными.

4) Пункт 3 исключает, по вполне очевидным причинам, возможность пользоваться преимуществами пункта 2 участником, совершение которым обмана, принуждения или подкупа явилось причиной недействительности договора. Тот случай, когда договор не имеет юридической силы на основании статьи 50, потому что он находится в противоречии с нормой jus cogens не упоминается в пункте 3, так как он является предметом особого постановления статьи 67.

5) Пункт 4 применяет постановления предыдущих пунктов также в случае недействительности согласия какого-либо государства быть связанным многосторонним договором. В этом случае эти постановления естественно применимы лишь в отношениях между данным государством и участниками договоров.

Статья 66[279/]

Последствия прекращения действия договора

1. Если в договоре не предусматривается иное или если стороны не согласились об ином, прекращение договора, в соответствии с его постановлениями или в соответствии с настоящими статьями:

a) освобождает участников договора от всякого обязательства выполнять договор в дальнейшем;

b) не влияет на права, обязанности и правовое положение участников, возникшие в результате выполнения договора до его прекращения.

279/ Проект 1963 года, статья 53.

2. Если государство денонсирует многосторонний договор или выходит из него, пункт 1 применяется в отношениях между этим государством и каждым из остальных участников договора со дня такой денонсации или выхода из договора.

Комментарий

1) Статья 66 не имеет, как и предыдущая статья, отношения к какому-либо вопросу об ответственности или обязанности удовлетворения, которые могут возникнуть в результате таких являющихся причиной прекращения договора действий, как нарушение этого договора одним из его участников; вопросы об ответственности государства исключены из проекта в силу статьи 69.

2) Некоторые договоры содержат определенные постановления, касающиеся последствий, вытекающих из их прекращения или из выхода из договора одного из участников. В статье XIX Конвенции об ответственности лиц, эксплуатирующих ядерные суда[280], например, прямо предусматривается, что, даже после прекращения этой Конвенции, ответственность за ядерные несчастные случаи продолжается в течение некоторого срока в отношении судов, разрешение на эксплуатацию которых было получено еще при действии этой Конвенции. Далее, некоторые договоры - например, Европейская конвенция о правах человека и основных свободах[281] - прямо предусматривают, что денонсация договора не освобождает государство от его обязанностей в отношении действий, совершенных во время действия договора. Равным образом, когда наступает срок прекращения договора, или один из участников намеревается выйти из него, участники могут консультироваться и договориться об условиях, регулирующих прекращение или выход из договора. Ясно, что все такие условия, предусмотренные в договоре

280/ Подписана в Брюсселе 25 мая 1962 года.

281/ Article 65, United Nations Treaty Series. vol. 213, p. 252.

или являющиеся предметом соглашения между участниками, должны соблюдаться, и именно это и имеется в виду в начальных словах пункта 1 настоящей статьи (которые также применимы к пункту 2).

3) С учетом всех условий, содержащихся в договоре или установленных по соглашению участниками, в пункте 1 предусматривается, во-первых, что прекращение договора освобождает участника от всякого обязательства выполнять договор в дальнейшем. Во-вторых, в нем предусматривается, что прекращение договора не влияет на права, обязанности и правовое положение участников, возникшие в результате выполнения договора до его прекращения. Комиссия приняла во внимание расхождение во мнениях относительно точной юридической основы, после прекращения действия договора, прав, обязанностей или правового положения, возникших в результате выполненных постановлений договоров, но не сочла нужным занять позицию по этому теоретическому вопросу, с тем чтобы формулировать правило в пункте 1a. С другой стороны, словами "права, обязанности и правовое положение участников, возникшие в результате выполнения договора", Комиссия хотела пояснить, что пункт 1b касается лишь тех прав, обязанностей или правового положения государств-участников договора, которые возникли в результате его выполнения, и отнюдь не касается вопроса о "собственных интересах" отдельных лиц.

4) Комиссия учла, что в связи со статьей 58 (последующая невозможность выполнения) некоторые правительства подняли вопрос о справедливом урегулировании в том случае, когда договор частично выполнялся только одним участником. Хотя Комиссия и не была несогласна с идеей, лежащей в основе предложений этих правительств, она считала, что справедливое урегулирование, требуемое в каждом отдельном случае, неизбежно будет зависеть от связанных с этим особых обстоятельств. Она далее считала, что, учитывая сложность отношений между суверенными государствами, трудно будет заранее установить правило, которое окажется удовлетворительным в каждом случае. Поэтому она пришла к заключению, что этот вопрос должен быть разрешен путем применения принципа добросовестного выполнения договора, требуемого от сторон согласно норме pacta sunt servanda.

/...

5) В пункте 2 предусматривается применение тех же правил в случае денонсации или выхода какого-либо государства из многостороннего договора в отношениях между данным государством и каждым из остальных участников договора.

6) Эту статью следует читать в свете пункта 2 статьи 67, который устанавливает особое правило в случае недействительности или прекращения договора в соответствии со статьей 61 ввиду установления новой нормы jus cogens, с которой его постановления находятся в противоречии.

7) Эту статью следует также читать вместе со статьей 40, в которой, в частности, предусматривается, что прекращение или денонсация договора или выход из него одного из участников ни в коей мере не сокращает обязанности какого-либо государства выполнять любое обязательство, предусмотренное в договоре, которое должно соблюдаться в соответствии с какой-либо другой нормой международного права. Это постановление может иметь особое значение в случаях прекращения, денонсации или выхода из договора. Далее, хотя некоторые конвенции, как, например, Женевские конвенции 1949 года о гуманизации войны, прямо предусматривают, что денонсация не затрагивает обязательств, лежащих на участниках в силу общего международного права, большинство договоров этого не делает.

Статья 67[282/]

Последствия недействительности или прекращения договора, противоречащего императивной норме общего международного права

1. В случае недействительности договора в соответствии со статьей 50 участники:

282/ Новая статья.

a) устраняют, насколько это возможно, последствия любого действия, предпринятого со ссылкой на какое-либо постановление, которое противоречит императивной норме общего международного права; и

b) приводят свои взаимные отношения в соответствие с императивной нормой общего международного права.

2. В случае недействительности или прекращения договора в соответствии со статьей 61 прекращение договора:

a) освобождает участников от всякого обязательства выполнять договор в дальнейшем;

b) не влияет на права, обязанности и правовое положение участников, возникшие в результате выполнения договора до его прекращения при условии, что такие права, обязанности или положения могут в дальнейшем сохраняться только в той мере, в какой их сохранение само по себе не противоречит новой императивной норме общего международного права.

Комментарий

1) Недействительность договора ab initio в силу его противоречия норме jus cogens, действующей в момент его заключения - это особый случай недействительности договора. Вопрос, возникающий вследствие недействительности, является не столько вопросом об изменении позиции сторон по отношению друг к другу, сколько вопросом об обязанности каждой из них согласовать свою позицию с нормой jus cogens. Равным образом прекращение договора, который становится недействительным и действие которого прекращается согласно статье 61 в силу его противоречия с новой нормой jus cogens, представляет собой особый случай прекращения (и даже особый случай недействительности, поскольку такой недействительности не было с самого начала). Хотя правила, установленные в пункте 1 статьи 66 относительно последствий прекращения, в принципе применимы, следует принять во внимание новую норму jus cogens при рассмотрении вопроса о том, в какой степени права, обязанности или правовое положение участников, возникшие в результате выполнения договора до его прекращения, могут еще оставаться в силе.

2) Поскольку последствия недействительности договора на основании статьи 50 и прекращение договора на основании статьи 61 являются особыми случаями, возникающими вследствие применения нормы jus cogens, Комиссия решила объединить их в настоящей статье. Другое соображение, побудившее Комиссию предусмотреть такие случаи в одной и той же статье, заключалось в том, что их противопоставление придало бы большее значение проведению различия между первоначальной недействительностью договора согласно статье 50 и последующим аннулированием договора согласно статье 61 с момента установления новой нормы jus cogens. Принимая во внимание вытекающее из замечаний некоторых правительств неправильное представление о возможности обратной силы этих статей, Комиссия считала желательным сделать больший упор на проведение различия между идеей аннулирования в статье 50 и идеей прекращения, вытекающей из статьи 61.

3) Пункт 1 требует, чтобы участники договора, недействительного с самого начала, согласно статье 50, во-первых, устранили, насколько это возможно, последствия любого действия, предпринятого с ссылкой на какое-либо постановление, которое противоречит норме jus cogens, и, во-вторых, привели свои взаимные отношения в соответствие с этой нормой. Комиссия не считает, что в этих случаях указанный пункт должен касаться вопроса о взаимном согласовании участниками их интересов как таковых. Она считает, что этот пункт должен касаться исключительно обеспечения того, чтобы участники сами восстановили положение, которое вполне соответствовало бы норме jus cogens.

4) Пункт 2 применим к случаям, предусмотренным в статье 61, и к правилам, касающимся последствий прекращения договора, изложенным в пункте 1 статьи 66, причем добавляется одно важное постановление. Любые права, обязанности или правовое положение участников, возникшие в результате выполнения договора до его прекращения, могут в дальнейшем сохраняться только в той мере, в какой их сохранение само по себе не противоречит новой норме jus cogens. Иными словами, права, обязанности или правовое положение, действительные, когда они возникли,

не могут стать недействительными с обратной силой; но их дальнейшее сохранение после установления новой нормы jus cogens допустимо только в той мере, в какой это сохранение само по себе не противоречит этой норме.

Статья 68[283]

Последствия приостановления действия договора

1. Если в договоре не предусматривается иное или если участники не согласились об ином, приостановление действия договора в соответствии с его постановлениями или в соответствии с настоящими статьями:

a) освобождает участников, между которыми приостанавливается действие договора, от обязательства выполнять договор в своих взаимных отношениях в период приостановления;

b) не влияет на правовые отношения между участниками, установленные договором.

2. В период приостановления договора участники воздерживаются от действий, которые могли бы сделать возобновление действия договора невозможным.

Комментарий

1) Эта статья, так же как и статьи 65 и 66, не затрагивает вопроса об ответственности, который является предметом статьи 69, а касается только непосредственных последствий приостановления действия договора.

2) Поскольку в договоре могут иногда предусматриваться условия (или участники могут согласиться об условиях), которые должны соблюдаться во время приостановления действия договора, правило, содержащееся в пункте 1, зависит от такого постановления или соглашения участников. Это правило в пункте a предусматривает, что приостановление действия договора освобождает участников, между которыми

283/ Проект 1963 года, статья 54.

приостанавливается действие договора, от обязательства выполнять договор в своих взаимных отношениях в период приостановления. В В подпункте говорится об освобождении "участников, между которыми приостанавливается действие договора", так как в некоторых случаях это приостановление может произойти лишь между некоторыми участниками многостороннего договора, как, например, имеется в виду в статье 55 (соглашение в отношениях между собой о приостановлении действия договора) и в пункте 2 статьи 57 (приостановление действия договора в случае его нарушения).

3) Однако в пункте 1b подчеркивается, что приостановление действия договора "не влияет на правовые отношения между участниками, установленные договором". Это постановление имеет целью пояснить, что правовая связь между участниками, установленная договором, остается незыблемой и что приостанавливается только действие его постановлений.

4) Эта идея развивается далее в пункте 2, который определенно требует, чтобы участники воздерживались в период приостановления договора от действий, которые могли бы сделать возобновление действия договора невозможным, как только устраняются основания или причины для приостановления. Комиссия считала, что это обязательство вытекает из самого принципа "приостановления" и должно быть возложено на участников в силу их обязательства согласно норме pacta sunt servanda (статья 23) добросовестно выполнять договоры.

ЧАСТЬ VI: ПРОЧИЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ

Статья 69[284/]

Случаи правопреемства государства и ответственности государства

Положения настоящих статей не затрагивают ни одного из вопросов, которые могут возникнуть в отношении договора из правопреемства государств или из международной ответственности государства.

Комментарий

1) Комиссия по соображениям, изложенным в пунктах 29-31 введения к настоящей главе данного доклада, постановила не включать в проект статей никаких постановлений, касающихся 1) влияния начала военных действий на договоры, 2) правопреемства государств в отношении договоров и 3) применения правовой нормы об ответственности государства в случае нарушения обязательства, принятого по договору. При пересмотре окончательного проекта, особенно его положений, касающихся прекращения и приостановления действия договоров, Комиссия пришла к выводу, что было бы неправильно просто дать во введении к настоящей главе объяснение к исключению из проекта статей постановлений, связанных со вторым и третьим вопросами. Она решила, что определенно выраженная оговорка относительно возможного влияния правопреемства государств или международной ответственности государства на применение настоящих статей желательна для предотвращения всяких недоразумений относительно взаимосвязи между нормами, регулирующими эти вопросы, и правом договоров. Оба эти вопроса могут оказать влияние на применение некоторых частей права договоров в условиях вполне нормальных международных отношений, и Комиссия считала, что соображения логики и законченности проекта статей указывают на желательность включения общей оговорки, охватывающей случаи правопреемства и случаи ответственности государства.

284/ Новая статья.

2) Комиссии представлялось, что различные соображения относятся к случаю возникновения военных действий между участниками договора. Она признала, что факты, вытекающие из начала военных действий, могут практически привести к прекращению применения договора в сложившихся условиях. Она также признала, что могут возникнуть вопросы относительно правовых последствий начала военных действий в отношении обязательств, вытекающих из договоров. Однако она считала, что в современном международном праве начало военных действий между государствами должно рассматриваться как совершенно ненормальное условие и что правила, регулирующие его правовые последствия, не следует считать нормами, составляющими часть общих норм международного права, применяемых при нормальных отношениях между государствами. Так, Женевские конвенции о кодификации морского права не содержат оговорки в отношении случая возникновения военных действий, несмотря на очевидное воздействие, которое такое событие может оказать на применение многих постановлений указанных конвенций. Они также не имеют целью регулировать последствия такого события. Правда, одна из статей Венской конвенции о дипломатических сношениях (статья 44) и аналогичная статья Конвенции о консульских сношениях (статья 26) содержат ссылку на случаи "вооруженного конфликта". Однако особые соображения диктовали необходимость упоминания случаев вооруженного конфликта в указанных статьях, а также необходимость подчеркнуть, что нормы, изложенные в указанных статьях, остаются действительными даже в таких случаях. Венские конвенции также не имеют целью регулировать последствия возникновения военных действий; они не содержат никакой общей оговорки относительно влияния такого события на применение их постановлений. Поэтому Комиссия пришла к выводу,что она вправе рассматривать случай возникновения военных действий между участниками договора как полностью выходящий за сферу применения общего права договоров, подлежащего кодификации в настоящих статьях, и что такой случай не следует учитывать или указывать в проекте статей.

3) Оговорка, касающаяся случаев правопреемства государства и международной ответственности, формулируется в настоящей статье исключительно в общих выражениях. Это делается потому, что Комиссия считала необходимым, чтобы эта оговорка не затрагивала принципиальных вопросов, возникающих в связи с этими темами, к кодификации которых Комиссия уже приступила.

Статья 70[285]

Случай государства-агрессора

Настоящие статьи не затрагивают никаких обязательств в отношении договора, которые могут возникнуть для государства-агрессора в результате мер, предпринятых в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций в отношении такого государства-агрессора.

Комментарий

1) В своем комментарии к статье 31, которая устанавливает, что обязательство для третьего государства возникает из постановления договора лишь с его согласия, Комиссия отметила, что случай государства-агрессора не входит в сферу действия принципа, изложенного в этой статье. В то же время она отметила, что статья 49 предписывает недействительность договора, заключенного посредством принуждения государства угрозой силы или ее применения "в нарушение принципов Устава Организации Объединенных Наций", и что поэтому постановление договора, примененное к государству-агрессору, не будет нарушать статьи 49. Некоторые правительства также отмечали этот момент в своих замечаниях к статье 59 проекта 1964 года (статья 31 настоящего проекта) и предлагали включить в статью оговорку, охватывающую случай государства-агрессора. При изучении этого предложения на настоящей сессии Комиссия пришла к заключению, что если необходимо формулировать такую оговорку, то можно было бы предпочесть более общую оговорку в отношении случая государства-агрессора, применяемую к проекту статей в

285/ Новая статья.

целом. Она считала, что можно было бы иметь другие статьи, например, статьи о прекращении и приостановлении действия договоров, где меры, предпринятые против государства-агрессора, могли бы иметь последствия.

2) В этой связи Комиссией отмечались два основных момента. Во-первых, некоторые члены Комиссии подчеркивали, что если была бы включена оговорка, охватывающая проект статей в целом, то не следует создавать впечатления, что государство-агрессор должно рассматриваться как полностью "exlex" в отношении права договоров. В противном случае это могло бы помешать процессу возвращения государства-агрессора к условиям нормальных отношений с международным сообществом.

3) Во-вторых, некоторые члены Комиссии подчеркивали возможную опасность того, что один участник в одностороннем порядке может квалифицировать другого участника как агрессора в целях прекращения неудобных для него договоров, и необходимость в силу этого ограничить всякую оговорку, касающуюся случая государства-агрессора, мерами, предпринимаемыми против него в соответствии с Уставом.

4) Некоторые члены Комиссии усомнились в необходимости включения оговорки предложенного рода в общую конвенцию о праве договоров. Они считали, что случай государства-агрессора относится к совершенно определенной части международного права, возможное влияние его на действие права договоров в конкретных обстоятельствах можно предугадать и нет необходимости предусматривать его в проекте статей. Однако Комиссия пришла к выводу, что при учете характера вышеупомянутых постановлений статей 49 и 31 общая оговорка, касающаяся случая государства-агрессора, могла бы послужить полезной цели. В то же время она считала, что такую оговорку, чтобы она была приемлемой, необходимо было бы сформулировать в выражениях, которые позволят избежать трудности, указанные в пунктах 2 и 3.

5) Поэтому Комиссия постановила включить в настоящую статью оговорку, сформулированную в самых общих выражениях и констатирующую,

что настоящие статьи договоров "не затрагивают никаких обязательств в отношении договора, которые могут возникнуть для государства-агрессора в результате мер, предпринятых в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций в отношении такого государства-агрессора.

ЧАСТЬ VII: ДЕПОЗИТАРИИ, УВЕДОМЛЕНИЯ, ПОПРАВКИ И РЕГИСТРАЦИЯ

Статья 71[286/]

Депозитарии договоров

1. Депозитарий договора, который может быть государством либо международной организацией, назначается участвующими в переговорах государствами в самом договоре или каким-либо иным порядком.

2. Функции депозитария договора являются международными по своему характеру, и при исполнении этих функций депозитарий обязан действовать беспристрастно.

Комментарий

1) Депозитарий договора, основные функции которого излагаются в настоящей статье, играет важную процедурную роль в нормальном действии многостороннего договора. Многосторонний договор обычно назначает конкретное государство или международную организацию в качестве депозитария. Что касается договора, принятого внутри международной организации или на конференции, созванной под ее покровительством, то обычная практика состоит в назначении компетентного органа этой организации в качестве депозитария, а в других случаях - назначении государства, на территории которого состоялась конференция. Текст настоящей статьи, предварительно принятый в 1962 году, формулирует эту практику в форме остаточных норм, которые будут регулировать назначение депозитария многостороннего договора при отсутствии назначения в самом договоре. Ни одно правительство не высказало каких-либо возражений против указанных остаточных норм, однако при пересмотре статьи Комиссия на своей семнадцатой сессии изменила свое мнение относительно полезности указанных норм и пришла к выводу, что решение этого вопроса следует оставить на усмотрение государств, которые приняли участие в составлении договора. Поэтому пункт 1

286/ Проект 1962 года, статьи 28 и 29, пункт 1, и проект 1965 года, статья 28.

указанной статьи в его окончательной формулировке просто предусматривает, что "депозитарий, который может быть государством либо международной организацией, назначается участвующими в переговорах государствами в самом договоре или каким-либо иным порядком".

2) Комиссия на своей семнадцатой сессии решила также включить в настоящую статью содержание того, что было включено в пункт 1 статьи 29 ее проекта 1962 года. В этом пункте подчеркивается представительный характер функций депозитария и его обязанность действовать беспристрастно при исполнении этих функций. При пересмотре этого постановления Комиссия решила, что было бы лучше сказать, что функции депозитария носят международный характер. Поэтому в пункте 2 настоящей статьи теперь говорится, что "функции депозитария договора являются международными по своему характеру, и при исполнении этих функци депозитарий обязан действовать беспристрастно". Когда депозитарием является государство, в качестве участника договора оно, конечно, вправе выражать свою собственную политику, но как депозитарий оно должно быть объективным и выполнять свои функции беспристрастно.

Статья 72[287/]

Функции депозитариев

1. Функции депозитария, если в договоре не предусматривается иное, состоят, в частности:

a) в хранении оригинала договора, если это ему поручено;

b) в подготовке завершенных копий с оригинала и с любого иного текста на таких других языках, которые могут быть предусмотрены договором, а также в препровождении их государствам, имеющим право стать участниками договора;

c) в получении любых подписей договора и любых документов и уведомлений, относящихся к договору;

d) в изучении вопроса о том, соответствует ли подпись, документ или оговорка положениям договора или настоящих статей

287/ Проекты 1962 и 1965 гг., статья 29.

и, в случае необходимости, в доведении этого вопроса до сведения соответствующего государства;

e) в информировании государств, имеющих право становиться участниками договора, об актах, письмах и уведомлениях, относящихся к договору;

f) в информировании государств, имеющих право становиться участниками договора, о том, какое число подписей, ратифицированных грамот или документов о присоединении, акцептовании или утверждении, необходимое для вступления договора в силу, получено или депонировано;

g) в выполнении функций, предусмотренных в других положениях настоящих статей.

2. В случае возникновения расхождений между каким-либо государством и депозитарием относительно выполнения функций последнего депозитарий доводит этот вопрос до сведения других государств, имеющих право стать участниками договора, либо, по мере надобности, до сведения компетентного органа соответствующей организации.

Комментарий

1) Депозитарий упоминается в различных постновлениях настоящих статей, и Комиссия считала желательным изложить основные функции депозитария в одной статье. При этом она обратила особое внимание на Обзор практики Генерального секретаря как депозитария многосторонних соглашений[288/]. Поэтому пункт 1, не будучи исчерпывающим, устанавливает основные функции депозитария. Изложение этих функций в тексте статьи, предварительно принятой в 1962 году, было сокращено и изменено в свете замечаний правительств.

2) В пункте 1a говорится о функции депозитария, состоящей в "хранении оригинала договора, если это ему поручено". Это делается потому, что иногда, например, подлинный текст временно или постоянно хранится

288/ ST/LEG/7.

у государства, на территории которого состоялась конференция, а международная организация действует в качестве депозитария, как в случае с Венскими конвенциями о дипломатических и консульских сношениях.

3) Пункт 1b не нуждается в комментариях, кроме упоминания о том, что потребность в подготовке текстов на других языках может вытекать из правил той или иной международной организации, и в этом случае вопрос охватывается статьей 4. Пункт 1c не нуждается в комментариях.

4) В пункте 1d признается, что депозитарий имеет определенную обязанность изучать вопрос о том, соответствуют ли подписи, документы или оговорки применимым положениям договора или настоящих статей, и, в случае необходимости, доводить этот вопрос до сведения соответствующего государства. Однако это предел обязанности депозитария в этом отношении. В его функции не входит вынесение решения о действительности того или иного документа или оговорки. Если документ или поправка представляются необычными, то депозитарий обращает внимание сделающего оговорку государства на этот вопрос, и, если последнее не согласится с депозитарием, препровождает оговорку другим заинтересованным государствам и доводит вопрос об очевидной необычности до их сведения в соответствии с пунктом 2 настоящей статьи.

5) Пункт 1e не нуждается в комментариях, но в этой связи необходимо указать на значение статьи 73 и подчеркнуть очевидную желательность быстрого выполнения депозитарием этой функции.

6) В пункте 1f говорится об обязанности депозитария информировать государства, имеющие право становиться участниками договора, о том, какое число подписей, ратификационных грамот и т.п., необходимое для вступления договора в силу, получено или депонировано. Вопрос о том, достигнуто ли необходимое число, может иногда вызвать проблему, как и в случае, когда делаются спорные оговорки. В этой связи, как и в других, хотя на депозитария и возлагается функция предварительного изучения этого вопроса, он не компетентен выносить окончательное решение о вступлении в силу договора, обязательного для других заинтересованных государств. Как бы ни представлялось нормальным для

государств согласиться на установление депозитарием даты вступления договора в силу, кажется совершенно ясным, что такое установление может оспариваться другим государством и что в таком случае депозитарий будет обязан проконсультироваться со всеми заинтересованными государствами, как это предусмотрено в пункте 2 настоящей статьи.

7) Пункт 1g не требует комментариев.

8) Пункт 2 устанавливает общий принцип, что в случае возникновения разногласий между каким-либо государством и депозитарием относительно выполнения функций последнего депозитарий доводит этот вопрос до сведения других участвующих в переговорах государств либо, по мере надобности, до сведения компетентного органа соответствующей организации. Этот принцип в действительности вытекает из того факта, что, как отмечается выше, депозитарий не компетентен выносить решение или определять вопросы, возникающие в связи с выполнением им своих обязанностей.

Статья 73[289]/

Уведомления и сообщения

Если в договоре или в настоящих статьях не предусматривается иное, любое уведомление или сообщение, сделанное любым государством в соответствии с настоящими статьями:

a) препровождается, если нет депозитария, непосредственно государствам, которым оно предназначено; либо, если есть депозитарий - последнему;

b) считается сделанным соответствующим государством только по получении его тем государством, которому оно предназначено, или же по получении его депозитарием;

c) если оно препровождается депозитарию, то оно считается полученным государством, для которого оно предназначено, после того как последнее было уведомлено об этом депозитарием в соответствии с пунктом 1e статьи 72.

Комментарий

1) В проектах, предварительно принятых Комиссией на ее четырнадцатой, пятнадцатой и шестнадцатой сессиях, содержится ряд статей, в которых делается ссылка на сообщения или уведомления, направляемые непосредственно заинтересованным государствам, либо, если есть депозитарий - последнему. В статье 29 проекта 1962 года содержатся также постановления об обязанности депозитария препровождать такие уведомления или сообщения соответствующим государствам. При пересмотре некоторых из этих положений Комиссия на своей семнадцатой сессии пришла к выводу, что она добилась бы значительного упрощения в текстах различных статей, если бы была введена общая статья об уведомлениях и сообщениях.

2) Если в самом договоре содержатся постановления, регулирующие направление уведомлений или сообщений, требуемых в соответствии с его положениями, то они обязательно преобладают, как это признается

289/ Проект 1965 года, статья 29(bis).

/...

в начальной фразе настоящей статьи. Но общее правило, содержащееся в подпункте a, которое отражает существующую практику, состоит в том, что, если нет депозитария, уведомления или сообщения препровождаются непосредственно государству, которому они предназначены, а если есть депозитарий, то направляются последнему, который в соответствии со статьей 72 обязан информировать другие государства о таком уведомлении или сообщении. Таково правило, изложенное в подпункте a настоящей статьи. Это правило касается главным образом уведомлений и сообщений, относящихся к "жизни" договора - актам, устанавливающим согласие, оговорки, возражения, уведомления, касающиеся недействительности договора, его прекращения и т.д. Договоры, у которых есть депозитарии, такие, как Венские конвенции о дипломатических и консульских сношениях, могут содержать постановления, касающиеся существа вопросов, которые требуют уведомления. Обычно из сопутствующих обстоятельств ясно, что уведомления должны направляться непосредственно государству, которому они предназначены, и, во всяком случае, Комиссия считала, что в таких случаях процедура, которой следует придерживаться, должна определяться при толковании договора.

3) Проблема, которой Комиссия занималась преимущественно, касается юридических вопросов относительно моментов времени, когда уведомление или сообщение считаются совершенными направившим их государством и действующими в отношении государства, которому они предназначены. В подпунктах b и c излагается мнение Комиссии по этим вопросам. Комиссия не считала, что возникнут какие-либо трудности при передаче сообщения или уведомления непосредственно государству, которому они предназначены. В этих случаях, по ее мнению, должно действовать правило о том, что уведомление или сообщение не считается "сделанным" государством, передавшим их, до получения их государством, которому они предназначены. Равным образом, конечно, они не должны считаться полученными или юридически действующими в отношении этого последнего государства до этого момента. Такое правило записано в пункт b для названных случаев.

/...

4) Основная проблема состоит в соответствующих позициях государства, передающего сообщение или уведомление, и других государств, когда уведомление или сообщение направляется первым в адрес депозитария договора. В этих случаях, естественно, должен пройти какой-то промежуток времени, прежде чем уведомление будет получено государством, для которого оно предназначено. Действие административного процесса депозитария и акт передачи сообщения по назначению неизбежно вызовет некоторую задержку. Кроме того, Комиссии было сообщено, что практике известны случаи, когда такая задержка длится днями, а то и неделями. Вопрос принципиально заключается в том, следует ли депозитария считать агентом каждого участника, с тем чтобы получение уведомления или сообщения депозитарием считалось равнозначным получению их государством, которому они предназначены. По этому вопросу большинство членов Комиссии считало, что депозитарий должен считаться не более, чем удобным механизмом для совершения некоторых актов, относящихся к договору, и для препровождения уведомлений и сообщений государствам-участникам договора, либо государствам, имеющим право стать участниками такого договора. Поэтому, по мнению Комиссии, депозитария не следует считать общим агентом каждого участника, а получение депозитарием уведомления или сообщения не должно рассматриваться как автоматическое получение этого уведомления каждым из государств, для которых они предназначены. Если бы была принята противоположная точка зрения, то действие различных форм сроков, предусмотренных в настоящих статьях или предусматриваемых в договорах, могло бы быть существенно изменено, ввиду отсутствия усердия со стороны депозитария в ущерб предполагавшемуся получателю или сообщения, как, например, в соответствии с пунктом 4 или 5 статьи 17, касающейся возражений против оговорок, и пунктов 1 и 2 статьи 62, касающейся уведомлений о недействительности договора, его прекращения и т.д. Равным образом предполагавшийся получатель, все еще не зная об уведомлении или сообщении, мог бы совершенно невинно совершить акт, который причинил бы вред юридическим правам государства, которое направляло их.

/...

5) Комиссия признала, что ввиду задержки, которая может произойти с момента отправления информации депозитарию посылающим государством и до получения ее предполагаемым адресатом от депозитария, как в теории, так иногда и на практике могут возникать затруднительные вопросы о соответствующих правах и обязанностях двух указанных государств в отношении одного к другому. Комиссия, однако, не считала, что ей нужно стремиться разрешить все эти вопросы заранее на основе общей нормы, применимой во всех случаях и к каждому виду уведомления или сообщения. Она считала, что этот вопрос должен регулироваться принципом добросовестности при выполнении договоров в свете конкретных обстоятельств в каждом отдельном случае. Поэтому Комиссия решила ограничиться в тех случаях, когда есть депозитарий, изложением двух основных процедурных правил, касающихся a) препровождения уведомления или сообщения направляющим государством и b) его получения государством, которому оно предназначено.

6) Поэтому пункт b предусматривает, что в том, что касается направляющего государства, оно будет считаться сделавшим уведомление или сообщение по получении их депозитарием; таким образом, направляющее государство будет считаться направившим, например, сообщение о возражении относительно оговорки или сообщения о прекращении, если сообщение получено депозитарием. С другой стороны, в пункте b предусматривается, что уведомление или сообщение считаются полученными государством, которому они предназначены, только после того, как это государство получило сообщение об этом от депозитария. Таким образом, начальной датой срока, устанавливаемого в настоящих статьях, будет дата получения информации государством, которому предназначены уведомление или сообщение.

7) Правилам, изложенным в пунктах a, b и c настоящей статьи, предшествуют слова "Если в договоре или в настоящих статьях не предусматривается иное". Ясно, что если договор, что нередко случается,

содержит какие-либо конкретные постановления, касающиеся уведомления или сообщения, то преобладают эти постановления. Исключение в отношении "настоящих статей" подчеркивается в начальной фразе главным образом для того, чтобы исключить всякое недоразумение относительно связи между настоящей статьей и статьями 13 (обмен ратификационными грамотами, депонирование их или документов об акцептовании и т.д.) и 21 (вступление договоров в силу). Как уже разъяснялось в комментарии к статье 13, подпункты b и c этой статьи касаются лишь совершения акта, требуемого договором для установления согласия государства быть связанным таким договором. Стороны согласились, что акта депонирования будет достаточно, чтобы установить юридическую связь между депонирующим государством и любым иным государством, которое выразило свое согласие быть связанным договором. Депозитарий обязан информировать другие государства о депонировании, а уведомление, при существующей практике, не является существенной частью сделки, в силу которой депонирующее государство устанавливает правовые отношения с ними в соответствии с договором. Некоторые конвенции, такие, например, как Венские конвенции о дипломатических и консульских сношениях, по той же причине предусматривают, что, прежде чем акт о ратификации и т.п. вступит в силу для других договаривающихся государств, должен пройти короткий период времени. Однако, если в договоре не устанавливается иное, "уведомление" как таковое не является неотъемлемой частью процесса, устанавливающего юридическую связь между депонирующим государством и другими договаривающимися государствами. Аналогичным образом в случае вступления договора в силу уведомление не является, если в договоре не оговаривается иное, неотъемлемым элементом процесса вступления в силу. Поэтому не считалось, что в действительности существует какое-либо противоречие между статьями 13 и 21 и настоящей статьей. Но во всяком случае конкретные постановления указанных статей преобладают.

8) Сфера применения настоящей статьи ограничивается уведомлениями и сообщениями, направляемыми "в соответствии с настоящими статьями". Как уже отмечалось в пункте 2 настоящего комментария, уведомления и сообщения, которые должны делаться в соответствии с договорами, имеют различные виды. Поскольку нормы, установленные в настоящей статье, в ряде случаев будут неуместимыми, Комиссия решила ограничить применение этой статьи уведомлениями и сообщениями, которые необходимо направлять в соответствии с любой из настоящих статей.

Статья 74[290/]

Исправление ошибок в текстах или в заверенных копиях договоров

1. Если после удостоверения текста договора договаривающиеся государства признали, что в нем содержится ошибка, то она, если они не условились об ином, исправляется путем:

a) внесения соответствующей поправки в текст или предъявления требования, чтобы поправка была сделана надлежащим образом уполномоченными представителями;

b) оформления отдельного документа или документов (или обмен ими) с изложением поправки, которую решено было внести; или

c) оформления исправленного текста всего договора в том же порядке, как и в случае оформления подлинного текста.

2. Если есть депозитарий договора, то он:

a) уведомляет договаривающиеся государства об ошибке или предложении исправить ее, если не последует возражений в течение определенного периода времени;

b) если по истечении этого периода не последовало возражений, вносит или требует внести исправление в текст, оформляет протокол об исправлении текста и препровождает копию договаривающимся государствам;

290/ Проект 1962 года, статьи 26 и 27, и проект 1965 года, статья 26.

c) если против предложенной поправки высказано возражение, доводит это возражение до сведения других договаривающихся государств.

3. Правила, содержащиеся в пунктах 1 и 2, применяются также в тех случаях, когда аутентичность текста удостоверена на двух или более языках и когда представляется, что между договаривающимися государствами отсутствует согласие относительно внесения поправки.

4. a) Исправленный текст заменяет собой текст, содержащий ошибку "ab initio", если договаривающиеся государства не установили иное.

b) исправление текста зарегистрированного договора доводится до сведения Секретариата Организации Объединенных Наций.

5. Если ошибка обнаруживается в заверенной копии договора, депозитарий составляет протокол, указывая на исправление, и направляет копию договаривающимся государствам.

Комментарий

1) Ошибки и неточности иногда обнаруживаются в текстах договоров, и Комиссия считала желательным включить в проект статей постановления, касающиеся методов их исправления. Ошибка или неточность могут возникнуть в результате типографской ошибки, либо описки, либо неточности изложения, являющихся результатом недоразумения, и исправление может повлиять на содержание удостоверенного текста. Если возникает спор о том, существует ли в действительности ошибка или неточность, то вопрос состоит не просто в исправлении текста, а превращается в проблему ошибки, которая подпадает под действие статьи 45. Настоящая статья касается лишь случаев, когда нет спора относительно наличия ошибки или неточности.

2) Поскольку методы исправления несколько отличаются друг от друга в зависимости от того, есть ли депозитарий или он отсутствует, проект, принятый предварительно в 1962 году, касается обоих случаев в отдельных статьях[291/]. Это сопряжено с некоторым повторением, и

291/ Статьи 26 и 27.

Комиссия на своей семнадцатой сессии решила объединить указанные две статьи. Вместе с тем в свете замечаний правительств она упростила их постановления. Таким образом, настоящая статья содержит в сокращенной форме содержание двух статей, принятых в 1962 году.

3) Пункт 1 касается исправления текста, если нет депозитария. Как решение относительно того, приступать ли к официальному исправлению текста, так и метод исправления являются по существу делом соответствующих государств. Поэтому правило, зафиксированное в пункте 1, является чисто остаточным, и его цель состоит в том, чтобы указать соответствующий метод действий в случае обнаружения ошибки в тексте. В нем предусматривается, что текст должен быть исправлен одним из трех обычных приемов[292/]. Обычно применяются те методы, которые изложены в подпунктах a и b. Только в исключительном случае целой серии ошибок может возникнуть необходимость заново пересмотреть новый текст, как это предусмотрено в подпункте c[293/].

4) Пункт 2 касается случаев, когда договор является многосторонним и когда есть депозитарий. Здесь процесс достижения договоренности заинтересованных государств в исправлении текста осуществляется рядом государств, а применение метода зависит от депозитария. При формулировании этого пункта Комиссия исходила из информации, содержащейся в Обзоре практики Генерального секретаря как депозитария многосторонних соглашений[294/]. Прием состоит в том, что депозитарий должен сообщить всем заинтересованным государствам об ошибке или неточности и о предложении внести в текст исправление, указав вместе с тем надлежащий срок, в течение которого могут быть высказаны возражения. Затем, если не последовало возражений, депозитарий, как

292/ Примеры из практики см. Hackworth's Digest of International Law, vol.5, pp. 93-101.

293/ Для примера см. Hackworth's Digest of International Law, loc.cit.

294/ См. стр. 8 - 10, 12, 19 - 20, 39 (сноска) и приложения 1 и 2.

инструмент заинтересованных государств, приступает к внесению исправления, составляет протокол, отмечая этот факт, и рассылает копию протокола соответствующим государствам. Прецедент, излагаемый на странице 9 Обзора практики, указывает, как кажется, на то, что Генеральный секретарь считает достаточным в случае типографской ошибки получить согласие тех государств, которые уже подписали текст, содержащий ошибку. Однако при установлении общего правила представляется более точным указать, что уведомление должно направляться всем договаривающимся государствам, поскольку можно допустить, что возникнут возражения относительно того, содержит или не содержит текст типографскую ошибку, например, в случае пунктуационной ошибки, которая могла бы повлиять на смысл.

5) Пункт 3 относится к приемам, содержащимся в пунктах 1 и 2, а также к случаям, когда возникают расхождения между двумя или более аутентичными языковыми вариантами, один из которых по общему согласию должен быть исправлен. Комиссия отметила, что может возникнуть вопрос об исправлении не аутентичного текста, а его вариантов, подготовленных на других языках, т.е. об исправлении ошибок перевода. Однако, поскольку это не является делом изменения аутентичного текста договора, Комиссия не сочла нужным, чтобы эта статья охватывала и этот момент. В таких случаях договаривающиеся государства вправе изменить перевод по общему согласию без особой формальности. Поэтому Комиссия считала достаточным упомянуть об этом моменте в комментарии.

6) Пункт 4a в целях устранения возможных сомнений предусматривает, что исправленный текст заменяет текст, содержащий ошибку ab initio, если не договорено иное. Поскольку в данном случае речь идет лишь об исправлении уже согласованного текста, представляется ясным, что, если договаривающиеся государства не предусмотрели иного, следует считать, что исправленный текст вступает в действие с даты вступления в действие подлинного текста.

7) Правила, содержащиеся в настоящей статье, предусматривают, что в тех случаях, когда есть депозитарий, необходимо добиваться согласия "договаривающихся государств" на исправление ошибки. Комиссия понимала, что "участвующие в переговорах государства", которые еще не изъявили своего согласия быть связанными договором, также имеют некоторую заинтересованность в исправлении текста и что на практике депозитарий обычно уведомляет "участвующие в переговорах" и "договаривающиеся" государства о любом предложении внести поправку в текст. Комиссия думала над тем, должна ли настоящая статья, - во всяком случае, в течение определенного периода после принятия текста, - специально требовать от депозитария уведомления всех "участвующих в переговорах государств", а также "договаривающихся государств". Однако она пришла к выводу, что, если бы она это сделала, указанная статья была бы чрезмерно усложнена и что если рассматривать этот вопрос с точки зрения чьего-либо права, а не просто дипломатии, то лишь за "договаривающимся государством" должно признаваться фактическое юридическое право голоса при принятии любого решения, касающегося исправления. Поэтому Комиссия решила ограничить обязанность депозитария направлением уведомления и стремлением добиться согласия "договаривающихся государств". Вместе с тем она подчеркнула, что ограничения постановлений статьи "договаривающимися государствами" ни в коей мере не следует понимать как отрицание желательности в дипломатическом плане того, чтобы депозитарий также уведомлял все "участвующие в переговорах государства", особенно если прошло мало времени после принятия текста договора.

8) Пункт 4b предусматривает, что исправление текста зарегистрированного договора доводится до сведения Секретариата Организации Объединенных Наций. Его регистрация у Генерального секретаря, как это ясно, будет полностью соответствовать духу статьи 2 Положений

Генеральной Ассамблеи о регистрации и публикации договоров и международных соглашений[295] и представляется Комиссии желательной.

9) Заверенные копии текста представляют существенное значение для действия многосторонних договоров, поскольку именно заверенная копия является текстом договора, находящимся в распоряжении отдельного государства. Поскольку существует правильный аутентичный текст и вопрос состоит лишь в том, чтобы привести копию в соответствие с правильным текстом, изложенная в пункте 2 подробная процедура об исправлении аутентичного текста является ненужной. Поэтому пункт 5 предусматривает составление и рассылку договаривающимся государствам соответствующего протокола.

295/ Статья 2 гласит: "Если договор или международное соглашение зарегистрированы в Секретариате, заверенное заявление, касающееся любых последующих действий, которые относятся к изменению состава участников либо условий, либо сферы применения, также регистрируется в Секретариате".

Статья 75[296/]

Регистрация и опубликование договоров

Договоры, заключенные участниками, подписавшими настоящие статьи, как можно скорее регистрируются в Секретариате Организации Объединенных Наций. Их регистрация и опубликование регулируются постановлениями, принимаемыми Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций.

Комментарий

1) Статья 102 Устава, повторяя в несколько измененных выражениях аналогичное положение, содержащееся в статье 18 Устава Лиги Наций, в пункте 1 предусматривает, что всякий договор и всякое международное соглашение, заключенные любым членом Организации Объединенных Наций после вступления в силу Устава, должны быть "при первой возможности, зарегистрированы в Секретариате и им опубликованы". Хотя это уставное положение ограничивается государствами-членами, государства - не члены Организации на практике "регистрировали" свои договоры в Секретариате Организации Объединенных Наций в силу обычая. В соответствии со статьей 10 Положений о регистрации и опубликовании договоров и международных соглашений, принятых Генеральной Ассамблеей, термин, употребленный вместо слова "регистрация", когда ни один из членов Организации Объединенных Наций не является участником соглашения, означает "внесение в реестр и регистрацию", но по существу это своеобразная форма добровольной регистрации. Комиссия считала, что было бы целесообразно, чтобы все государства, которые становятся участниками конвенции о праве договоров, взяли на себя позитивное обстоятельство регистрировать свои договоры в Секретариате Организации Объединенных Наций. Комиссия учитывала, что некоторые другие международные организации имеют системы регистрации договоров,

---

296/ Проекты 1962 и 1965 годов, статья 25.

связанные с данной организацией. Но эти особые системы регистрации не касаются сформулированного в Уставе обязательства регистрировать договоры и международные соглашения в Секретариате Организации Объединенных Наций, а также не касаются, по мнению Комиссии, желательности обобщать это обязательство, с тем чтобы сделать возможно полной центральную систему регистрации в Организации Объединенных Наций.

2) Поэтому настоящая статья предусматривает, что "договоры, заключенные участниками, подписавшими настоящие статьи, как можно скорее регистрируются в Секретариате Организации Объединенных Наций". Термин "регистрация" употреблен в его широком смысле, с тем чтобы охватить как "регистрацию", так и "внесение в реестр и регистрацию" в смысле терминов, употребленных в Положениях Генеральной Ассамблеи. Употреблять ли термин "внесение в перечень и регистрация", а не термин "регистрация", - этот вопрос должен решаться Генеральной Ассамблеей и Генеральным секретарем. Комиссия с некоторой неуверенностью предложила, чтобы санкции, применяемые согласно статье 102 Устава, применялись также особо и к государствам-нечленам Организации. Но, поскольку этот вопрос касается процедур органов Организации Объединенных Наций, она считала, что нарушение такого обязательства, принятого на себя государствами-нечленами Организации по общей конвенции, должно логически рассматриваться на практике как влекущее применение такой санкции.

3) Второе предложение статьи предусматривает, что регистрация и опубликование регулируются положениями, принимаемыми Генеральной Ассамблеей. Комиссия думала над тем, следует ли включать в проект статей постановления Положений Генеральной Ассамблеи, принятых в ее резолюции 97 (I) от 14 декабря 1946 г. (измененных ее резолюциями 364 B (IV) от 1 декабря 1949 г. и 482 (V) от 12 декабря 1950 года). Это важные положения, поскольку они определяют условия применения статьи 102 Устава. Однако, учитывая административный характер этих положений и тот факт, что они подлежат изменениям Генеральной Ассамблеей, Комиссия пришла к выводу, что она должна ограничиться включением указанных положений в статью 75, упомянув о них в общих выражениях.

ГЛАВА Ш

СПЕЦИАЛЬНЫЕ МИССИИ

I. Историческая справка

39. В 1958 году Комиссия международного права на своей десятой сессии одобрила проект комплекса статей о дипломатических сношениях и иммунитете. Однако Комиссия отметила, что проект касается лишь постоянных дипломатических миссий. Дипломатические отношения между государствами также принимают иные формы, которые можно было бы поместить под рубрикой "дипломатия ad hoc ", охватывающей послов со специальными поручениями, дипломатические конференции и специальные миссии, направляемые в государства с ограниченными целями. Комиссия считала, что такие формы дипломатии также следует изучить, с тем чтобы выработать нормы права, регулирующие их, и предложила специальному докладчику сделать доклад по этому вопросу и представить свой отчет на одной из очередных сессий[297/]. Комиссия на своей одиннадцатой сессии (1959 год) постановила включить вопрос о дипломатии ad hoc в качестве специального вопроса в повестку дня ее двенадцатой сессии (1960 год).

40. Специальным докладчиком был назначен г-н А.Е.Ф. Сандстрем. Он представил свой доклад[298/] двенадцатой сессии, и на основе этого доклада Комиссия приняла решения и сформулировала рекомендации относительно правил, касающихся специальных миссий[299/]. Проект Комиссии был очень кратким. Он был основан на той идее, что правила дипломатических сношений и иммунитета, в общем подготовленные Комиссией, должны в целом относиться к специальным миссиям по аналогии. Комиссия выразила мнение, что этот краткий проект следует передать на рассмотрение Конференции по дипломатическим сношениям и иммунитету, созванной в Вене весной 1961 года. Однако Комиссия подчеркивала, что она

297/ Yearbook of the International Law Commission, 1958, том П, стр.89, пункт 51.

298/ Цитируемое издание, 1960 год, том П, стр. 108, документ A/CN.4/129.

299/ Там же, стр. 179 и 180.

не смогла превратить этот проект в тщательное исследование, что она обычно и делала. По этой причине Комиссия считала свой проект лишь предварительным исследованием, проведенным для того, чтобы выдвинуть идеи и предложения, которые должны были быть приняты во внимание на Венской конференции[300/].

41. На своем 943-м пленарном заседании, состоявшемся 12 декабря 1960 года, Генеральная Ассамблея по рекомендации Шестого комитета постановила передать указанный проект статей на рассмотрение Венской конференции с рекомендацией, чтобы Конференция рассмотрела их вместе с проектом статей по дипломатическим сношениям и иммунитету[301/]. Венская конференция включила этот вопрос в свою повестку дня и назначила специальный Подкомитет для изучения его[302/].

42. Подкомитет отметил, что в проекте статей указывается лишь, какие из положений о постоянных миссиях применяются к специальным миссиям, а какие нет.Подкомитет придерживался той точки зрения, что проекты статей не подходят для включения в заключительную конвенцию без длительного и подробного изучения, которое могло бы произойти только после окончательного принятия комплекса положений о постоянных миссиях. По этой причине Подкомитет рекомендовал, чтобы Конференция вновь передала этот вопрос на рассмотрение Генеральной Ассамблеи, с тем чтобы Ассамблея могла рекомендовать Комиссии международного права продолжить изучение этого вопроса, т.е., чтобы она продолжила изучение вопроса в свете Венской конвенции по дипломатическим сношениям, которая была составлена позже. 10 апреля 1961 г. Конференция на своем четвертом пленарном заседании приняла рекомендацию Подкомитета[303/].

300/ Там же, стр. 179.

301/ Резолюция 1504 (XV).

302/ В состав Подкомитета входили представители Эквадора, Ирака, Италии, Японии, Сенегала, СССР, Соединенного Королевства, Соединенных Штатов Америки и Югославии.

303/ Yearbook of the International Law Commission, 1963, том II, стр. 157, документ A/CN.4/155 , пункты 44-45.

43. Указанный вопрос вновь был передан на рассмотрение Генеральной Ассамблее. 18 декабря 1961 г. Генеральная Ассамблея по рекомендации Шестого комитета приняла резолюцию 1687 (XVI), в которой она предложила Комиссии международного права продолжить изучение этого вопроса и сообщить об этом Генеральной Ассамблее.

44. В соответствии с указанной резолюцией вопрос был вновь передан на рассмотрение Комиссии международного права, которая 27 июня 1962 г. на своем 669-м заседании включила его в повестку дня своей пятнадцатой сессии. Кроме того, Комиссия предложила Секретариату подготовить рабочий документ по этому вопросу.

45. На своей пятнадцатой сессии (712-е заседание) Комиссия назначила г-на Милана Бартоша специальным докладчиком по вопросу о специальных миссиях.

46. По этому случаю Комиссия приняла следующее решение:

> "Относительно подхода к кодификации этого предмета Комиссия постановила, что специальный докладчик должен подготовить проект статей. Эти статьи должны быть основаны на постановлениях Венской конвенции о дипломатических сношениях (1961 год), но специальный докладчик должен иметь в виду, что специальные миссии как в силу их функций, так и в силу их характера являются институтом, отличным от постоянных миссий. Кроме того, Комиссия считала, что еще не назрело время для принятия решения о том, должен ли проект статей по специальным миссиям быть в форме дополнительного протокола к Венской конвенции 1961 года или он должен быть включен в отдельную конвенцию, или быть в какой-либо иной удобной форме, и что Комиссия должна подождать рекомендации специального докладчика по этому вопросу"304/.

47. Кроме того, Комиссия рассмотрела вновь вопрос о том, должен ли вопрос о специальных миссиях охватывать также статус правительственных делегаций на конгрессах и конференциях. В этой связи

304/ Там же, стр. 225, пункт 64.

Комиссия на своей пятнадцатой сессии включила следующий пункт в ее ежегодный доклад Генеральной Ассамблее:

"Что касается сферы применения данного предмета, то члены Комиссии согласились, что предмет о специальных миссиях должен охватывать послов со специальными поручениями в соответствии с ее постановлением, принятым на сессии в 1960 году[305/]. На указанной сессии Комиссия также постановила[306/] не касаться привилегий и иммунитетов делегаций на конгрессы и конференции и конференции как части исследования о специальных миссиях, поскольку вопрос о дипломатических конференциях связан с вопросом об отношениях между государствами и межправительственными организациями. На данной сессии этот вопрос был поднят вновь, причем особое внимание было обращено на конференции, созываемые государствами. Однако большинство членов Комиссии высказало мнение, что в настоящее время в компетенцию специального докладчика не должен входить вопрос о делегациях на конгрессы и конференции"[307/].

48. Специальный докладчик представил свой доклад[308/], который был включен в повестку дня шестнадцатой сессии Комиссии.

49. Комиссия рассматривала этот доклад дважды. Сначала (на 723-м, 724-м и 725-м заседаниях) она провела общую дискуссию и дала специальному докладчику общие инструкции о продолжении исследования и представлении продолжения его доклада на следующей сессии. Затем (на 757-м, 758-м, 760-м - 763-м и 768-м - 770-м заседаниях) она изучила ряд проектов статей и приняла шестнадцать статей при условии, что

305/ Там же, 1960 год, том I, стр. 260, пункт 26.

306/ Там же, пункт 25.

307/ Там же, 1963 год, том II, стр. 225, пункт 63.

308/ Там же, 1964 год, том II, стр. 67, документ A/CN.4/166.

они могут быть дополнены в случае необходимости на семнадцатой сессии. Эти статьи были представлены Генеральной Ассамблее и правительствам государств-членов для информации.

50. Генеральная Ассамблея, ввиду обстановки, сложившейся во время ее очередной сессии в 1964 году, не рассмотрела указанный доклад и, поэтому не выразила своего мнения Комиссии. Вследствие этого Комиссия вынуждена была возобновить свою работу по данному предмету с того места, где она остановилась на своей шестнадцатой сессии в 1964 году. Специальный докладчик выразил надежду, что доклады по этому вопросу, представленные в 1964 и 1965 годах, будут сведены в один общий доклад.

51. Предмет о специальных миссиях был включен в повестку дня семнадцатой сессии Комиссии, на которой специальный докладчик представил свой второй доклад[309/]. Комиссия рассмотрела этот доклад на своих 804-м - 809-м, 817-м, 819-м и 820-м заседаниях.

52. Комиссия рассмотрела все статьи, предложенные во втором докладе специального докладчика. Она приняла 28 статей проекта, которые идут вслед за шестнадцатью статьями, принятыми на шестнадцатой сессии. Комиссия предложила, чтобы Генеральная Ассамблея рассмотрела все статьи, принятые на шестнадцатой и семнадцатой сессиях, в виде единого проекта.

53. При подготовке проекта статей Комиссия стремилась кодифицировать современные нормы международного права, касающиеся специальных миссий, и статьи, сформулированные Комиссией, содержат элементы прогрессивного развития и кодификации права.

54. В соответствии со статьями 16 и 21 своего Положения Комиссия постановила разослать через Генерального секретаря свой проект статей о специальных миссиях правительствам и предложить им высказать свои замечания. Правительствам было предложено представить свои замечания к 1 мая 1966 года. Считалось, что этот короткий срок необходим для того, чтобы Комиссия в ее нынешнем составе сумела завершить свой окончательный проект по специальным миссиям.

309/ A/CN.4/179.

55. Комиссия постановила представить Генеральной Ассамблее и правительствам государств-членов Организации, кроме проекта статей в разделе В доклада, некоторые другие постановления, предложения и замечания, изложенные в разделе С, по которым Комиссия просила представить возможные замечания, с тем чтобы облегчить ее последующую работу.

56. Генеральная Ассамблея рассмотрела проект статей, которые были препровождены государствам-членам Организации для замечаний. Однако к открытию восемнадцатой сессии Комиссии только ограниченное число государств представило свои замечания.

П. Краткий отчет о дискуссии в Комиссии на ее восемнадцатой сессии

57. Комиссия на своей семнадцатой сессии постановила посвятить свою очередную сессию рассмотрению права договоров и проекта статей по специальным миссиям. В начале восемнадцатой сессии стало очевидным, что для рассмотрения одного только права договоров потребуется почти вся эта сессия. Поскольку Комиссия стремилась завершить изучение проекта статей по этому предмету в ходе своей восемнадцатой сессии, она постановила рассмотреть этот вопрос в качестве первоочередного и посвятить лишь ограниченное время рассмотрению проекта статей по специальным миссиям.

58. Специальный докладчик представил свой третий доклад[310/] Комиссии, которая имела также в своем распоряжении замечания, полученные от правительств по проекту статей о специальных миссиях[311/].

59. Комиссия рассматривала этот вопрос в период с 24 июня по 4 июля 1966 г. на своих 877-м, 878-м и 881-м - 883-м заседаниях. Она рассмотрела некоторые вопросы общего характера, касающиеся специальных миссий, которые вытекают из замечаний правительств и которые важно было урегулировать в качестве предварительного условия для последующей работы по проектам статей этого предмета. Общие вопросы, выдвинутые специальным докладчиком, следующие:

А. Характер постановлений, касающихся специальных миссий

60. После рассмотрения замечаний правительств по этому вопросу Комиссия постановила просить специального докладчика построить свой проект с учетом той точки зрения, что постановления проекта статей по специальным миссиям в принципе не могут составлять норм, от которых участники не могут отойти по взаимному согласию. Специальному докладчику было предложено представить Комиссии проект статьи, которая содержала бы эту точку зрения и указывала бы конкретно, какое из постановлений, если таковое будет, должно быть, по его мнению, исключено из этого принципа.

310/ Документ A/CN.4/189и Add.1 и 2.
311/ Документ A/CN.4/188 и Add.1 и 2.

/...

B. Различия между разного рода специальными миссиями

61. Комиссия обратила внимание на замечания правительств по этому вопросу и, в частности, на возможность разграничения специальных миссий политического характера и миссий, которые носят чисто технический характер. Таким образом, возник вопрос, желательно ли проводить различие между специальными миссиями в отношении привилегий и иммунитета членов миссии технического характера. Комиссия подтвердила свою точку зрения о том, что невозможно проводить различие между специальными миссиями политического характера и миссиями технического характера, ибо каждая специальная миссия представляет суверенное государство в его отношениях с другим государством. С другой стороны, Комиссия пришла к выводу, что есть некоторое оправдание для предложения правительств о том, чтобы пределы некоторых привилегий и иммунитета были ограничены в случае особых категорий специальных миссий. Комиссия предложила специальному докладчику пересмотреть эту проблему, точнее вопрос о применении функциональной теории и вопрос об ограничении пределов некоторых привилегий и иммунитета в случае особых категорий специальных миссий. Комиссия поручила специальному докладчику представить ей проект постановления по этому вопросу, который предусматривал бы в частности, что всякое ограничение такого характера должно регулироваться соглашением между заинтересованными государствами.

C. Вопрос о включении в проект статей постановления, запрещающего дискриминацию

62. После рассмотрения замечаний правительств и их мнений по вопросу, поднятому Комиссией в пункте 49 ее доклада о работе первой части ее семнадцатой сессии (1965 год), Комиссия пересмотрела свое предыдущее решение по этому вопросу и предложила специальному докладчику представить проект статьи, запрещающей дискриминацию, основанной на статье 47 Венской конвенции о дипломатических отношениях и статьи 72 Венской конвенции о консульских сношениях. Однако эта статья должна

была учесть различие в характере и задачах специальных миссий и тот факт, что обстоятельства могут привести к тому, что на практике такое различие будет проводиться.

D. Взаимность в применении проекта статей

63. Комиссия приняла к сведению мнение одного из правительств о том, что в проекте статьи о специальных миссиях должно быть постановление о взаимности. Однако Комиссия согласилась с мнением специального докладчика, что взаимность является условием, лежащим в основе постановлений любого договора, поэтому нет необходимости включать в проект статей о специальных миссиях определенное постановление о том, что принцип взаимности должен соблюдаться.

E. Взаимосвязь с другими международными соглашениями

64. В пункте 50 своего доклада о работе первой части семнадцатой сессии (1965 год) Комиссия коснулась вопроса о том, должен ли проект статей о специальных миссиях включать постановление о взаимосвязи между этими статьями и другими международными соглашениями, в соответствии со статьей 73 Венской конвенции о консульских сношениях. После рассмотрения замечаний правительств и мнения специального докладчика по этому вопросу Комиссия предложила специальному докладчику представить проект статьи по указанному вопросу, основанному на Конвенции о привилегиях и иммунитетах Организации Объединенных Наций, Венской конвенции о дипломатических сношениях и Венской конвенции о консульских сношениях.

F. Форма документа, касающегося специальных миссий

65. На своей пятнадцатой сессии (712-е заседание) Комиссия выразила мнение, что еще не настало время для принятия решения относительно того, должен ли проект статей о специальных миссиях быть в форме дополнительного протокола к Венской конвенции 1961 года, должен ли он быть включен в отдельную конвенцию или быть в какой-либо иной подходящей форме. Комиссия решила подождать рекомендации специального

докладчика по этому вопросу. Во время обсуждения Шестым комитетом Генеральной Ассамблеи докладов Комиссии международного права о ее шестнадцатой и семнадцатой сессиях некоторые делегации высказали свое мнение по этому вопросу. В свете этих мнений и письменных замечаний правительств Комиссия предложила специальному докладчику продолжить свою работу по проекту статей о специальных миссиях, исходя из того, что проект будет в форме отдельного документа, хотя и будет сохранять возможно большее сходство со структурой Венской конвенции о дипломатических сношениях.

G. Принятие документа, касающегося специальных миссий

66. Хотя Комиссия не запрашивала правительства, как, по их мнению, должен приниматься текст документа, касающегося специальных миссий, некоторые правительства выразили свою точку зрения по этому вопросу в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи или в своих письменных замечаниях. Комиссия отложила свое решение по этому вопросу до следующей сессии.

H. Преамбула

67. Хотя в настоящее время не принято, чтобы Комиссия готовила преамбулы к проектам, которые она представляет Генеральной Ассамблее, одно из правительств в своих письменных замечаниях выразило мнение, что преамбула к конвенции о специальных миссиях должна давать определения специальных миссий и подчеркивать различие между специальными миссиями и постоянными дипломатическими миссиями. После обсуждения этого вопроса Комиссия поручила специальному комитету составить проект преамбулы и представить его Комиссии.

I. Расположение статей

68. Комиссия намеревалась изменить расположение статей по специальным миссиям при их окончательном формулировании. Некоторые правительства в своих письменных замечаниях или при обсуждении этого вопроса в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи также предлагали,

чтобы Комиссия изменила порядок статей при их окончательном утверждении. В соответствии с мнением специального докладчика Комиссия решила, что на данном этапе было бы преждевременно изменять порядок статей. Однако Комиссия предложила специальному докладчику подготовить проект изменения порядка статей и представить его Редакционному комитету Комиссии, когда будут окончательно приниматься статьи.

J. Проект постановлений, касающихся так называемых специальных миссий высокого уровня

69. Комиссия международного права на своей шестнадцатой сессии постановила предложить специальному докладчику представить на ее очередной сессии статьи, касающиеся юридического статуса так называемых специальных миссий высокого уровня, в частности специальных миссий, возглавляемых главами государств, главами правительств, министрами иностранных дел и министрами правительств. Специальный докладчик в своем втором докладе (A/CN.4/179) представил семнадцатой сессии Комиссии проект комплекса постановлений, касающихся так называемых специальных миссий высокого уровня. Комиссия не рассматривала этот проект на своей семнадцатой сессии, но рассмотрела вопрос о том, следует ли составлять специальные правовые нормы для так называемых специальных миссий высокого уровня, главы которых занимают высокие посты в своих государствах. Она отметила, что она была бы признательна правительствам за высказанные по этому вопросу мнения, и выразила надежду, что предложения правительств будут по возможности конкретными. Отметив мнения правительств, Комиссия рекомендовала специальному докладчику не готовить проекта постановлений, относящихся к так называемым специальным миссиям высокого уровня, включить в часть II проекта статей положение, касающееся статуса главы государства как главы специальной миссии, и рассмотреть вопрос о том, желательно ли упоминать конкретную ситуацию такой категории специальных миссий в постановлениях, касающихся определенных видов иммунитета. Поэтому специальному докладчику было поручено предпринять необходимое исследование по этому вопросу и представить Комиссии соответствующие заключения.

/...

К. Вступительная статья

70. В пункте 46 своего доклада о работе семнадцатой сессии (1965 год) Комиссия поручила специальному докладчику подготовить и представить Комиссии вступительную статью об уоптреблении терминов, содержащихся в проекте, с тем чтобы указанный текст был упрощен и сжат. Эта идея встретила общее понимание как во время дискуссии в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи, так и в письменных замечаниях правительств. В соответствии с указанным постановлением Комиссии и в свете мнений, высказанных правительствами, специальный докладчик представил Комиссии на ее восемнадцатой сессии проект вступительной статьи, устанавливающей термины и понятия, употребленные в некоторых статьях проекта о специальных миссиях. В этом проекте вступительной статьи дается определение ряда следующих терминов: специальная миссия, постоянная дипломатическая миссия, консульский пункт, глава специальной миссии, представитель, делегация, члены специальной миссии, члены и персонал специальной миссии, члены персонала специальной миссии, члены дипломатического персонала, члены административного и технического персонала, члены обслуживающего персонала, частный персонал, направляющее государство, принимающее государство, третье государство, задача специальной миссии и помещение специальной миссии. Комиссия признала полезной статью такого рода, которая, будучи принятой, способствовала бы сокращению текста ряда статей. Комиссия постановила отложить рассмотрение вступительной статьи и поручила специальному докладчику рассмотреть эту новую статью вновь и, в случае необходимости, пересмотреть и представить ее Комиссии.

Ш. Другие постановления Комиссии

71. Поскольку у Комиссии не было времени рассматривать замечания правительств по проекту статей о специальных миссиях и поскольку ограниченное число правительств прислало свои замечания, Комиссия постановила предложить государствам-членам Организации представить свои замечания по этому вопросу возможно скорее, во всяком случае не позже 1 марта 1967 года.

ГЛАВА IV

ДРУГИЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ И ЗАКЛЮЧЕНИЯ КОМИССИИ

A. Организация будущей работы

72. Комиссия отметила, что полномочия ее нынешних членов истекают 31 декабря 1966 г. и что выборы всех членов состоятся на двадцать первой сессии Генеральной Ассамблеи. Комиссия, не желая ограничивать свободу действий ее членов в 1967 году, все же признает, что это постоянный орган и что она должна предпринять меры к обеспечению продолжения работы по предметам, отобранным для кодификации и прогрессивного развития.

73. Поэтому Комиссия подтверждает и ссылается на свое первое решение, записанное в докладе 1953 года[312/], о том, что специальный докладчик, который переизбирается как член Комиссии, должен продолжать свою работу по этому предмету, если эта работа окончательно не выполнена Комиссией и если Комиссия в ее новом составе не примет иного решения.

74. Члены Комиссии согласились также, что предварительная повестка дня девятнадцатой сессии в 1967 году должна включать пункты о специальных миссиях, об отношениях между государствами и межправительственными организациями, об ответственности государства и о правопреемстве государств и правительств. Даже если специальный докладчик по одному или по нескольким из этих предметов не будет переизбран, в результате чего не будет доклада по одному из предметов или возникнут трудности при обсуждении доклада в отсутствие его автора, то включение всех вышеупомянутых пунктов в предварительную повестку дня даст новому составу Комиссии возможность пересмотреть указания в рукодящие разъяснения, которые давались до этого Комиссией ранее назначившимся специальным докладчикам.

312/ Yearbook of the International Law Commission, 1953, vol.II, p.231, para.172.

B. Время и место проведения девятнадцатой сессии

75. Комиссия постановила провести свою очередную сессию в отделении Секретариата Организации Объединенных Наций в Женеве в течение десяти недель с 8 мая по 14 июля 1967 года.

C. Сотрудничество с другими органами

Афро-азиатский юридический консультативный комитет

76. Афро-азиатский юридический консультативный комитет был представлен г-ном Р.С.С. Кольмейером.

77. 23 мая 1966 г. Комиссия на своем 856-м заседании рассмотрела полученное ею ранее предложение направить наблюдателя на сессии Афро-азиатского юридического консультативного комитета. Восьмая сессия Комитета состоится в Бангкоке с 1 по 10 августа 1966 года. Комиссия предложила своему председателю г-ну Мустафе Камилю Яссину принять участие в этой сессии или, если он не сможет сделать это, назначить другого члена Комиссии для той же цели.

Европейский комитет по правовому сотрудничеству

78. Европейский комитет по правовому сотрудничеству был представлен г-ном Х. Голсонгом. 29 июня 1966 г. на 880-м заседании г-н Голсонг информировал Комиссию о том, что Европейский комитет решил на своей пятой сессии, состоявшейся с 20 по 24 июня 1966 г. в Страсбурге, установить рабочие отношения с Комиссией и что Комиссия будет приглашаться на будущие заседания Европейского комитета для участия в обсуждении вопросов, входящих в компетенцию обоих органов.

Межамериканский совет юристов

79. Межамериканский юридический комитет - постоянный орган Межамериканского совета юристов - был представлен г-ном Хосе Хоакином Сайседо Кастилья.

D. Представительство на двадцать первой сессии Генеральной Ассамблеи

80. Комиссия постановила, что она будет представлена на двацать первой сессии Генеральной Ассамблеи своим председателем г-ном Мустафой Камиль Яссином.

E. Семинар по международному праву

81. Во исполнение резолюции 2045 (XX) Генеральной Ассамблеи от 8 декабря 1965 г. отделение Секретариата Организации Объединенных Наций в Женеве организовало вторую сессию семинара по международному праву для совершенствующих знания в этом вопросе и для молодых работников государственного аппарата, занимающихся в своих соответствующих странах вопросами международного права, который должен быть проведен в период нынешней сессии Комиссии. В семинаре, одиннадцать заседаний которого состоялось с 9 по 27 мая 1965 г., приняло участие двадцать два человека из двадцати одной страны. Участники семинара присутствовали также на заседаниях Комиссии в этот период. Они прослушали лекции членов Комиссии, двух членов Секретариата и профессора Женевского университета. Общим вопросом обсуждения было право договоров, но были также прочитаны лекции по вопросу о специальных миссиях и об отношениях между государствами и межправительственными организациями. В связи с семинаром Организации Объединенных Наций не понесла никаких расходов, она не брала на себя никакой ответственности за проезд и за оплату расходов участников на время их пребывания.

82. Правительства Израиля и Швеции выделили стипендии для участников из развивающихся стран. Было выделено четыре кандидата для получения стипендий. Ввиду непредвиденных обстоятельств два кандидата были вынуждены отказаться от стипендий перед самым открытием сессии семинара. Поэтому могла быть израсходована только часть предложенных средств.

83. Должное внимание было обращено на замечания членов Комиссии международного права на предшествующей сессии и на замечания представителей в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи, а также на ту часть резолюции 2045 (XX) Генеральной Ассамблеи, которая требует участия значительного числа граждан из развивающихся стран. Особые усилия были приложены к принятию довольно большого числа граждан из указанных стран.

84. От имени Комиссии председатель выразил признательность за организацию семинара, который оказался полезным мероприятием для тех, кто в нем участвовал. Он содействовал расширению связей между Комиссией и миром международного права вообще как в теоретическом, так и в практическом плане. Комиссия рекомендует, чтобы очередные семинары проводились во время ее сессий.

КАК ПОЛУЧИТЬ ИЗДАНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

Издания Организации Объединенных Наций можно купить в книжных магазинах и агентствах во всех районах мира. Наводите справки об изданиях в вашем книжном магазине или пишите по адресу: Организация Объединенных Наций, Торговая секция, Нью-Йорк или Женева.

HOW TO OBTAIN UNITED NATIONS PUBLICATIONS

United Nations publications may be obtained from bookstores and distributors throughout the world. Consult your bookstore or write to: United Nations, Sales Section, New York or Geneva.

Litho in U.N.

Price for Vols. I and II: $U.S. 3.00
(or equivalent in other currencies)

20300-November 1966-300

REPORTS OF THE INTERNATIONAL LAW COMMISSION
on the second part of its seventeenth session, 3—28 January 1966 and on its eighteenth session, 4 May—19 July 1966
General Assembly Official Records: Twenty-first Session, Supplement No. 9 (A/6309/Rev.1) Vol. I